

МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ

А Т Л А С
ЗАПУЩЕННЫХ
ТЕРРИТОРИЙ
к н и г а - з а п о в е д н и к

неполное собрание сочинений
Т о м 3

Третьим будешь?

КРАСНОГОРСК 1984-1999

масштаб 1 стр. — 2 кв. см.

КАРТА ЗАПОВЕДНИКА

Верхний слой:

1. Пьяный ёжик (2-11)
2. Дед Пехоркин (11-19)
3. Дедушка Яшка (20-23)
4. Нежные сказки (23-26)
5. Всякие всячести (26-27)
6. Коммунальная квартира (27-29)
7. Сказочные нежности (30-33)
8. Утомлённые стихи (33-37)

Центральный слой

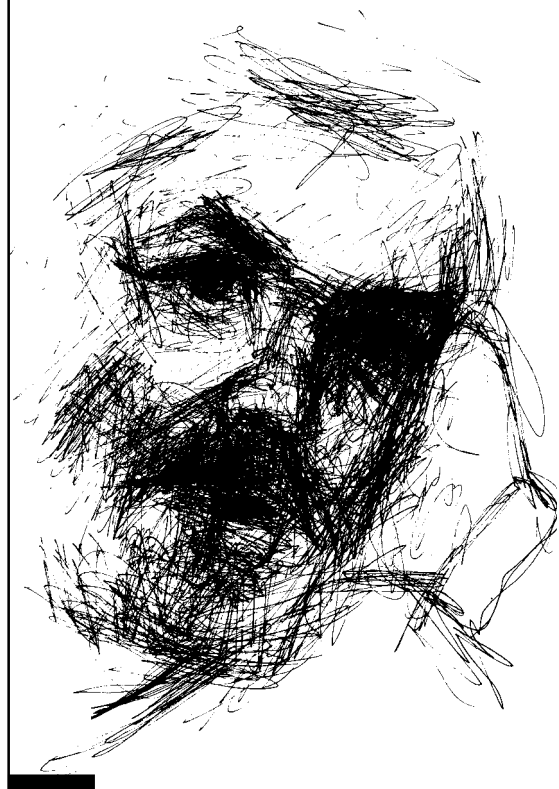
9. Изящная словесность (37-126)
 - 9.1 Мой словарь (37-97)
 - 9.2 История буквы (97-103)
 - 9.3 Здание словесности (103-115)
 - 9.4 Постояльцы словесности (115-122)
 - 9.5 Импровизации (122-126)

Глубинные слои

10. Поиски смысла (126-139)
11. Мыслеобразования (139-142)
12. Тонкая тень (142-144)
13. Возвышенная ветреность (144-147)
14. Белая поэзия. (147-156)
15. Экспериментальная стилистика (156-158)
16. Автор (158-159)
17. Атлас (160)

часть I
и последняя

СВОДЫ, ВИДЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Краткий свод основных жанров

притчи и причитания, анекдоты и синецдохи, сказки, присказки, подсказки и указания, байки, яти, элегии и оды, эпиграфы, эпиграммы и эпитафии, стихи и стильхи, песни, частушки, по-
словицы, шутки, прибаутки и просто утки, поговорки, скорого-
ворки и приговорки, афоризмы, каламбуры и карамболи, инци-
денты и эпизоды, рассказы и рассказцы, пьесы, интервью и эссе,
романы и разборы романов, молитвы, баллады и шарады, мета-
форы, тропы, мемуары, объявления и заклинания, шифрограм-
мы и палиндромы, сноски и ссылки, дразнилки, ругалки, считал-
ки, бормоталки и обзывалки, слоганы и поздравления, статьи и
речи, вести и повести, были и небылицы, отчёты, очерки и ре-
портажи, предисловия, послесловия, присловия, пустословия и
славословия, диалоги и монологи, басни и былины, лимерики и
хмелерики, пародии и импровизации, хроники и хронологии,
слова и словосочетания, фразы и парафразы, поучения и нраво-
учения, цитаты и трактаты, мысли и бессмыслицы, императивы
и максимы, правила и исключения, циклы и заклинания, скетчи
и тосты, черновики и чистовики, наброски и эскизы, воспоми-
нания, припоминания и напоминания, верлибры и анапестиз-
мы, мифы и апокрифы, жития и бытописания, анналы и летопи-
си, истории, истерии и мистерии, игры и заигрывания, умности,
заумности и просто глупости, филологии и технологии, оксюмо-
роны и метонимии, параболы и гиперболы, листы и литоты, ам-
фиболии и амплификации, тексты и подтексты, появления,
проявления и заявления, отписки, записки, приписки и выпис-
ки, рапорты и ракурсы, папки и файлы, каталоги и мартирологи,
словари, энциклопедии и определения, манифесты и проклама-
ции, призывания, воззвания и признания, нелепицы и околесицы,
нескладушки и неладушки, постебушки и пост-ебушки, глаголы
и разглагольствования, существа и существительные, приложе-
ния и прилагательные, нарекания и наречия, частности и части-
цы, причастности и причастия, имена и местоимения, междо-
метия и междутемия, числа и числительные, звуки, буквы, знаки
препинания, ошибки и опечатки, и т.д., и т.п., и пр., и всё осталь-
ное, имеющее хоть какое-то отношение к изящной словесности

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЗАПОВЕДНИКУ

В принципе, странствие по заповеднику можно начать из любой территории. Ткнуть в карту пальцем, как в старом добром кино, и куда перст случая укажет, туда и отправиться. Но с другой стороны, наш заповедник всё-таки книжный и поэтому путешествие справа налево и сверху вниз освящено вековой европейской традицией. Поэтому, если вы человек крепких устоев и твёрдых правил, то про-чит-шаг-айте по всем запущенным местам по установленному порядку, начиная с верхних слоёв и заканчивая в глубинных. От Ёжика до автора и при желании обратно. Или ещё раз, выборочно, по особо полюбившимся территориям. Однако к повторным странствиям следует относиться с определённой осторожностью, поскольку внутренняя система заповедника заиклена по принципу положительной обратной связи: чем глубже вы погружаетесь в постижение одной территории, тем глубже засасывает следующая. И при движении по кругу вы рискуете настолько плотно завязнуть в филологических заповедных дебрях, что так навсегда и останетесь на какой-нибудь территории, превратившись из читателя-путешественника в персонажа... Что, кстати, уже и случилось со мной...

ТЕРРИТОРИЯ ПЬЯНОГО ЁЖИКА

Из путеводителя

«Философия пьяного ёжика» была написана осенью 1993 года. В 1996 году я наконец-то издал её с замечательными иллюстрациями Дмитрия Дроздецкого. История издания этой маленькой книжицы оказалась весьма забавной. В небольшой типографии, где был размещён заказ, почему-то постоянно менялись хозяева, и вместе с ними терялись мои указания по изданию. Заказ для вторых хозяев показался невыгодным, и они тянули его как могли. Последнему хозяину, а вернее, хозяйке досталась брошюровка, и она, ничтоже сумняшеся, отдала указание прошить книжку скрепками не под обложкой, как это было задумано, а поверх неё. В результате ёжик стал по настоящему колючим и в конечном итоге наверное всё-таки выиграл от подобного с ним обращения.

Успех «философии» был просто потрясающим, книжка передавалась из рук в руки, пересказывалась, цитировалась, ксерокопировалась и т.д., и т.п.

В настоящем издании представлен расширенный, дополненный и исправленный вариант философии.

Исправленному верить — Ёжик.

ФИЛОСОФИЯ ПЬЯНОГО ЁЖИКА

1. СОЗДАНИЕ ГОЛЕМА

Жил-был мудрый Ёжик, который любил читать наставления. Но кому нужны твои наставления, если каждый гриб знает, как ему расти, и каждое солнце знает, как ему светить; а что касается собратьев ежей, так они, непутёвые, умирают каждую осень вместе с облетающей листвой и пожухлой травой с тем, чтобы снова родиться ранней весной рядом с лиловыми подснежниками и умирающим снегом, удивляясь неустанно жизни и смутно припоминая, что всё это уже когда-то было... Никто не верил мудрому Ёжику, что после осенней смерти наступают странные времена, когда с неба падают холодные перья, а реки коченеют от холода и становятся твёрдыми, аки камни. Никто не верил ему, что осеннюю смерть перехитрить не так-то и трудно и что он ел твёрдую воду, что он знает тайну веков, что он может научить бессмертию. Никто не верил...

И тогда мудрый Ёжик вылепил себе колобка, нарисовал ему глаза, чтобы колобок мог видеть его, нарисовал ему уши, чтобы колобок мог слушать его, рот рисовать не стал, чтобы колобок не перебивал его, но слепил ему руки, чтобы тот мог здороваться с ним, и это, кстати, оказалось ошибкой мастера, ибо колобок, глядясь в лесную лужу, сам нарисовал себе довольно кривенький ротик, через который у них потом с избытком было неприятностей.

Ёжик окрестил колобка Големом и тут же начал читать ему наставления.

2. КАК ИЗБЕЖАТЬ ПОЛОСАТОЙ ЖИЗНИ

— Если ты не хочешь, чтобы жизнь казалась тебе в полоску, никогда не гляди на неё сквозь иголки, растущие на спине,— поучал мудрый Ёжик своего нового друга.

— Но послушай, Ёжик, у меня нет иголок,— возразил колобок.

— Это поправимо,— сказал Ёжик и воткнул в его лысую голову сосновую ветку.

3. ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ВРЕДА

— Плюнь тому в глаза, кто тебе скажет, что мухоморы есть вредно, ибо вред понятие не абсолютное.

Колобок, ничтоже сумняшеся, тут же прицельно плюнул в правый глаз проходящей мимо почтенной ежихи. После чего оба они загремели в лесную милицию, где милицейские волки основательно намяли им бока и намылили шею. По части боков особенно досталось колобку, ибо каждый знает, что бить ёжиков — это себе дороже.

И вот, потрёпанные и покусанные, они сидели у родного пенька за горсткой грибов мухоморов и вели свои бесконечные разговоры о смысле жизни и о последствиях применения теоретических воззрений.

— Кстати, колобок, а почему ты плюнул в глаза той почтенной ежихе, ведь она не сказала ни слова о вреде мухоморов?— поинтересовался Ёжик.

— Неужели ты думаешь, Ёжик, что она могла бы сказать по-другому?!— изумился колобок.

— Никогда не ставь себя на место другого, это всегда приводит к непоправимым ошибкам,— констатировал Ёжик.

4. НЕОЖИДАННАЯ УГРОЗА ИСТОРИИ

Однажды Ёжик и колобок, основательно набравшись мухоморов, решили набить серые морды стражам лесного порядка, за все обиды свои и унижения, что привелось им вынести в недалёком прошлом.

На их счастье, волки не едят печёное тесто и не любят возиться с ежовой колючкой, а то история наша могла бы кончиться, так толком и не развернувшись на всю колючую поднебесную.

5. ЁЖКИНЫ ЭЛЕГИИ

Как-то раз Ёжик, хряпнув с утречка пару молоденьких мухоморчиков, впал в элегическое настроение и написал вот такие стихи:

*Съел мухомор,
И жизнь пошла в горошек —
Нора не убрана,
Не собраны коренья...*

На что колобок, кирнувший на рассвете аж целых три приличных мухомора, весьма философически заметил:

*Зачем рыть норы,
Собирать коренья?
Съел мухомор,
И сразу жизнь в горошек!*

6. ПОИСКИ ИСТИНЫ

— Где ж это ты, перезрелый репейник, так без друга-то намухоморился?— спросил колобок, вытаскивая Ёжика из придорожной канавы, забредшего туда не иначе как в поисках истины.

На что Ёжик (не читавший, заметим, философских трактатов) весьма гордо отвечивал:

— Голем мне друг, но истина дороже!

— Эх, ёж, верблюжья колючка! Неуж не знаешь ты, что только коллективный разум способен разгадать извилистую истину канавы,— сказал ему на это колобок.

7. НЕСОВЕРШЕНСТВО МИРА

Как-то в среду колобок с Ёжиком, наколдырявшись поутряни мухоморов, написали на песчаном плёсе реки Торопливой вот такие стихи:

*Река торопливо зачем-то
Несёт в никуда свои бурные воды...
А на другом берегу
Под раскидистой елью
Выросло, словно для нас,
Красно-белое чудо.
Если б ударил мороз
И сковал эту бурную реку,
Мы, аки посуху,
Вышли б к желанному берегу.
Жаль, что суровой зимой
Не растут на снегу мухоморы.*

Написав эти стихи, Ёж с колобком ушли в лесную чащу, обсуждая несовершенство мира и сетуя на божественную несправедливость.

8. О ВОЗВЫШЕНИИ

— Ты зачем это, лысая лепёшка, на ель забрался, иль повеситься решил, иль с высоты примечаешь места, где растут мухоморы?— почти что стихами допрашивал Ёж колобка.

— Вишь ли, колючий отец и поддатый учитель, мне захотелось пожить, хоть немного, возвышенной жизнью,— в тон Ёжику буровил колобок.

— Тыфу тебя, ёжкина мать, раскудри её в душу! Нечто не знаешь, плешняк, что лишь в духе возвыситься можно?

— В духе, конечно, за галстук загнав мухоморов, видишь глубины высот, недоступных обычному зрению, и, не поняв до конца своих мутных желаний, лезешь на ёлку, её перепутав с ежихой.

Вот какой случай случился в середине недели с маленьким, грустно-поддамым печёным комочком.

Ёж тому случаю долго дивился и думал, может, слепить для румяного друга подружку? Пресную, пышную, круглых боков колобчиху? Ну её к бису, решил он в конце философски, будет, пожалуй, дружка отучать мухоморить.

9. РАЗУМЕН ЛИ HOMO SAPIENS?

Однажды Ёжик с колобком, приняв на грудь по восемь мухоморов, на солнышке у старого пенёчка всерьёзе обсуждали человека.

— Я думаю, что вряд ли он разумный,— вот так сказал выдавший виды Ёжик.

— Во-первых, он зачем-то нацепляет на тело на свои цветные тряпки, в которых его видно за версту, что вызывает смех и удивление. Потом, он ездит на железных коробочках, в которых задохнуться нету проще, а если повезёт — не задохнёшься, то разобьёшься или что ещё. И, наконец, не ест он мухоморы и, более того, пинает их ногами иль топчет в варварстве своём лесное чудо.

— Однако, помнишь, Ёж, что раз за человеком нашли с тобой мы странную водичку, оставленную им в стеклянной таре. От той водички мы с тобой тащились ничуть не хуже, чем сейчас от мухоморов.

— Возможно, ты и прав, блестящий шарик... Как всё непросто в этом странном мире!

10. ОДНАЖДЫ УТРОМ

Однажды муторным мокрым утром, когда древний северный ветер бередил тоскующие души, дерябнув три-четыре мухомора, наш колобок ушёл поколобродить. Ему кололо правый бок с похмелья, как раз то место, где бывает печень. Но у печёных тварей есть ли печень? Тем более, когда всё тело — не что иное, как сплошная голова. Как много этой головы ему досталось! Тем более, когда болит она с похмелья! И колет бок иль что там у него? Щеку? Ужасно! И друг колючий где-то потерялся. За шуткой дружеской и муть куда-то сходит. Кругом ломает, но на сердце хорошо. И чувствуешь, что ты похож на солнце, такой же круглый, светлый и дурной. А там, глядишь, отыщем мухоморчик, пригубим по чуз-грам и запоём:

*И северный ветер шумит надо мной
Лесною грибашкой, травой зверобой.
И сердце лавиной, и песня лавиной,
Тебе половина и мне половина, а-а.*

11. СПОР О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ

Случилось так, что Ёжик с колобком, пригнув к нулю двенадцать мухоморов и закусив отборным тараканом, подняли спор о времени и месте.

— Не место,— говорил мухмортый Ёжик,— болтать о вечности на дне лесной канавы, когда язык цепляется за корни и вкус от этого во рту какой-то кислый.

— А я считаю, что вполне достойно постигнуть вечность в глубине канавы, когда язык нащупывает корни и вкус Земли во рту без горечи с кислинкой, — так колобок сказал и заблестел на солнце.

12. НЕПОНИМАНИЕ

Весь лесной мир давно плюнул на круглых мухомориков, грязных, непросыхающих, поющих непонятные песни и практически разучившихся говорить прозой, хотя, разумеется, их ахинею ни-в-коем-случае-нельзя и близко относить к стихам.

Колобком и Ёжиком пугали лесных детей. Приводили их в отрицательные примеры. Вот, мол, ни норы у них нет, ни жратвы, ночуют там, где мухомор найдут, нет, мол, от них никакого проку и даже потомства, ибо какая же мать с дуру решится рожать своего дорогого ребёнка (зайчонка, волчонка, слонёнка) от этого смухоморившегося Ёжика или, тем паче, от его печёной голяшки, которая, ко всеобщему удивлению, умела ходить, мухоморить и даже петь песни. В то злополучное время появились даже вот какие плохие поговорки, или, скорее, поругалки. Одна звериная мама в пылу зверской ссоры кричала другой: «Чтоб тебе ежа против шерсти родить!» На что обидчица отвечала: «А тебе чтоб тойного ежа да не жевавши проглотить и с ним, с непереваренным, на двор сходить!»

Но сказать по правде, Ёжику с колобком было всё-таки жалко своих излишне правильных братьев, и они, как могли, пытались скрасить их тёмное существование в сырых норах и мрачных углах. Возможно, забота их была не ахти какой уключей, но они старались изо всех своих круглых сил.

Обычно, кирнув по-маленькому, они дарили ночной тишине немного грустную и очень добрую песню:

*Крас-но-белое чу-до на зе-лёной поля-не,
Ты отку-да взяло-ся и зачем тут рас-тёшь?
Два закрученных дру-га жизнь живут, как в тумане,
И без этого чу-да вряд ли ты их пой-мёшь!*

13. ПРО ДАНЕЛА

Вообще говоря, в лесу, помимо прочего люда, жил некто Данел. Что за зверь такой и зачем здесь живёт, никто толком не знал и не ведал. Данел этот был весьма странный малый и занимался, надо сказать, дюже непотребным делом, то есть, собственно говоря, ничем иным, как помечанием ежей. Его так и звали — Данел, обметил ежей. Данела этого хлебом не корми — дай только ежа пометить. Как увидит ежа, так сразу же всё бросит, подбежит к нему и ногу, стало быть, заднюю задерёт. Ну, ежам, понятное дело, на эти его пометки плевать. Что с него взять, с Данела-то? Придурок, он завсегда придурок. Однако нашему Ёжику такие вот развлечения были не по нутру, и он этого самого Данела к себе ближе, чем на сто колючек, не подпускал. А его друг колобок, известный закрутчик слова и дела, мухоморчика, естественно, дёрнул и придумал вот такую Дразнилку-Данилку: «О, Данел, обметил ежей, а купи кожурки кружок и пукай, ежели тем боле надо!» И

самое обидное было в том, что, читая дразнилку-данилку шиворот-навыворот, то бишь справа налево, вы получали, как ни странно, абсолютно то же самое, так что даже случайно заходившие в лес китайцы понимали всю её накругло-бестолковую сущность. А Данел плакал от горя, рвал на себе шерстяную шубку и зарывался с головой под землю. И в конце-концов стал работать кротом. На что колобок весьма неглупо заметил: «Тоже мне КРОТ, тор в тебя в рот».

Причём, ежели это замечание наобормот прочесать, то вообще выходит сплошное непотребство. И особенно уж это обидное «ТОРК» выводило новоявленного крота из себя. И тогда Данел от обиды, а возможно, и от гордости ослеп, да так и ходил ослеплённый. А Ёжик по этому поводу вот как сказал:

*Будешь знать,
Куда поссать.*

А колобок, между прочим, добавил:

*Палиндром тебе в печёнку,
Пысай, брат Днел, в сторонку,
Помогай расти грибам,
Будет что замазать нам.
Мухоморы удобряй,
А ежсей не задевай!*

14. ЖИТИЕ СТАРОГО ПЕНТЮХА

И ещё, некстати будь сказано, в том самом лесу жил-был старый Пентюх. Ну, это только так говорится жил-был, а на самом-то деле он ещё ой-ё-ёй как жил: выйдет себе эдак на рассвете, поживёт в своё удовольствие, да и был таков. Собственно, и не стоило бы здесь разводить турусы на колёсах о житии старого бытии Пентюха, если бы наш знакомый колобок не увековечил его в своих лесных виршах, вот таких:

*Бывают Пентюхи на свете:
Жуют крапиву на рассвете.
Того они не понимают,
Что жизнь бездарно прожигают.*

И в конце там ещё, кажется, было знаменитое:

Тара-рара-рару-рум.

А может быть, даже и так:

*Содом-гомор-боржом,
Другое дело мы с Ежом.*

И ещё, не к рифме будь сказано, Пентюхов этих в округе — хоть пруд пруди.

15. ИСТОРИЯ О НЕПРАВИЛЬНОМ КОМАРЕ

Да, кстати, чуть не забыл рассказать вам историю о неправильном комаре. А впрочем, почему «чуть не»?

16. ИГРА В ЧИПЕР-ГРИППЕР

Между прочим, колобок с Ёжиком очень даже любили играть в чипер-гриппер. Чипер-гриппер — это такая игра, где каждое правило пускается налево, в результате чего все правила буквально испаряются и каждый играет в чипер-гриппер как хочет.

Например, колобок говорит Ёжику:

— Ну что, небритый, давай кто первый упадёт на дно канавы, тот проиграл, а может быть и выиграл, ведь тут с какого верху посмотреть.

— Кому ты хочешь проиграть, лепёшка, во мне течёт не молоко, а кровь! — вот так, к примеру, мог бы Ёж ему ответить.

17. ЕЖЕЙВЕЧЕРНЯЯ ПРОВЕРКА

Поскольку Ёжик и Колобок имели обыкновение теряться, то мудрый Ёжик решил устроить Ежейвечерние проверки. Он выстраивал колобка перед собой и командовал: «По-порядку расчи-айсь!». На что колобок обычно отвечал: «Третий!» «Ну, стало быть, все на месте», — облегчённо вздыхал Ёжик. Но иногда колобок засыпал прямо на построении и совсем не хотел рассчитываться по порядку. Тогда командир Ёжик командовал специальную наказательную команду: «Боец Колобок — лечь! Встать! Лечь! Встать! Лечь! Встать!» К чести колобка нужно сказать, что он выполнял эту команду не двигаясь и даже не просыпаясь. Что с него взять — круглый!

18. ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ

У Ёжика были рукавицы, и, понятное дело, они были ежовые. И он в них держал кого бы вы думали? Ну конечно, — колобка. На что ему колобок обычно высказывался в том смысле: «Отойди в сторонку, Ёж, — твой тулупчик не хорош!» На что довольный Ёжик отвечал: «Тулупчик — оно, конечно. С таким тулупчиком меня уж голыми руками не возьмёшь, а впрочем, и ногами — тож!»

19. ПОЯВЛЕНИЕ ЗАБЛУДШЕЙ ОВЕЧКИ

В один из тихих летних дней колобок с Ёжиком сидели, по обыкновению, у любимого пенька, похрустывая свежим мухомором, и вдруг откуда-ни-возьмись на лесной поляне появилась заблудшая овечка.

* * *

Или, пожалуй, так:

В один из тихих летних дней колобок с Ёжиком сидели у любимого пенька, поднабираясь свежим мухомором, и вдруг откуда-ни-возьмись предстала перед их пятнистым взором кудрявая заблудшая овечка.

— Не понимаю, — говорит, — как можно кислятину такую потреблять?

— Для жука скарабея и куча дерьма — именинный пирог, — философски заметил Ёжик.

— Я хотела сказать, как можно есть эту кислятину в горошек, когда полно вокруг бледнеющих поганок растёт на радость нам на белых тонких ножках?

— Однако же! — воскликнул колобок.

— Видите ли, мадемуазель овечка, ещё в моём далёком, самом первом детстве я слышал от своей колючей мамы, что если есть бледнющие поганки, то можно и иголочки отбросить,— сказал умудрённый накопленным опытом Ёжик.

— По правде сказать, и моя кучерявая мама всегда говорила: «С поганок откинешь копытца!», но мой долгий опыт общения с этими бледненькими существами показывает, что максимум, что можно и откинуть, — густую пелену, застывшую глаза и старые истёртые воззрения на наш прекрасный и подлунный мир,— сказала им мадемуазель овечка.

— Однако! — восхитился колобок.

— Век жуи, век учись,— констатировал Ёжик.

20. ГДЕ НЕТ ПРОРОКОВ?

После того, как заблудшая овечка научила колобка и Ёжика общению с бледными поганками, наши друзья и думать не думали вернуться к мухоморам. Раздавив, по обыкновению, на троих пару бледнушек, они сидели у лесного пенька застывшей композицией а-ля Андрей Рублёв, изогнув взор на развёрнутый угол и рассматривая не внешний горошек суетной жизни, а бледные глубины истосковавшейся по неземной красоте души.

Иногда лесной народец, полагая, что они наконец окочурились, сдавал их милицейским волкам или санитарным шакалам, но, зная несносный характер неразлучной троицы и не желая с нею возиться, стражи чистоты и порядка бросали их в ближайшую канаву и с чистой совестью продолжали нести свою нелёгкую службу.

К истории этой вполне применим вот такой афоризм: «Нет пророка в своём лестничестве».

21. ЁЖИК-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Получилось как-то так, что однажды с большого бледно-поганого будуна мадемуазель овечка и колобок потеряли Ёжика и ко всем прочим их бедам по всей округе как табун кабанов прошёл: не то что поганки или, на худой конец, мухомора, волчьих ягод — и тех не осталось. В тоске и печали, падая и спотыкаясь, уходили овечка и колобок на восток в надежде отыскать лазурный берег и друга своего, пропащего Ежа.

Точных сведений о том, нашли ли они свою голубую даль, не имеется, но пропащий Ёжик, ко всеобщей радости, отыскался. Он лежал в придорожной канаве, где злые шутники связали бедолаге лапки. Но, поскольку Ёжик наш не хило припоганил перед этим, то ему всё это было до белой лампочки. Он лежал на спине и выкрикивал в пространство революционные стихи, не заботясь о рифме и ритме:

*Заковали Ёжику руки,
Завязали Ёжику ноги.
Но глаза закрыть не сумели!
Ведь глаза-то смотрят вовнутрь!
Не сумели выключить мысли,
Ведь врагам они не подвластны.
Все считали — он хмырь прокислый,
А он был для них божий пастырь.*

Потом послышались какие-то музыкальные хрипы и вздохи, как будто кто-то настраивал разбитое фортепьяно, и полилась негромкая песня:

*Ля-ля-ля, жу-жу-жу,
По вселенной я брожу.
По вселенной я брожу,
Свою паству бужу.*

22. ДЕТСТВО ЁЖИКА

В долгие летние утры Ёжик любил рассказывать байки о своём первом детстве. Оказывается, у Ёжика была очень строгая мама, за малейшую провинность она тут же лупила его по голове чем попало. Доставалось ему ну просто ни за что — подумаешь, засунул младшего братишку в пасть зевнувшего бегемота, ну распорол он бегемотий желудок, ну оцарапал маненько бегемотчую задницу, ну сам пришёл в бегемотных какашках, и за такие мелочи Ёжика отхлестали по всем иголкам сосновой веткой и оставили без морковки. Тут каждый загрустит и, может, вообще скатится по наклонной плоскости и вырастет оторви-и-бросем. Да-а, что ни говорите, строгая была у Ёжика мама.

Молва о её строгостях далеко разнеслась по всем листочкам и вышла даже за пределы большого леса. Именно через неё возникло крылатое выражение: «Я тебе покажу Ёжикину мать».

23. ВОССЛАВЛЕНИЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ

На самом-то деле, не только Ёжикина компания нарушала покой и благополучие зелёного края. В лесу жил ещё.., как бы это сказать, нелюдимый медведь, который, как и древний изобретатель музыки, очень любил играть на расщепленном пенёчке заунывные мелодии и под это тереньканье неразборчиво рокотал свои медвежачьи песни.

Разумеется, наши друзья с ним быстро подружились и научили его есть поганки. Встречи их случались, как правило, у расщепленного инструмента и выглядели примерно так:

— Ну что, медведик клещеногий, о чём споём с тобой сегодня?— приветствовал медведя колобок иль Ёжик, или же овечка.

— А-а, прикатились, молоко с кровичкой! Давай восславим недоразуменье,— так им отвечивал примерно косолапка.

И они тянули длинную недоразумную песенку под скрипучий аккомпанемент щепы-трещалки:

*Не-до, не-до, не-до разумење,
Не-ре, не-ре, не-ре дваумење,
Не-ми, не-ми, не-ми триумење,
Не-фа, не-фа, не-фа сольсумење,
О, сольсумење! О, сольсумење!*

24. TO BE OR NOT TO BE?

Сверкая лысиной и напевая что-то, наш колобок увидел дядю Мишу и так его спросил, слегка покашляв:

— Как живёшь-поживаешь, клещеногий медведик?

— Да неважно, дружище. По правде добавить, неважно. Завчерась, когда с вами под песню набрался поганок, не туда куда надо снесли косолапые ноги. У

лисы золотистой случайно проснулся под утро. Вот на это особо пеняла моя медвежиха и поленом лупила с размаху в большую макитру. «Изменяешь,— кричала,— бесстыжая пьяная морда, а медведики третью неделю тоскуют без папы». Стыдно, братец, и очень тоскливо мне стало, да ещё, как назло, с похмелюги трещала макитра, потому что навряд ли б она заболела с полена. Может, с горя подохнуть пораньше осеннюю смертью? Как ты думаешь, стоит ли жить в этом мире?

— Ах, медведик! Да мне бы твои бы заботы! Быть иль нет, ну какая же это проблема? Лучше скажи, не видал ли в округе поганок, бледных, пушистых, на стройных, как дудочка, ножках? Знаешь, братан, не один ты болишь головою. Всем достаётся. А смерть — это дело пустое.

— Ладно, утешил, пожалуй что, дохнуть не буду. Кстати, ведь есть у меня небольшая заначка. Тут, в трёх шагах, под широкой раскидистой елью. Как ты считаешь, не хило бы нам припоганить, может, затянется малость глубокая рана на мозге?

— Что за вопрос, клещеногий ты мой горемыка! Ухо даю на отрез, если лучше не станет!

И, подлечившись, друзья затянули протяжно, видно, и вправду им стало немного полегче:

*Любо нам с поганкой
В этом мире жить.
Сразу нет вопроса —
Быть или не быть.
Нам бы только ветер
За руку схватить,
И по белу свету
Мы уйдём бродить.
Фюить-фюить. Фюить-фюить.
Лишь ветер бы схватить!
Фюить-фюить. Фюить-фюить.
Лишь ветер бы схватить!*

25. НЕ БОЛИТ ГОЛОВА У ДЯТЛА

В другой раз застал колобок дядю Мишу, обхватившего уши руками. Он качался, качался, как старый китайский болванчик. И читал, причитая целебное, блин, заклинание: «У дятла боли, у дятла боли, у дятла боли, а у Миши заживи! У дятла боли, у дятла боли, у дятла боли...» Но ничего, увы, не помогало! «Ты, дядя Миша, не о том бормочешь! Такая бормоталка не спасает! Все знают: голова у дятлов болеть не может, потому что — кость! Ты говори такую бормоталку: «Болит голова? Остриги до-гола, посыпь ежовым пухом, да ударь обухом и без разговора съешь три мухомора!»

Вот говорят, слова там, мухоморы, однако же медведю подмогло.

26. ОСЕННЕЕ ОСЕНЕНИЕ

Случилось так, что со всех сторон приближалась злая зима. И никто, даже мадемуазель овечка, не знал, как пережить это мёртво-морозное время с приличным толком и на всю катушку. Даже мудрый Ёжик, который не раз попадал в

подобные переделки, подумывал, а не лучше ли умереть вместе со всеми осеннею смертью, чем бродить по холодному снегу трезвым, как сосновая смола, и голодным, как инфузория тифелька. Собственно говоря, один колобок не впадал в депрессию и уверял, что если уж совсем ничего не будет, то наверняка уж что-нибудь да будет. И, как ни странно, в общем-то он оказался прав.

А воскресило их к жизни и свету вот такое событие:

По установившемуся обыкновению, в последний вторник сентября, когда от инея с утра седеют травы, сидели наши мудрые друзья за бледным зонтиком живой отравы на берегу запруды, наблюдая паденье листьев, бежевый туман, игру плотвы с пятнисто-рыжей шукой. И молвил Ёжик:

— Всё кругом обман, последний пир пред зимнею разлукой...

И вдруг:

— Смею Вас уверить, что изменения земляного покрова и температуры нижних слоёв атмосферы не могут вызвать серьёзных колебаний в глубокой и возвышенной душе, — сказал откуда не весть вынырнувший бобр и представился: Бобреус Богифасус.

— Однако! — удивился колобок.

— Хорошо тем рассуждать о влиянье погодных условий на душу, кто каждую осень откидывает свой хвост на полку, — беззлобно заметил Ёжик.

А овечка, она ничего не сказала, лишь на бобра посмотрела с надеждой.

— Господа, насколько я понимаю, глядя в ваши грустные глаза, все вы находитесь в большой зависимости от окружающего мира. Но увы Вам, господа., неужели же вы не дошли до той простой истины, что не мир управляет душой, а, наоборот, душа управляет миром!

— Однако! — поразился колобок и пукнул.

— Душа пытается исправить весьма несовершенный мир, но не всегда ей это удаётся, — заметил Ёжик.

А овечка... Она опять промолчала и лишь на бобра всё смотрела с надеждой.

— Поистине возвышенной душе заставить мир кружить под звуки её флейты совсем нетрудно, — сказал весьма серьёзно старый Богифасус.

— Конечно, летом, где под каждой ёлкой раскрыли свои зонтики поганки иль, на худой конец, красавцы-мухоморы, тогда заставить мир кружить под звуки флейты возвышенной душе совсем не трудно, — сказал бобру немного грустный Ёжик.

— Но кто мешает мудрому сознанию запасы сделать на глухую зиму?

— Я пробовал. Сушёный мухомор не лезет в горло и не возносит разум в безбрежное лазоревое небо.

— Опять, опять извечная зависимость от мира! Попробовал. Не вышло. И отставил. Запас на зиму делается просто: сушёных мухоморов и поганок, мелко истолчённых, смешать с травой под названием — «табак». И этой смесью набиваешь трубку, желательно из корня повилики. Смесью поджигаешь и вдыхаешь дым. Всё это называется куреньем. И результат его поистине божествен.

— Однако, — изумился колобок.

— Одно смущает в вашем описанье, почтенный бобр по кличке Богифасус, — упоминание о корнях повилики, которых нет в бескрайней поднебесной, — сказал довольномногознавший Ёжик.

— Про повилику молвил лишь за тем, чтоб не нарушить ритма плавной речи и не сломать её очарованья. Действительно, порой для красоты готов я жертво-

вать давно избитым фактом, затёртой истиной и заурядным словом. А трубки хороши из корня груши, из корня вереска и корня можжевела.

— Но, может быть, Вы ради плавной речи и про табак слегка присочинили? Ведь всё прекрасное отчасти бесполезно. И этот ритуал вдыханья дыма...

— О, нет! Но если есть сомнения, готов я трубочку свою пустить по кругу и на себе вы можете узнать влиянье той почти волшебной смеси, — так молвил бобр, по кличке Богифасус.

Друзья вдохнули колдовского зелья и унеслись в страну своих мечтаний. А старый Богифасус улыбался, любуясь их сошедшим в осень детством.

27. ИСТОРИЯ СЧИТАЛКИ

Кстати, именно в те благословенные времена, когда наши друзья познакомились со старым Богифасусом, и была написана известная считалка про то, как ёжик вышел из тумана. Сочинил её, по всей видимости, колобок, и звучала она вот так:

*Вышел ёжик из тумана,
Вынул трубку из кармана.
Сел с друзьями покурить
И за жизнь поговорить.*

И это уже потом нерадивые переводчики заменили трубку на ножик и зачем-то стали всех бить и резать. Возможно, они полагали, что так будет изящнее и, подобно старому бобру, жертвовали истиной во имя красоты.

28. ОБРЕТЕНИЕ РАЯ

Однажды Ёжик поинтересовался, почему Богифасус так редко курит свою колдовскую смесь? На что Богифасус ответил:

— Видишь ли, Ёжик, я уже достиг такого совершенства, что практически могу управлять миром, не обращаясь к нему за помощью даже по таким пустякам, как курение трубки. Иногда я курю, но просто потому, что мне этого хочется, а не ради власти над миром. Понимаешь, старик, как это ни странно, но иногда мне хочется окунуться в мир и жить по его неуклюжим законам. Хочется, чтобы о тебе думали и заботились свыше, а ты бы жил себе, как ребёнок, наивно веря в добро и справедливость.

— Да,— сказала мадемуазель овечка, — и мне иногда хочется возвратиться к охалке пахучего сена и ласковому похлопыванию по спине, и этому почёсыванию по шейке...

— Чтобы в один прекрасный день та ласково похлопывающая рука принесла с собой нож и перерезала тебе горло. Не высока ли плата за любовь и заботу? — ошетинился Ёжик.

— От любимой руки и смерть сладка, — кротко сказала овечка.

— А с бобровой смесью и под корягой рай,— разрядил обстановку колобок.

И они стали смеяться и катались по опавшей листве, как дети.

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ ОТКРЫВАНИЕ ИСТОЧНИКА.

Вы, конечно, вправе усомниться в истинности прочитанных Вами лесных историй. Но меня утешает, что истина — понятие куда более относительное, чем красота, ибо первая претендует на объективность, а вторая — только на субъективность. И, пожалуй, вместо того, чтобы написать здесь короткий трактат о воз-

возможности существования лесной цивилизации, я просто-напросто расскажу, откуда мне стали известны все эти приключения и увлечения Ёжика & К°.

Однажды, погожим осенним утром... (Почему-то всё, как правило, начинается с погожего утра, но и то сказать, а бывает ли оно непогожим? Т.е., кто посмеет отменить погоду.) Так вот. Однажды, осенним погожим утром, имея при себе изрядный запас хорошего настроения и сопутствующих ему товаров, я гулял по шуршащему лесу, вдыхал пьянящую истому прелых листьев и, скажу честно, основательно захмелел. Ноги вынесли меня на лесную полянку, где я прилёг у нагретого солнцем пенёчка. И либо я задремал, и чудесная встреча мне просто приснилась, а может быть, это был бред захмелевшего мозга, но, кажется мне, что случилось всё это взаправду.

Кроме, лежу себе тихо, и вдруг из кустов выходят Ёжик, овечка и колобок. И вроде молчат, но в то же время болтают без молку, и, как мне ни странно, я ихний беззвучный язык понимаю.

— Гляди, человек развалился на нашем пенёчке.

— Пусть полежит, нелегко ему, видно, бедняге.

— Быть может, его угостим мы поганочкой бледной?

— А может быть, дать ему выкурить нашу вишнёвую трубку?

Тут я осторожно достаю из кармана пачку «беломора», закуриваю и предлагаю своим новым знакомым. Не отказываются. «Ничего, — говорят, — видно, и люди не очень пропащее племя, может быть, зря мы уж так-то не любим двуногих?» Ну, я-то поначалу удивляюсь, конечно: «А мы, — говорю, — себя вроде как венцом творения считаем, а вам, — говорю, — и в разумности и в самосознании отказываем». — «Ну, — говорят, — в разумности это вы себе откажите, ибо как разумное существо может отрицать самосознание, находясь вне отрицаемого сознания?» Я говорю, но ежели вы такие разумные, то отчего ж не стремитесь к контакту с нами? Да, говорят, этот, довольно косный, принцип закрытости очень присущ нашей лесной морали, и даже невинная эксплуатация двуногих кошками и прочей шушерой подвергается у нас остракизму, а уж на такие разговоры с представителями губительной технической цивилизации, которые мы с тобой разговариваем, решатся только сумасшедшие, вроде нас.

Короче, мы основательно подружились, я угостил их своим вином, а они предложили мне вишнёвую трубку. Из леса я выбрался через неделю, с больной головой и до края переполненный историями о Ёжике, колобке, заблудшей овечке, клешеном медведике, бобре Богифасусе и пр. Находясь в горячем поэтическом запале, я сел за свой письменный стол и попытался перевести всё это на человеческий русский язык, не знаю уж, что из этого вышло? Да и вышло ли?

Осень 1993 года

ТЕРРИТОРИЯ ДЕДА ПЕХОРКИНА

Из путеводителя.

Когда я познакомил своих друзей с дедом Пехоркиным, пригласив его в альманах «Дирижабль» N 2, то он как-то сразу всем полюбился. Его стали цитировать, упоминать, вспоминать к месту и не к месту и т.д. и т.п.

Рассказывать о нём было настолько непросто, что я был вынужден изобрести новый жанр, так называемый «ять», претендующий на языковое излишество и необязательность.

Дед Пехоркин ещё трижды появлялся в моих книгах и публикациях, он разглагольствовал в книге «Камера хранения», альманахе «Дирижабль» N 5 и, наконец, вышел отдельной книжицей-раскладушкой с замечательными иллюстрациями Александра Щепина.

На этой территории он появляется не только в своих старых и новых ятях, но и как участник мировой пьесы «Воспроизведение мира».

ЯТИ ПРО ДЕДА ПЕХОРКИНА

*Ять — название буквы «ѣ», означающей в древности особый звук. Отменён реформой.
(Из словаря)*

Дед Пехоркин внешне похож на Льва Николаевича Толстого в очках. Выражение его «тыговоришь» вовсе не означает, что я при этом что-то говорю.

ѣ — Вот ты говоришь, почему хосмонавтам хероя? А ты смогх полхода без баб!? Без водхи!? А ты говоришь хероя...

ѣ — Вот ты всё думаешь, думаешь. Чо думаешь-то? Молодой ещё думать-то! Тебе ещё за девхами бегать надоть, водху пить, а ты думаешь...

ѣ — Вот ты говоришь, Париж! А чо Париж? Там небось за водху работать надоть. И за девху платить, опять же...

ѣ — Вот ты вроде умный мужик, ну скажи, неуж при хоммунизме и водхи, и девох всем, энто самое знайчить?

ѣ — Ты говоришь, старуха. Да нечто старуха баба? Да это всё одно, что завместо водхи касторки скушать.

ѣ — Я тут так понимаю. Ежели ты народом избран, то изволь, будь любезен о народе и думать, чтоб не ты один, понимаешь ли, водху жрал! И девхи опять жа...

ѣ — Я так думаю — они там квасят. Заведут себе фляжечку этакую и прям там же и квасят. И девхи у них завсехда на взводе. Я думаю, так. Ну скажи, ты бы что — не квасил?

ѣ — Чтой-то я не пойму теа. Може, ты больной или как? Пехоркин в кои-то веки бутылку от пенсии оторвал. А он девох не позвал, стаканы не мыл. Друх называется.

ѣ — Ты говоришь, водхи. А что водхи? Водхи — оно конечно! Водхи можно и без баб выпить. Можно сначала, например, водхи выпить, а уж апосля и по бабам пойтить.

ѣ — Был у меня этоть, случай. То ли водхи выпить, знайчить, то ли это, к девхам пойтить. Что ж ты думаешь? Совместил, этоть...

ѣ — Как оно там, этоть: «Не водхой единой жив человек!» Понимали люди.

ѣ — Дед, а ты разве куришь? — Я-тоть? Не-е-е... но люблю энто дело. Особливо когда водхи нет, да и девох, опять жа...

ѣ — Люблю я на рассвете бокал старого бурхундского воспринять... Апосля, конечно, и водхи неплохо, и энтих самых, опять жа...

ѣ — Тут этоть, говорят, ты про меня строчку ведёшь. Дык с тебя этоть, стакан получается. Девху-то тебе, оно конечно, слабо привести, а стакан, энто самое, знайчить...

(1991 г.)

ПЕХОРКИН, БАРАТЫНСКИЙ И ДРУГИЕ

Было так: мы рассуждали с дедом, по обыкновению, о смысле. Ему-то, конечно, смысл давно ясен, ну, а мне, в общем-то, сомнительны все эти его откровения. Ну, разумеется, о водке потолковали: на каком заводе, там, какой розлив, там, ну и так далее. Ну, конечно, про девок... В общем, были темы. Засиделись. Ну, как это бывает, рассвет, там, и всё такое... Пора, то есть, и честь знать. Вот. Ухожу, это, шапку обуваю, конечно. И говорю так деду, подкураживаясь:

— *Прощай, Пехоркин; ты не весел,
И рассветает уж давно;
Пошло мне впрок твоё вино...*

— Дых, оно понятно, «невесел», бессмысленно, можно сказать, ночь прошла (это он о том, что водки не было), ага, но стихи ничеxго, стихи эта ты правильно написал, ага, эта вот да, рассветает, конечно, токмо с вином наврал, ага, вино, оно эта, завсегда супротив водхи послабже было, так что проку там с гулькин хрен, ага. Эта уж ты поднаврал, конечно, с вином-то.

— Да это не мои стихи. Это, дед, ещё в прошлом веке поэт Баратынский написал.

— Ну, уж это прихвираешь, брат, прихвираешь. Энтот твой Баратынский, с какого такого интересу обо мне писать буде? Он что, со мной водку пил или как? А тем более в прошлом веке...

В общем, кончилось дело тем, что принёс я ему томик Баратынского на другой день. Дед, конечно, обрадовался, очки, конечно, достал, папироску. «Читай, — говорит, — слушаю».

А у Баратынского есть такие строчки:

*Но, доброй воле вопреки,
Неспоры сборы. Шляпу на лоб
Надвинув, держит пред собой
Стакан недопитый иной
И рассуждает: «Надлежало б ...»
Умом и телом недвижим,
Он долго простоит над ним.*

И уж больно они деду показались. Особенно это «надлежало б...». Он потом с этим «надлежало б...» и надо и не надо в любой разговор влезал. Забавно иногда получалось.

‡ — Вот, ты говоришь «надлежало б...», а что «надлежало б...»? Хотя оно конечно бы , надлежало б...

‡ — Надлежало б нам с тобой прахвило завестить: как токмо, напрЕмер, старуха моя, пошли ей хосподи лёхгой смерти, за охошком покажется, то тохда уж мы пьём без тостов и из стаханов, а не из энтих твоих фуглей-муглей.

‡ — Я тут намерднн по махазинам прошёл, ну нету смысла, распеки ты в карман, нет, понимаешь, и всё тут. Надлежало б энтим обормонтам башку открутить и стахан вверх дном посунуть, понимаешь. Их, понимаешь, туда, а они, понимаешь, по девхам, а страна, понимаешь, худеет, а Пехоркин в очередях, знайчит, стои. А хазеты энти и на подтирку уже не xгодятся. И что за бумаxга пошла? Тьфу, да и токма.

‡ — Надлежало б тоби, Михайла, в махазин схгонять. А ежели ты старуху мою, ниспосли ей хосподи лёхгой смерти, увидишь, то Пехоркина, схажи, в военкомат вызвали, х нахраде, схажи, представляют.

‡ — Надлежало б тоби, Михайла, стахан вверх дном подсунуть! Ты пошто ж это рясранскую-то покупаешь, а? Или ты облахов, как всегда, наелси и ближе них ничеого не видишь? Тя что же эта, на пробках читать не учили, а? Ты, знайчить, писантель и читать вроде бы не обязан, а на Пехоркина, знайчить, плювать!? Да ты чтой, забыл что ля, сколько энти рясранцы хградуса насыпають, а ? Да посля энтой рясрановхи даже по девхам-то идтить стыдно, а не что-то чего-то.

‡ — Ох, Михайла, Михайла, хлебом ехго не корми, дай токмо о смысле порассуждать. Надлежало б тоби, лутше всехго, девху завестить, а то ить иной раз и до махгазина-то силов нету выйтить. И опять же к старости определённые развлечения.

‡ — Дед, мне тут умные люди подсказали, что надо пить пиво.

— Я те вот что схажу, пиво продухт несурьёзный. С него завсехда мозги вспотевают и разные смехрюшочки с языка сыплются. Ежели ты, наоборот, умудрённый уже человек, то изволь, будь любезен употребить чегой-ни-на-есть посолиднее, водху к прЕмеру, а иначе где ж его взять, смыслу-то?

‡ — Я дал деду прочесть журнал с Ятями про него. Ну дед, конечно, обрадовался, очки нацепил: «Ахга»,— говорит. Прочитал в общем.

— Дюжа шибко антиресно у тоби этоть, Михайла, выходе. Эдак получается, знайчить, с твоих записков, что Пехоркину, акромья девох и водхи, и потолковать, знайчить, не о чём, а?

— Ну, дед, так оно вроде и получается.

— А про что жа с тобой ещё и ховорить-та? Про Канту, что ля?

(Я был поражён, оказывается, это я располагаю Пехоркина к разговорам исключительно о девках и водке, а о Канте, например, со мной и говорить-то не стоит.)

— Ну, почему же, можно и о Канте поговорить, если хочешь.

— Дых Канта этоть, в отличие от тоби, разумел чего-ни-на-есть малость. Он тах сразу и ховорит: «Водха, мол, это вещь, и надоть, мол её в соби, а девха... Девха, она конечно, тожа вещь, но токмо тут надоть уже себя в неё, то исть».

— Ну, дед, это уж ты больно вольно, по-моему, Канта трактуешь. Да он и вообще, кажется, не пил, да и о девках как-то вроде не больно думал.

— Это токмо по-твоему так. Ибо дюжа ты завсехда поверхностно на всё посмотришь и слушаешь разные несурьёзные советы насчёт пива там и всё такая прочая.

‡ — Дед, как ты думаешь, а инопланетяне водку или что-нибудь в этом роде пьют?

— Я думаю, пье. Оно дахже комар, уж на што глупа бухашка, а и то завсехда наперёд предпочтёт человека пьяного откусить, ибо у того в кровях непременно и водха имеется. А планетяне твои уже занаврядли тохго комара поглупее буде.

(1994)

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ МИРА

(мировая пьеса)

Действующие лица:

Гёте Фольфганг Иоган — тайный советник.

Архитектор — архитектор.

Птица — человек.

Пехоркин — дед.

Негритянки — негритянки.

Японки — японки.

*Эта вещь — посильнее «Фауста» Гёте.
(И.В. Сталин)*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Плато Ай-Петри. Действующие лица сидят в плетёных креслах за столом, покрытым белой скатертью. На столе фрукты, овощи, вино, сыр, лаваш. Неподалёку стоит початый ящик с Крымским портвейном.

Гёте Ф.И. — Творение — это всего-навсего Великий блеф Господа Бога. Господь поставил на кон Вечность, имея на руках две вшивые семёрки, и выиграл на этом лавры демиурга.

Птица — А как же небо или, скажем, море... ужели только блеф?

Гёте Ф.И. — Дыхание Земли.

Архитектор — Позвольте предложить Вашему превосходительству совершенно новый проект мироздания. Труд жизни, так сказать.

Все внимательно рассматривают чертежи, читают пояснительную записку, медитируют.

Пехоркин — Надлежало бы те, Архитекушка, этот прожект в одно место започить! Штой-то энто за миросрание тако? Ни в ём, понимаешь, ни девах, ни водхи! Энто ты, видать, по большущей трезвяни состряпал! Да рази ж так можо?

Архитектор — Ну, знаешь ли, дед! Доверь тебе строительство мира, так в нём кроме девок да водки ничего бы и не было!

Птица — Так ведь в начале и в самом деле *ничего другого* и не было: Адам, Ева и Древо познания. Пришёл сатана, научил Еву, как из плодов получить вино. Адам с Евой напились и...

Архитектор — Нет, это уже передёргивание! И вообще, я не понимаю, почему Их превосходительство терпит в своём окружении столь необразованных охламонов?

Гёте Ф.И. — Дело в том, дорогой Архитектор, что эти необразованные охламоны, как Вы изволили выразиться, во многом правы. Предлагаемый Вами Мир слишком безошибочен и уже поэтому плох. Мир, в котором правит бал закономерность, невозможно скучен и неинтересен. Солнце хотя бы иногда должно садиться на Востоке, дождь хотя бы изредка должен идти посреди ясного неба, человек должен напиваться и любить... А ваши люди, мой милый, похожи на роботов, а мир напоминает гигантский компьютер.

Пехоркин — Компьютеру, небось, и то смазка требуеца, да и дискета, опять жа...

Архитектор — Нет, это невозможно, это уже анекдот какой-то! Ну нельзя же весь мир свести к опьянению и половому инстинкту!

Птица — Свести можно к чему угодно, лишь бы жизнь оставалась живой и горячей.

Гёте Ф.И. — Вы даже не знаете, насколько вы оба на этот раз правы! Но беда в том, что в наших государствах никто не хочет жить и радоваться жизни — всем непременно нужно управлять..., а в искусстве никто не хочет наслаждаться уже созданным, но каждый собирается творить нечто новое. Опомнитесь! Взгляните на эти облака, на это море..., хлебните виноградного вина! И ради всего святого: не занимайтесь переустройством Мира!

Пехоркин — А што, Афоня (иноземное имя Фольфган трансформировалось в устах деда в Афоню), не послать ли нам Птицу в долину за девхами?

Птица — Я что, я могу и сходить, только где ж там их взять, в долине-то?

Пехоркин — А ты в санаторию сходи, в санатории девох завсегда навалом, да и водки бы не мешало прихватить, а то уж поднадоело энту винохладную кислятину нянчить.

Архитектор — Позвольте, Ваше превосходительство, мы же приехали сюда специально для обсуждения проекта! А этот, извиняюсь, Пехоркин всё обсуждение поставил, извиняюсь...

Гёте Ф.И. — раком (заливисто смеётся).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Птица возвращается к оставленному столу в обществе двух негритянок.

Пехоркин — Надлежало б те, Птица, стахан вверх дном подсунуть! И хде ж ты токмо таких чумазых нашёл? В Турцию, что ля, пешхом по морю ходил? И энто ныче называется девхи!

Птица — Это я, дед, для контрасту. Девки чёрные, водка белая...

Пехоркин — Ещё бы ты, басурман, нам и водки чёрной принёс!

Гёте — Всеобщий закон «затребованного разнообразия»... Наш глаз испытывает потребность в разнообразии, он не терпит долгое время одного цвета и требует для себя другого, причём так настойчиво, что не найдя такового в окружающем, сам его создаёт. Этот великий закон проходит через всю нашу жизнь, и более того — является основой всей жизни и всех её радостей!

Птица — Понял, дед, а ты говоришь чумазые.

Пехоркин — Энтому самому хлазу, хоторому вдрух чумазы девхи потребохвались, надлежало б очки с чёрным стеклом одеть, а не то чтобы над почтенными людьми издеваться.

Негритянки — Ху из вис дед?

Птица — Хи из — Пехоркин!

Негритянки — Оу! Оу! Риали Пехоркин! Фантэстик! Ne mojet bit! Grandiozno!

Птица — А вот Его превосходительство Иоган Фольфган Гёте!

Негритянки — Gete? Ху из вис Gete?

Птица — Ну как же Гёте! Фауст! Поуит!

Негритянки (показывают на архитектора) — Оу! Из вис э Falos?

Птица — О, ноу, ноу! Это, как бы вам объяснить? Это — архитектор, ну дом, хаус, билдинг, прожектёр одним словом!

Гёте и Пехоркин смеются. Архитектор, скорчив кислую физиономию, выпивает стакан портвейну.

Негритянки — Уэрис Falos?

Птица — Фауст? Ну, он того... Тьфу, ёлы-палы! (Обращается к Гёте.) Ваше превосходительство, объясните дамам про Фауста!

Гёте — Видите ли, леди, доктор Фауст — это в определённой степени миф, но этот миф гораздо более реален, чем, например, я или (показывает в сторону архитектора) тем более он!

Негритянки (уловившие только жест в сторону Архитектора) — Оу! Хи из ри-али Falos! Ливинг Falos! Фантэстик! Grandiozno!

Пехоркин — Слышь, архикушка, энти чумазые девхи похоже тя кое с чем перехпутали! (Смеётся.)

Птица — Хи из нот Фауст! Хи из Ар-хи-тек-тор!

Негритянки — Оу! Ес! Хи из Ar-hi-fa-los!

Птица — Да ну вас к ляду, давай-ка лучше водочки жмахнем!

Негритянки — Оу! Vodka! Vodka! Davaj zmahnem!

Пехоркин — Хляди-ка ты, чумазые, чумазые, а понимают, однохо!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Утро. На пригорке орлом расположился Пехоркин. Он покуривает самокрутку и считает негритянок, выбегающих из палатки, стоящей неподалёку.

Пехоркин — От ить нечисть чумазая! И откуда их токмо стоко в нашу хибарку понабилося? Завчерась ить, кажись, всехго-то двое и было? Понабегло, понимаешь ты, на халявную водху-то!

Из палатки ползком выбирается Архитектор.

Архитектор — О, майн гот! Это ужасно! О, моя бедная дурацкая башка! И это называется научная конференция! И откуда только взялись эти чёртовы негритянки! (Ложится на солнышке, обхватив голову руками.)

Появляется Гёте, с полотенцем через плечо. Весело напевает:

Гёте — Нас утро встречает прохладой!

Птица (опухший и взъерошенный) — Уж лучше бы оно нас встретило пивом с раками, а то от этой прохлады только в озноб кидает!

Пехоркин (сверху) — Пиво продукт несерьёзный! Пиво это пушай архитекторы пьют. А ты, Птаха, ежели хочешь что-то понять в этой жизни, то меня слухай, Пехоркин херне не научит.

Птица — А я что, я ничего, я могу и Водочки выпить.

Архитектор (блуждает) — Ради бога, не надо говорить о Ней вслух!

Гёте (смеётся) — Вот сегодня, мон шер, я бы посоветовал Вам взглянуть на Ваш грандиозный проект немного другими глазами.

Птица (смеётся) — Сегодня он, пожалуй бы, создал вселенную, состоящую исключительно из пива.

Пехоркин — Нельзя, понимаешь ты, лепить што попало без надлежащего опыта. А то девох настоящих не видал, водхи по-настоящему не пил, а туда же, в демиурги собрался. Не-е, вот ты сначала поблюй с перепоя, девху какую ни на есть полюби, с Пехоркиным что и как посоветуйся, а тогда уж и...

Гёте — Проникновение в жизнь необходимо отличать от житейской деятельности, и необходимо помнить, что любое искусство, поскольку речь идёт об его осуществлении, это нечто великое и очень трудное и всю жизнь надо положить на то, чтобы дойти в нём до подлинного мастерства! А уж если речь идёт о Творении... то тут одной жизни мало. Надо чем-то быть, чтобы что-то сделать. Великий

Дант сотворил потусторонний мир, и, конечно, он гений, но не надо забывать, что за ним стоят целые века культуры...

Пехоркин — Основательно человек подготовился...

Гёте — Нда-а, господа, по утрам мы всего умнее, но и всего озабоченнее, ибо забота тоже ум, только пассивный. И лишь глупцам она неизвестна... нда-а..., а что же, господа, неужели же мы выжрали вчера всю водку и весь портвейн?

Птица — Недельный запас как ветром сдуло! Один Архитектор чего стоил! Как он вчера из двух стволов-то лупил! Только брызги стояли!

Архитектор — Я?!

Пехоркин (достаёт из-за пазухи бутылку водки) — И шо б вы без меня тут и делали-то? Пропали бы без Пехоркина? Одно бы слово — пропали!

Гёте — Нас утро встречает прохладой!

Архитектор — Не-е, ребята, я не гордый, не загадывая вдаль, так скажу: зачем мне водка, я согласен на миндаль. Да миндаль, и то не к спеху, вот закончили б проект...

Птица — Послушайте, Архитектор, по-моему, Вы впадаете во вчерашнюю ошибку. Все наши утренние монологи прошли сквозь вас, как через сито вода. Знаете пословицу, да? Если водка мешает строительству мироздания, то на хер нужно такое мироздание!!! Поймите, старина, проектировать Мир без полёта — это всё равно что воблу грызть без пива!

Гёте —

*Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, —
Нельзя нам воспарить телесными крылами!
Но подавить нельзя подчас
В душе врождённое стремление —
Стремление ввысь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес,
Когда, внизу оставя дол и лес,
Орёл парит свободно над горами
Иль высоко под облаками
К далёкой родине своей
Несётся стая журавлей.*

Архитектор —

*Хандрил и я частенько, без сомненья,
Но не испытывал подобного стремленья.
Ведь скоро надоест в лесах, в полях блуждать...
Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!
Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!*

Пехоркин — Болтливы вы с похмелка, ой, болтливы! А дело, между прочим, стоит! И храдус уже взаперти от тоски задыхается!

Птица — Это, по-моему, ты, дед, от тоски задыхаешься, а не градус.

Раскладывают на столе остатки вчерашней провизии. Протирают стаканы. Разливают по 40 грамм. Архитектор, взяв со стола миндальный орешек, мужественно отходит к своему проекту и начинает вносить в него какие-то поправки.

Гёте — Между прочим, первый мудрец Эллады Фалес Милетский написал в своей жизни только две книги: «О солнцестоянии» и «О равноденствии», считая всё остальное непостижимым, а Вы, ничтожный чертёжник, замахиваетесь на сотворение мира, не понимая даже того, что есмь равноденствие.

Птица — Хотите, Архитектор, я Вас просвещу насчёт равноденствия?

Архитектор — Ну уж, извольте! Будьте столь милосердны к невежественному чертиле!

Птица — Скифа Анахарсиса как-то спросили, каких дней в мире больше: чёрных или белых? На что мудрый скиф ответил: «А кем считать плывущих?»

Гёте — Bravo, молодой человек, bravo, блестящий парафраз! За это надо выпить, господа! Ей богу! Это же превосходно! И как всё к месту: и чёрные дни, и равноденствие, и Анахарсис!

Пехоркин — Языком молоть — не мешки ворочать! Водочха-то тю-тю, как ховорится, приказала долго жить! Надлежало бы тоби, Птаха, вдругорять до долины спуститься: храдуса прикупить и энтих самых опять жа...

Птица — Дык ить дорожка знакомая, я сча, я мигом слётаю!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Возвращается Птица с авоськой водки, за ним идут под ручку две японки.

Пехоркин — Надлежало бы те, Птаха, дно у стахана оторвать! И хде же ж ты, самурай прохлятый, таких уздохласых надыбал? То, понимаешь ты, чумазых привёл, а теперь нате вам!! Иля у тя самого хлаза с похмеля-то ни хрена не видят?

Гёте — Что нужно нам, того не знаем мы, что ж знаем мы, того для нас не надо.

Пехоркин — Поэ-энзия... Хренотень... Я, напримерх, очень даже хорошо знаю, чегхо мне надо.

Японки — Кто такая эта дед?

Птица — Это Пехоркин!

Японки — Настоясяя Пехоркин?! Не мозет бить?! Фанатасьтика!

Птица — А вот это — действительный тайный советник Иоган Фольфган Гёте!

Японки — Кто такая Гёте?

Птица — Ну как же, Гёте! Фауст! Неужели не знаете?

Японки — Фалось? Оу, нам рассказывали, да, да. Мы не верил. Неужели настоясяя фалось? Нам рассказывали: изь двух сьтволлов пух-пух! (Смеются.)

Гёте — Вы слышите, Архитектор, в долине про Вас слагаются апокрифы.

Птица — Не пройдёт и двух тысячелетий, и Ваше имя станет нарицательным. Мир, собственно, останется тем же самым, переменится только фамилия создателя. А нас с Пехоркиным запишут в апостолы (далее патетически): Семь дней и семь ночей на высокой горе среди голых скал животворящий фаллос оплодотворял безжизненную Землю. В первое утро Он заблевал весь восточный склон, и дух Жизни впервые прошелестел по Земле. Во второе утро он заблевал... Чертилкин, где Вы собираетесь блевать завтра?

Архитектор — Грешно смеяться над больными людьми.(Сворачивает чертежи и подходит к столу.)

Японки — Не надо ссёриться, дайте лючше змахнем водка!

Пехоркин — О це дило! Ай да Япона мать! Мал-мала понимают, хушь у них и один глаз на нас, а друхой в Арзамас, однако ж подале некоторых архитекторов видеть могут!

Японки (Архитектору) — Покажите нам из двух сьтволов пух-пух.

Архитектор — Пропал рабочий день... (прикладывает ко рту две бутылки, пьёт).

Птица — Герой! Настоящий фаллос!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Вечереет. Кругом видны следы многодневной пирушки. Уже не белоснежная скатерть валяется на земле, чертежи архитектора подстелены под бутылки и закуску, Гёте и Пехоркин любуются заходящим Солнцем, потягивают портвейн. У их ног прямо на камнях расположился Птица с гитарой. Архитектор лежит поодаль, на переднем плане сцены.

Птица (поёт песенку из Беранже, подыгрывая себе на гитаре) —

*По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый свет;
Нам безумец дал Новый завет —
Ибо этот безумец был Богом!
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!*

Пространство вокруг стола затемняется. Оттуда доносится негромкий перебор гитары и дымок от самокрутки Пехоркина. Фигура Архитектора выдвигается на передний план.

Архитектор — А может быть, и правы были Орфеевы последователи, полагая, что праведников ожидает в Аиде вечное пьянство. Может быть, и так. Может быть, зря на них Платон бочку катил... Вот Гёте, он уже как бы понял... А Птица, Пехоркин, у них это просто как некое генетическое знание... Опыянение действительно растворяет границы... Жизнь, смерть, рождение — что сначала, что потом? Нужно умереть, чтоб заново родиться... Каждый день умирать и рождаться, как феникс... Что хорошо? Что плохо? Вот мне сейчас плохо: руки дрожат, мутит, ломает всего..., но мне удивительно хорошо: счастливый смех подбирается к самому горлу, я не помню, какое сегодня число, да и год, если честно признаться, не помню, все мои честлюбивые мечты растаяли, как мартовский снежок, зачем изменять этот невыразимо прекрасный мир, эти горы и море, и облака...

О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли!

Нужно быть в этом мире и жить, и пить водку, и петь застольные песни, и смеяться над дружеской шуткой, и любить женщин...

А проект, ну что же, пусть уж будет, если есть, отрицательный опыт тоже необходим...

(Поднимается и покачиваясь направляется к столу.)

Птица (поёт) —

*Нас качало с тобой, качало.
Нас качало в туманной мгле.
Качка в море берёт начало,
А кончается на земле...*

Гёте (Архитектору) — Мон шер, по-моему, Вы уже приближаетесь к просветлению.

Архитектор (взволнованно) — Мне сейчас удивительно хорошо..., насыпьте чего-нибудь, господа. Я хочу вина, цветов, женщин! Давайте купим яхту и отправимся в Турцию! Будем есть восточные сладости, пить холодный шербет, заберемясь в гарем султана, в конце концов. Нужно же, хотя бы раз в жизни, побывать в гареме!

Птица — Слышу ли горные звуки тоскующей лиры! Что она хочет сказать? Не разгула ли просит и воли?

Пехоркин — Те бы всё, егхозна, песнюшочки да стихаханьки, а человек, промеж прочим, дело предлагае, как полагаешь, Афонь? Не век же нам на энтих скалах сиде?

Гёте — Значит, говоришь, Турция?

Птица — О, Стамбул! О, полногрудые турчанки! О, злые янычары!

Гёте — Жизнь — должна быть произведением искусства! А основное противоречие искусства — это конфликт чувства и разума. Чувство подсказывает нам, что сегодня просто необходимо уехать в Турцию. Однако оказавшись в открытом море, под огнём пограничных катеров, не пожалеет ли о минутном порыве, сорвавшем нас с насиженного места?

Птица — Всё лучшее в Мире происходило под влиянием мгновения, да и сам Мир, как я подозреваю...

Гёте — Выше должен я стремиться, Дальше должен я смотреть.

Пехоркин — Надлежало б обмыть энто дело.

Разливают по стаканам остатки вина. Пьют. Медленно меркнет свет.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Белоснежная яхта. Птица и Архитектор натягивают парус. Пехоркин возится около ящика с водкой. Гёте рассматривает морскую карту. На берегу стоят негритянки и японки, вытирая платочками слёзы.

Птица (поёт) —

*Прощайте, скалистые горы,
Отчизна на подвиг зовёт,
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход...*

Гёте — Наша отвага, дерзость и грандиозность — разве это не толчок к развитию? Не следует думать, что развитию и совершенствованию способствует безусловно чистое и высоконравственное. Всё великое формирует человека; важно лишь, чтобы он сумел его обнаружить.

Пехоркин — Обнаружить, энто да, энто завсехда не тах-то просто великое обнаружить. Вот, к прЕмеру, вода и водха — однохо, казалось бы, цвету, однахо внутри, поди ж ты кахая разница. А вот, полохжим, девхи, они ить, ежели тем боле с Птицей поведёшься, очень дажа разного цвету быват, однахо внутри исключительна друх друхга напоминають...

Птица — Да ты, дед, у нас прямо философ..., Кант Таврический!

Пехоркин — Таврический энто — портвейн, дурында ты птиценосая.

Гёте — Живое чувство и здравый смысл не сравнятся ни с какой философией.

Архитектор (поёт) —

*Мы с тобой пойдём по кабакам,
Команду старую разыщем мы,
А здесь, а здесь мы просто нищие,
Давай командуй, капитан!*

Птица — Курс Зюйд-зюйд-вест. Открыть бутылки! Налить по сто пятьдесят!
За рождение нового Архитектора — Ура!

Негритянки — Proschai Pehorkin! We love you! Vozvraschaisy!

Японки — До свиданья, Пехоркина! Ты оччень хоросяя! До свидания, фалось, ты тозе оччень хоросяя! Съделай на просяние изь двух стволёв: пух-пух!

Архитектор (прикладывает ко рту две бутылки, пьёт) — Ох, девхи, девхи — жалко мне с вами расставаться. А может, возьмём их с собой в Турцию?

Пехоркин — Ты, я погляжу, Архикушка, совсем сбрендил! Хде энто видано, штобы девху на корабль брать?

Птица — Ты уходишь, а цветы, посаженные тобой, остаются! Не пройдёт и года, как где-нибудь в далёком Зимбабве или на острове Хонсю родится племя маленьких Архитекторов.

Гёте — Кто жил, в ничто не обратится...

Пехоркин — Ну што жа, с Богхом што ль?

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Открытое море. Яхта. На палубе посреди пустых бутылок спят Пехоркин, Гёте и Архитектор. Птица сидит на корме и, подыгрывая себе на гитаре, поёт:

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!*

ЗАНАВЕС

ТЕРРИТОРИЯ ДЕДУШКИ ЯШКИ

Из путеводителя:

Дедушка Яшка был написан мной во время путешествия из Крыма в Турцию через Чёрное море. Я плыл на небольшом полугрузовом пароходике в случайно доставшейся отдельной каюте. Уединенье, море за бортом., всё это, естественно, располагало... И тут мне вспомнились почему-то старые охотничьи байки известного на всю нашу округу брехуна дедушки Яшки. Я записал их, пытаясь сохранить все оригинальные речевые обороты старого балагура.

СКАШКИ ОТ ДЕДУШКИ ЯШКИ

МЕДВЕЖЬЯ

Отправились мы, значица, на медведя охотиться. Оно дело-то как получилось. С городу к Пахомычу сыновья понаехали. Пива, конечно, привезли. Два ящика. Водовки, конечно, ящик. Ну, выпили маненько. Туда-сюда. Айда на медведя! Пахомыч их отговаривать. «Какой там медведь? Да у меня и пулей жаканов-то две штуки осталось! Да и ружьцо-то старое. Через два на третий стреляет». Да то, да сё. Только ни в какую. Ну, делать нечего, пошли. Сели на старую пахомычеву телегу. Пиво, конечно, загрузили. Водку, конечно, тоже. Ну, ружьцо на всякий случай взяли. И две пули-жакан Пахомыч в карман положил.

По дороге пива-то у нас поубавилось, да и водка, надо сказать, поуменьшилась на маненько. А вскорости и телега с Пахомычем задевалась кудын-то. И сыновья его кудын-то запропалились. А сам-то я на полянке лесной оказался. Смотрю: ящик пива под головой притулился и в руках ещё с полбутылки имеется.

Вдруг! Батюшки-светы! Медведь. А пули-то жакан у Пахомыча в кармане лежат. Да и на что они, пули, без ружжа-то?! Без ружжа пулей медведя ну никак не убить.

Ладно, думаю, где наша не пропадала! На пиво споймаем. А надо вам сказать, медведи до пива сильно охочие. Я так соображаю, на пивной-то запах он и притащился ко мне на полянку-то. Ну, наливаю ему полную шапку пива. Стало быть, аккуратно туда пять бутылочек и разместилося. Шапка у меня кожаная, пиво хорошо держит, не протекает. «Нате,— говорю,— батюшка Михайла, откушайте за моё здоровье». Смотрю: не отказываца. Ну, и я мал-мала осмелел, свою то исть бутылочку допиваю поманеньку. А мишка-то быстро управился. Чувствую, ему уже и вторая шапка необходимая. Наливаю ещё. Отчего ж не налить. А где втора, там и третья. А где третья, там и четвёрта. Так всё пиво и уговорил, чёрт косолапый. Я себе только-навсего одну бутылочку и подприпрятал. Ну, туды-сюды — захмелел алкаш клешеногий. Бухнулся на травку, лапками сучит. Улыбается во всю свою пасть желтозубую. И заснул, тудым его рассудым! Коли хошь, вяжи его, пока тёпленький, и в зоопаркию продавай. Да токмо чтой-то жалко мне стало этого бедолагу мохнатого. Однакоси проучить его думаю маненько — не повредит. Достал я ножницы овечьи из грудного кармана, а я, надо сказать, завсегда с собой ножницы на охоту беру, мало ли что может случиться, как же без ножниц-то? Так вот, достал я ножницы и ногти ему подстриг маненько. Не все, конечно, а только два. Без всех-то он, думаю, пропадёт в лесу. Без ногтей его каждый заяц бояца прекратит. Куды ему, думаю, безо всех ногтей-то.

А ещё, вот ведь напасть! То ли пиво в голове моей втупору разыграло, то ли кака друга вожжа под хвост подпала. Только выстриг я ему на спине глупу надпись: «Здесь был Яша!» А уж апосля того и до дому отправился. А дома-то переполюх поднялся в полную силу. Пахомыч-то с сыновьями вернулси без ружжа, без водки, пулей-жакан — и тех нетути.

«Дядя Яша, да где? Да что? Да как?»

А я им ногти медвежачьи показыву, да шерсти клочок. А остальное, говорю, там на опушке оставил. Не на себе же тащить. А они-то о медведях, оказывается, и думать забыли. «Пиво-то, пиво-то есть ли?» — спрашивают. «Пива,— говорю,—

нетути, но у старухи моей имеется полная бочка настоящей ячменной браги». «Ладно, — говорят, — поедemте в город, может быть там хучь какое-то пиво осталось?»

А я не поехал, я домой пошёл. Поохотилси, думаю, надо и честь знать, завтра как-никак праздник. Можно сказать, самое что ни на есть 1-е мая.

Ну, туда-сюда — вечереет. И токмо я это стал подзадрёмывать поманеньку, слышу, как будто стучица кто. Выглянул в окошко. Батюшки светы! Медведь! Ну, думаю, вот так история! Это ему не иначе как зайцы про меня настучали. Обиделси, думаю, старик за глупу надпись. Может ить в сердцах и дом-хибарку мою раскатать.

Эх, думаю, бомба два раза в одно место не падат, зато кружка хучь сто раз в одну голтку зальётся.

Выкатил я Потапычу на двор бочку браги. Крепко мы тогда вместе с ним подружились. Так и остался у меня навсегда. Завместо собаки летом дом сторожит. А зимой всё как-то спит больше.

ЗАЯЧЬЯ

Приезжал тут до меня племянничек с городу. И рассказывал, как за границею зайцев ловлют. Он про энто в одной умной книжке прочитал у самого что ни на есть Кнута Хамсуна. А ловлют-то они хитро. Берут, стало быть, щепоть табаку да зеркальце маненько. Насыплють они энтого табаку на камень. Зайчишка, конечно, прибежит поглядеть — чегой-то там такое мелкое понасыплено. Сунет он свой бестолковый нос в табак да и расчихаетси непременно. Расчихаетси, стукнется головою о камени, да тут же и окочурица. Только сразу брать его не моги, а спервоначалу подставь-ка ему под нос зеркальце. Ежели не запреет, стало быть, готов зайчишка. Забирай, как говорица, с хвостом и потрохами. А ежели запреет зеркальце-то, то обожди маненько, пока он, как говорица, концы не отдаст. Вот-щем хитро, очень хитро придумано.

Ну, племянничек-то, что до меня приезжамши, рассказал, взбаламутил старика да и был таков. А мне-то думка в голову об тойной охоте запала.

И вот выбрал я денёк, чтобы, значит, без дождичка, да и отправилси.

Ну, прихожу, тудым-судым. Табачку на каменю поднасыпал и притаилси. Глядь, зайчишка откуда ни возьмиись выбралси. И, конечно же, сразу к моему каменю бежит. Залезает он в мой табачок аж по самые уши и ну чихать, и ну фырка-ть, и ну головою вертеть. Токмо о каменю почемуй-то не стукаца. Видать, и он мал-мала соображат. Почихал, почихал, дурилка косоглазая, да и ходу. Ну, думаю, сорвалася охота. Ан нет! Глянул на полянку. Ёлкины дети! Бегут родимые, и все как один до моего каменю тороплются. Ну, сто не сто, а штук шесть-то верных поднабежало. И давай каменю со всех сторон нюхать, и ну чихать, и ну головами вертеть. Ай, думаю, что за диво тако? Неужли понравилось? Подошёл к каменю, на колени, значица, встал, понюхал. Да к-э-э-эк чихну...

Крепко головою о каменюку ударилси. Вот таку-ую шишаку набил.

ЛОСИНАЯ-СТРАУСИНАЯ

Время, конечно, движется. Тудым-судым, опять племянничек до меня приехал. Африканскую горилку привёз. Говорит, из настоящих кактусов приготовлена. Выпили, конечно, маненько. Та-ак, дрянцовая довольно горилка, но дело не в этом. Про африканску охоту племянник рассказывал. Вот они, стало быть, что такое,

кактусиные дети, удумали. Они там вот как птицу-страуса собирать наловчились. Броют они, значаща, голову напрочь и поливают её самым что ни на есть наилучшим клеем, апосля того закапывающа в песок ажно по шейку. Птица-страус идёт себе средь пустыни: видит что-то круглое на песочке валяется, ай, думает, не моё ли энто яйцо? Токма она присядет на него, аки глупа курица, как тут же клей-то и сработат. Африканец вылезает, конечно, из песочку-то и до дому. Так и идёт с птицей-страусом на голове.

Ну, племянничку-то что, водки кактусячей попил, про глупу африканску охоту рассказал и уехал. А я от энтого дурного рассказа весь свой душевный покой растерял. Хотя после истории с зайцами я племянничку-то не больно верю. И тем более никакие страусы у нас отродясь ни водились.

Решил я спервоначалу энтот способ на курях проверить. Выстругал с пеноплас-ту яйцо, сдобрил его хорошенько сосновой смолою, верёвочку привязал да и к Пахомычу в огород закинул, потому как своих курей у меня как-то так не имеется. Сам за плётнём притаился. Верёвку на руку намотал. Жду, стало быть, когды клюнеть. Ну, тенёчек, тудым-судым — разморило меня. И токмо я это задремал, понимаешь ли, а оно кэ-эк задёргатси. Я, конечно, тащить. Упираетси, стерва. Орёт, понимаешь ли, благим матом. Оказывается, это Пахомычева жена клюнула. Она, дура слепая, подумала, что это всамделишное яйцо-то. Ну и попалась, естественно.

С ней-то я, конечно, и разговаривать-то не стал. Нечто бабе объяснишь тако тонкое дело? А Пахомычу-то, конечно, рассказал что да как. Пахомыч мужик рассудительный, он сразу смекнул — дело верное. Токмо как его спользовать в наших условиях, вот это не больно понятно. Думали мы с ним, думали. И вот что порешили. Пахомыч-то у нас и так весь из себя лысый-прелысый, и бриться ему для охоты вовсе даже и не требуца. Закопали мы Пахомыча в опавшие листья, а на голову соли посыпали и сосновой смолой облили. Вот, думаем, придёт лось на полянку, почнёт соль-то лизать да языком-то и пристанеть. А в энто время я из кустов выскочу и, конечно же, горло ему перережу. Пахомыч-то, естественно, отнекивался спервоначалу. Но с другой-то стороны, отчего ж не рискнуть, если ты всё равно как вроде бы и лысый уже?

В общем, так оно всё и получилось. Лось, конечно, пришёл. Да только не лось, а лосиха, да и не одна, а с лосёнком. И вот энтот-то губошлёп к Пахомычевой лысине и прилепился. Прилепилиси, орёт благим матом. А я что, рыжий что ли, на лосиху-то со старым ножиком идти? Был бы хотя бы новый ножик-то. Тогда бы да. А так, куды тут? Ну, а Пахомыч-то, видать, тоже не выдержал. Рванулси старый дурак — и дёру. Полбашки у лосёнка в зубах потерял, на фиг! Кровища-то так прямо и хлестала на землю.

Здорово тогда на меня Пахомыч забилелси. А я причём? Нешто я знал, что лосиха вместе с лосёнком притащица? Да и ножик-то у меня старый был. Другое дело, если бы новый был. Тогда бы да.

ВОЛЧЬЯ

Приезжал тут вдругорядь энтот баламут-племянник с городу. Спирту привозил питьевого. Ничего не могу сказать, вполне уважительный спирт, крепко в голову забирает, но дело-то не в этом. Когда энту спирту доели, он мне вот что про чукчей порассказал. Как, стало быть, чукчи медведя заваливают. Белого, конечно. У них тама токмо белые медведя и водятся. Ага. Ну вот, берут, значица, чукчи и для начала кита споймают. Как уж они кита ловлют, про то племянник не ведает, но дело-то не в этом. У китов энтих, оказывается, ус, ну точно пружина стальна. Вот. И он (чукча) энтот ус сокрутит, в тюлений жир закатает да и на стужу выставит. Жир тотчас смёрзнется и ус китовий не пускает развернуться-то. Тогды чукча энтот шарик медведю-то и скормит. А в животе-то у медведя, конечно. В животе-то у него тёпло. Жир-то и растает, а тут ус кэ-эк распрямится и усё медведю-то и запротыкнёт. Медведь тудым-сюдым, покрутица маненько, да и сдохнет.

К племяннику у меня, конечно, доверье-то не то что бывалоча. Он, конечно, человек городской, кажное утро газеты читает и всё такое прочее, токмо через него уже и я и Пахомыч пострадали изрядно. Однако на сей раз чувствую: дело верное.

Пахомычу-то я, конечно, ничего не сказал. Он и апосля той-то охоты никак оклематься не может.

А сам-то я вот что удумал. Жиру-то у меня тюленьего нетути, и уса китовьего тоже поблизости не наблюдается, а тем более какой от них прок, если не зима сейчас, а наоборот, полная осень и теплынь градусов на пятнадцать тянет, никак не меньше. А взял я заместо китового уса самую настоящую стальную пружину, завязал её верёвкой бумажною, чтобы она размокла, когда потребуца, и запаковал всё энто оружие в шмоток поросячьего сала. Ну и, естественно, на волчью тропу уложил. Сам неподалёку, под ёлочкой притаился. Поджидаю, стало быть.

Ну откуда ж мне было знать, что к Пахомычу сыновья-то понаехали!? Понаехали, значица, и тут же подавай им охоту. Баламуты, понимаешь ли! Нет бы спервоначалу посидеть, в баньку сходить, ещё там тудым-сюдым. Нет, понимаешь ли, на охоту. Да с энтими самыми, понимаешь ли, с собаками. Ага. С гончими. Ну, конечно, собака моё сало-то и унюхала. И кэ-эк на него набросится, дура, понимаешь ли, бестолковая. Я ей кричу: «Не трожь, — мол, — дура!..» Куды там. Треснуло ей, конечно, пружиною-то. По зубам. Не дошло зачуток до желудка-то. Ага. Ну зубы, разумеетца, выбило. Все. Напрочь.

С тех пор она уже сало-то никогда не ела. И мясо, говорят, не ест. Опасается. Молоко пьёт. А молоко-то, конечно. Молоко вполне можно и без зубов пить.

Пахомычев сынок-то ругался спервоначалу. А потом перестал. В город уехал. Говорят, к зубному ветеринару ходил. Токмо, думаю, зря он это. Пружина у меня сильная была. Какой тут ветеринар, на фиг.

ЛОСИНАЯ-ХВОСТИНАЯ.

А тут Пахомыч меня подкузьмил. Должно быть, отомстить решил. То ли за голову ему было малёк забидно, то ли за собаку сыновью? Не знаю. Ага.

— Знаешь как, — говорит, — в старые добрые времена посёв-то ловили?

— Ну и как же ить, — говорю, — их ловили?

— А так. Насыплють ему на хвост соли, да и вся недолга.

— Ну про соли на хвост я, конечно, слышал, токмо,— говорю,— сказки всё это. С какой это стати он от соли на хвосту помре?

— А с такой. Лось энту соль почувствует. Захочет полизать. Потянется к хвосту-то, а хвост от него. Он и закружится за хвостом, точно глупой котёнок. Так и буде кружица, пока не рухнет. Тут-то его и бери голыми ручками.

— А что же ты, дорогой мой Пахомыч, энтим способом лосей-то не промышляешь?— спрашиваю.

— А я, — говорит, — после тойного случая с лосёнком, их, — говорит, — почему-то сильно пужаюсь.

Конечно, веры у меня до Пахомыча никогда особой-то и не было, однако смотрю, вроде как верный способ-то! Но на всякой случай решил спервоначала на нашей бурёнке испробовать. Насыпал ей соли на хвост — ноль, как говорица, внимания. Токмо в глаза мои глядит с удивлением. А Пахомыч говорит: «Вестимо, нечто корова соль есть будет? Ты ей,— говорит, — травы на хвост привяжи».

Ну, привязал я ей пучок наисвежайшего клеверу. Бурёнка и тут никакого интересу к своему хвосту не проявляет, токмо чегой-то задними ногами стала взбрыкивать поманеньку.

А Пахомыч говорит: «Знамо дело, чо ей энтот клевер на хвосту жевать, когда его под ногами навалом. А потом, корова, — говорит,— существо бестолковое. Корова,— говорит,— лосю не чета».

Ладно, думаю, чем чёрт не шутит. В крайнем случае, соли-то не больно жалко.

Выбрали мы с Пахомычем лося пожирнее. Подкрался я к нему сзади и токмо было собралси соль-то ему на хвост насыпать. Кэ-эк он меня лягнёт. И главное, сразу двумя копытами, гад такой. Четыре ребра поломал — зверюга. А Пахомыч говорит, что я промедлил. Надо,— говорит,— было быстренько насыпать да отбежать.

Вот сам и сыпь в другой раз, если умный такой, а меня на энту охоту больше и пряником печатным не заманишь.

ТЕРРИТОРИЯ НЕЖНЫХ СКАЗОК

Из путеводителя:

Сказки эти ушли гулять по свету в машинописи, и вскоре мой друг Митрич рассказывал, что слышал в С.-Петербурге слух, мол, автор был наркоманом, это, мол, его последние вещи, а потом то ли у него передозировка была, то ли от тоски в окно выбросился. Могу всех уверить, что «слухи о моей безвременной смерти сильно преувеличены».

Но вот одна любопытная история с курсантом Рябовым. Оказалось, действительно был такой русский разведчик Рябов и про него недавно вышла замечательная книжка в издательстве «Красный матрос». Конечно, настоящий-то Рябов был героем и погиб за отчизну, не выдав воинских секретов, но слухи о том, что его завербовали японцы, ходили, и подобные байки вполне могли как-нибудь нечаянно возмутить поле моего сознания и отлиться в короткую сказку, хотя мне, честно говоря, казалось, что мой Рябов появился по созвучию с курочкой Рябой, но кто знает, кто знает...

РУССКИЕ ПОДЗАБОРНЫЕ СКАЗКИ

ЛИСИЧКА И ЗАЙЧИК

Стоял себе постаивал Казанский вокзал. Ну это только так говорится стоял, а на самом-то деле он скорее лежал, чем стоял, или даже валялся... Да, вот так: валялся подле железной дороги Казанский вокзал, а неподалёку жил-был зайчик. Ну это только так говорится жил-был, а на самом-то деле быть-то он, конечно, был, но жил, честно сказать, весьма хреново. Но, кроме всего прочего, ещё вот как говорится: не бывает так хреново, чтобы не стало и того хуже. Так оно и случилось.

Однажды утром встал зайчик со своей кровати. Но это только так говорится, что встал, на самом-то деле он скорее сполз, чем встал. Да-а-а, сполз он, это самое, и, конечно, сразу зарядку сделал, зарядился, то есть. Хорошо зарядился, по полной. Ну и, конечно, веселей ему, зайчику, стало. Устроился он на подоконничке, сигаретку покуривает да пивко потягивает. Глядь, под окнами лисичка бездомная вертится. Справная такая лисичка, фигуристая. Увидела она уже порядком косоного зайчика и говорит:

— Зайчик, зайчик, давай вместе жить, у меня вон и пива авоська есть, да и на портвейншко найдётся мелочишка!

Зайчик, конечно, не долго думая и согласился. Ну и, как это обычно бывает: туда-сюда, выпил стакашку, подписал бумажку, глядь, его уж и за дверь выставили.

Стоит зайчик в пивной, сопли в кружку пускает. Подходят к нему волки в серых шинелях:

— Ты чего, мол, зайчик, нюни распустил?

— Дык, обидно же, ёлы-метёлы, я к ней со всей душой, а она выгнала, блин, и даж на чекушку не дала.

— Ну, мол, не грусти, мы её мигом вразумим — ставь фуфыр, и дело в шляпе.

Пришли они, конечно, к лисичке. Смотрят — справная такая лисичка, фигуристая.

— Ты,— говорят,— зайчик, за дверью постои, мы тут с глазу на глаз побеседуем.

Но это только так говорится — побеседуем. На самом-то деле не понятно, о чём это они там двое суток беседовали? Только ушли довольные, а зайчик так и остался и без квартирки и без фуфыря.

Сидит зайчик в рюмочной: горькую водку горькой слезой запивает. Подходит к нему бык-бугай люберецкий:

— Что за дела? Кто зайчика забил? Кому пасть порвать? Ты, зайчик, только скажи, мы это в момент справим.

— Да вот, из своей же хаты, ёк-мотылёк. Волки, мол: **МЫ**, а ей хоть бы хны!

Взялся бугай за ящик Жигулёвского подсобить. Да только лисичка, видать, ему кой чего повкуснее предложила. А у зайчика опять ни житя, ни питья.

Делать нечего, пошёл зайчик с горя в Донские бани, авось, думает, тоска вместе с потом уйдёт. И встретил он там одного петуха. Понравился петуху зайчик:

— Не грусти,— говорит,— найдём мы и на лису управу.

Пришёл он к лисичке. Та, конечно, давай перед ним, по своему обыкновению, хвостом вертеть. Да не таковского напала, петя, он и сам на такие штучки горазд.

Короче, выгнал петушок лисичку и стали они вдвоём с зайчиком жить душа, как говорится, в душу.

ВАГОНОК

Ехал паровоз — вагоны вёз. Машинист напился — один вагон свалился. Лежит себе, валяется — тут и сказка начинается.

* * *

Ползёт муха-выпивуха. Смотрит: хибарка валяется, и вроде как бесхозная. Дай, думает, денёк-другой перекантуюсь. Благо и бухалово есть. Зашла, конечно, бухнула, да в уголочке и отрубилась.

Шкандыбает по дороге мошка-наркошка. Вот думает: «Чи глюк, чи и впрямь хаза? Ладно, зайдём, разберёмси».

— Что,— говорит,— за хаза такая? Кто в ней живёт и бухает?

А муха-выпивуха ничего не сказала, лишь промычала о чём-то нескладно.

Стало их двое: муха бухает, мошка ширяет, живут и горя не знают. Идёт-бредёт мышка-забудыжка. Видит: флэт. Приличный вполне, с окошками:

— Можно ли,— спрашивает,— задницу прислонить?

Мухе с мошкой такие вопросы, знамо дело, до фене, живи, блин, веселее будет.

Стало их трое: муха с мышкой бухают, мошка ширяет, поди им плохо? Шлёндает по дорожке лягушка-потаскушка. Видит: хата. И люди там, ничего, не буйные.

— Мне бы,— говорит,— у вас бы отдохнуть зачуток?

А им то что: хоть у них, хоть под них, это завсегда с нашим удовольствием.

Стало их четверо: набухаются, наширяются и вповалку валяются.

Тащится откуда-то зайчик-за-галстук-вливайчик. Глядит: домушка. А в ней — ну просто полный оттяг.

— Нельзя ли и мне оттянуться?

— Валяй, ежели со своим бухлом пришёл.

Стало их пятеро: сидят — кайфуют по полной.

Ковыляет к ним на четырёх мослах лисичка-алкоголичка. Видать уж, слух о вагончике-притончике по всей округе пошёл.

— РеЯта,— грит,— налейте и мне, а то окочурюсь.

Ну как тут прогнать? Со всеми бывает.

Стало их шестеро: в тесноте, как говорится, зато бухие.

Идёт кабан-токсикоман с мешком дихлофоса.

— Пустите,— мол,— я вам не помешаю.

— Да хоть всю жизнь живи, если хороший человек.

Стало их семеро: в вагончике вонь, грязь, зато на душе светло и радостно.

Тут скатился из туманного сознания ёж-с-иглой-не-разольёшь. Он и спрашивать ни о чём не стал: сел в уголку — кайф ловит.

Стало их восемь: шум, гам, тара-ра-рам, изрядно получается.

Шагает волчок-забью-косячок, мыслете выписывает.

— Здеся, что ли, хорошо-то?

— Всяко,— отвечают,— сам прикидывай.

Стало их девять: абзац, как говорится, да и только.

Но тут откуда ни возмись появился мусор-медведь. Всех повязал. Вагончик опечатал. Так вот лафа и кончилась.

ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛОВ

Жила-была одна коза. И было у неё семеро козлов. Каждый день уходила коза на травке посидеть. Возвращается обычно добрая такая: бухла принесёт, а иногда даже и дурью побалуует. Прознал про такие дела один волк. Пришёл он к козлам:

— Открывай, козлы, а то хуже будет.

— А как, — спрашивают козлы, — у тебя насчёт ордера?

Понял волк — ещё те ребята. Ладно, пошёл куда надо, справил всё, как положено, и на следующий день повязал козлов. Правда, не всех, один-то в полном отрубе был, дык его под кроватью-то и не приметили.

Возвратилась коза. Подкроватный и рассказал ей, что тут и как. Сидит коза плачет, даже дурь её, бедолагу, не берёт. Приходит тот самый волк и говорит:

— Полно тебе, коза, плакать, пойдём лучше погуляем.

А она в ответ:

— Пойду, если ты со мной дозу примешь.

Волк-то с дуру и согласился. А наутро у него, вестимо, — ломка. По полу катается — дозу на поправку канючит.

— Погоди, волчара, если сбавишь срок — будет тебе доза, будет косячок.

Куда ж ему, серому, деваться-то? Так и отпустил он козлов.

КУРВЕЦ РЯБОВ

Жили-были-служили дед и ба-тальон зелёной молодёжи. И была у деда забавы. Любил тот дед яйца бить. Встанет, бывалочи, с утреча, расколотит, как водится, два яйца и сидит пахитоску покуривает.

Но вот однажды появился в батальоне курсант Рябов, по кличке Стальные Яйца. И откуда он только взялся такой? То ли с неба свалился, то ли из самой Японии прилетел.

Наступило, стало быть, очередное утро, и вызвал дед курсанта Рябова на досмотр. Вызвал и, знамо дело, спервоначалу по яйцам ему. Но не на таковского, как говорится, напал. Подвела деда боевая нога и от его богатырского удара взяла да сломалась. Упал дед на зелёну траву, как подкошенный, упал и завыл белым коршуном. Лежит, вопит, всему батальону приказывает. А прогнать курсанта Рябова через строй и лупить ему в яйца изо всех сил. Закручинились добры молодцы, закручинились злой кручиною. И не жаль им курсанта Рябова, и не жаль им да казённых сапог, а вот жаль им свои резвы ноженьки. Только, видно, уж делать нечего. Встали в строй и давай лупить по стальным по яйцам чем попадя. Били-били, все ноги сгубили и отправились в лазарет на поправочку.

А курсант-диверсант из Японии лишь прищурился пуще прежнего. А ещё, говорят, наградили его новым орденом Золотого яйца.

РЕПКА

Поставил дед брагу на репе. Настоялась репка крепкая-прекрепкая. Стал дед репку тянуть. Тянет-потянет в своё, как говорится, удовольствие. Пронюхала про это бабка и набивается к старику в помощницы. Деду что, он добрый, угостил свою ненаглядную. Вот тянут репку вдвоём. Тянут и жизни радуются. Прознала об этом внучка, да и в гости с друзьями, с Муркой, да Жоркой, нагрянула. Тянут репку все вместе, за здоровье за дедкино чокаются. Деда от трудов этих праведных даже стошнило немножко, да и бабку от усердия вырвало, а внучка, та вообще всю комнату заблевала, и друзья её, как говорится, в Ригу уехали. Тут как раз и пришёл ихний сосед алкоголик Мишка. Он-то, подлец, тут же всю репку и вытянул, хлебной корочкой занюхал, икнул, да и был таков.

НЕРУССКИЕ ЗАБУГОРНЫЕ СКАЗКИ

КРАСНАЯ ШАПКА

Жила-была одна деваха, по кличке Красная папаха. Ну, а родная-то бабка звала её просто — Красная Шапка. Носила Шапка чулки на резинке и ещё пирожки в корзинке. Но это ещё не сказка, а просто словечек связка. Настоящие сказки живут в лесу дремучем да в кустарнике колючем. Вот про это сейчас и речь, а ты слушай да не перечь.

Вот разок пошла наша Шапка через лесок. Навестить свою больную бабку, старую тунядку. Идёт-бредёт, песни блатные поёт. Ничо не боится, на пенёк отдохнуть садится. Тут, понятное дело, волк — курками-щёлк.

— Отдавай, — говорит, — кусок от пирожка, а то хуже будет.

— Не-е, — говорит Шапка, — не отдам. Я их бабке несу. Бабка раздобрится, на меня завещанье напишет. Она богата-а-я, жуть.

— А давай, — говорит волк, — я твою бабку порешу. Тебе сразу же завещанье, а мне пять кусков пирожка.

— Это можно, — говорит Шапка, — только пять кусков много, хватит с тебя и четырёх.

— Ладно, — говорит Волк, — замётано.

Только Шапка не дура была. Пришла она к бабке. Выцыганила себе завещанье. Позвонила волку, а заодно и топорникам из угрозыска.

Волк, конечно, вбежал — курками щёлк, пулей ба-бах. Ухандокал бабку. Тут и топорники подоспели. Повязали матёрого.

А Шапка и наследство получила, и пирожки сберегла. Вот какая хозяйственная.

ТЕРРИТОРИЯ ВСЯКИХ ВСЯЧЕСТЕЙ

НАДПИСИ НА ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТКАХ:

БЛЯСТЯЩИЕ НАДПИСИ:

1. Дарю тебе я три руБЛЯ — купи себе что хочешь ... (дорогой)!
2. Купи себе два дирижаБЛЯ — лупи отсель куда желашь ... (хучь до Парижа)!
3. Возьми себе два кораБЛЯ — и уплывай отседа ... (милый)!
4. Не отрывайся от ансамБЛЯ, а то получишь по усам ... (родной)!
5. Привет из ГреноБЛЯ — тут такое кино ... (интересное)!
6. Не бушь дразнить констеБЛЯ — не отметелит тебя ... (дурака)!
7. Я и без дуБЛЯ — люблю тебя ... (одного)!
8. Твоя острая саБЛЯ — до сердца дошла ... (стерва)!
9. Что стоишь оглоБЛЯ? — Или ты оглох ... (любимый)!
10. Ну у тебя и граБЛЯ — пожалуй, ты не прав ... (понимаешь)!
11. Дарю пять цветочков и столько же стеблей — давай поскорее займёмся-ка ... (чем-нибудь приятным)!
12. Не части на гребле, а части на ... (другом месте)!

ИНЕЪресные надписи:

1. Чтоб, родной, не ожиреть — надо чаще жёнку ... (слушать)!
2. Если хочешь пропотеть — отправляйся девок ... (подстригать, например)!
3. Никогда чтоб не болеть — нужно ежедневно ... (кушать)!
4. Вот это девочка, заметь! Её не хило бы ... (поздравить)!
5. Если начал ты слабеть, то попробуй кошек ... (гладить)!
6. Чур, родная, не робеть — счас тебя мы будем ... (мармеладом угощать)!
7. Слышь, брат, кончай реветь — счас пойдём девчонок ... (рисовать, к примеру)!
8. Это, брат, как посмотреть — кто кого счас будет ... (парить)!
9. Тебя, родная, приодеть — и можно хоть сейчас ... (в театр отправляться)!
10. Чтой-то начало темнеть — не пора ли сучек ... (на прогулку)?
11. Понимаю, что начал хмелеть, но зачем же бутылку-то ... (разбивать)!
12. Это, родной, радиосеть — её совсем не нужно ... (разрушать)!

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИЕ НАДПИСИ:

1. Послушай, парикмахер, пошёл бы ты на ... (концерт хотя бы)!
2. Послушай, штрейкбрехер, здесь делать те не ... (нечего)!
3. Эй, барсук, не ходил бы ты до ... (ветру)!

ЗАГРАНИЧНЫЕ НАДПИСИ:

1. Хорошо good im!
2. И вечно boy, a girl нам только снится! (армейское)

К-ПРУТКИЗМЫ

- Не мешай!
- Уподоблю женщину пчеле, ибо трудолюбива она и кусача.
- Встав не с той ноги, немедленно ляжь обратно.
- Не думаю, чтобы Америка и впрямь существовала.
- Не умничай.
- Пия из незнакомой бутылки, наблюдай за воздействием неизвестной жидкости на организм, и тогда занятие твоё обретёт философский смысл и глубину.
- Ты с портвейном её не мешай, лучше чистой её выпивай.
- Не мельтеши.
- Если на бутылке с водкой написано портвейн — не верь глазам своим, верь только чувствам своим.
- Подготовься, сейчас тебя будут грузить.
- Подготовился? Отбой тревоги. Загрузки не будет.

ПАЛИНДРОМЫ

Детские:

Упилю липу,
Увалю лаву,
Угоню ногу,

Унесу Сену,
Уведу деву,
Уроню Нору,
Уморю Рому.

Всякие:

Оголи жопу пожилого. (хулиганский)
Яиц нет! О пол! О потенция! (размыслительный)
Хил он поп, но лих. (церковно-приходский)
Велит сести лев. (царьзверский)
Гром вознал Ланго в морг. (детективный)
Потоп кок, потоп. (сострадательный, моряцкий)
Ни раб и ни барин. (диалектический)
Топор, биш то, отишиб ропот. (диктаторский)

ВЫКРУТАСЫ:

- Вкрутиться в сюжет куда проще, чем выкрутиться из него.
- Вмещать в себе мир куда сложнее, чем вымещать его на ком-то.
- Влепить со зла легче, чем вылепить зло.
- Вкусить, пожалуй, поприятнее, чем выкусить.
- Втереть очки не сложнее, чем вытереть нос.
- Втечь в реку просто, но попробуйте вытечь из неё.
- Включить свет труднее, чем выключить.
- Впустить в память легче, чем выпустить из неё.
- Ввезти всегда проще, чем вывезти.
- Вобрать можно и не выбирая, а вот попробуйте выбрать не вбирая.
- Вогнать в штопор проще, чем выгнать дьявола.
- Войти в транс не менее сложно, чем выйти из него.

ТЕРРИТОРИЯ КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ

Из путеводителя: Эти репортажи были написаны в 1986 году, когда и сам я жил в коммуналке. И все мои соседи жили там же. Историй была масса и смешных и зачастую трагических. Я сделал из них несколько документальных сценок. И они отлёживались в бумажной глуши 13 лет. Ну что же, переправим их в этот заповедник. Они уже не просто тексты, но исторический материал.

1-й репортаж:

Кухня коммунальной квартиры. На ней помятый человек в рубашке и человек интеллигентного вида в майке.

Интеллигентный (И): Это не Вы вчера собственные плевки на моей сковородке жарили?

Помятый (П): Рупь дай.

И: Ну точно, Вы и были, только почему-то в зимней шапке.

П: Иы-а!

И: Вы мне сковородку отдайте. Я яишницу хотел сделать.

Помятый уходит и через некоторое время возвращается с двумя половинками сковороды.

П: Во, бля, сломалась.

И: Ничо се-е! А может, её склеить?

П: Посуду не клеят: к беде. Её заварить надо. Рупь дай.

И: Ничо се-е, заварить! Это где ж её заварить-то? Тьфу ты чёрт! Но однако как же с яишницей быть?

П: А ты под наклоном жарь.

Интеллигентный устанавливает половинку сковороды под наклоном. Разбивает яйцо. Яйцо соскальзывает.

И: Пролилось, падла.

П: А ты пониже бей.

И: Яиц-то нет больше.

П: Иы-а!

И: Досадно, придётся голодным идти.

П: Рупь дай.

И: А может, его собрать?

П: Лучше не надо, Петровна плиту хлоркой моет.

И: Вот падла.

П: Иы-а!

И: А у тебя яиц нет?

Помятый уходит и через некоторое время приносит яйцо.

П: Во. Под кроватью лежало.

Интеллигентный разбивает на этот раз пониже. Яйцо соскальзывает.

И: Пролилось, падла.
П: Да оно всё равно, небось, тухлое.
И: Досадно, придётся голодным идти.
П: Рупь дай.

Интеллигентный уходит.

П: Так ты чо, не дашь рупя-то? Вот ведь сволочь! Плевок жареный.

2-й репортаж

Кухня коммунальной квартиры. Женщина лет тридцати моет посуду. Сухонькая старушка в очередной раз толкает дверь туалета и отходит.

Старушка (С): И той-то там засел? Битый час закрыто.

Женщина (Ж): Вовка, небось, засранец, опять закрыл и через окно утёк.

С: Чтой делать, Нин? Нечто до соседей дойтить?

Ж: По лестнице надо в окно залезть и открыть, не всю же жизнь до соседей бегать!

С: Так може подсобишь, Нин.

Ж: Ну пошли уж.

Старушка держит внизу лестницу, а Нина залезла на второй этаж и открыла окно. На унитазе сидит Иван и читает обрывок газеты.

Ж: Иван!!!

Иван (И): Чой!?

Ж: Ты что тут делаешь!?

И: Полтинники собираю.

Ж: И не стыдно тебе при даме-то?

И: Чой?

Ж: Вот тебе и чой!

С: Нин, ты скоро?

Ж: Ща, баба Нюр. (Ивану) Там бабе Нюре приспичило. Ты это кончай тут, Иван.

И: Чой?

С: Нина, я побегла. Не могу боле.

Старушка уходит, а вернее, убегает. Дует ветер. Хлопает окно. Нина покачивается. Лестница падает. Нина виснет на подоконнике.

И: Чой-то?

Ж: Чой, чой! Вытаскивай давай. Мать твою.

И: Глаза закрой.

Иван встаёт. Смывает. Натягивает штаны.

Ж: Да скоро ты там, телок!?

Иван вытаскивает Нину. Они выходят из туалета вместе и сталкиваются с мужем Нины.

И: Здорово, Серёг.

Муж: Та-ак...

3-й репортаж

Кухня коммунальной квартиры. Входит Вовка и насыпает в стоящую банку с кофе мышиного помёта. Входят Николай и Игорь. Николай молет кофе. И ставит его вариться. Игорь цедит пиво из горлышка.

Игорь (И): Едем мы, значит, вчерась на электричке. Ну, собрались, значит. Достали бутылочку.

Николай наливает кофе. Отхлёбывает.

И: А тут, значит, мужичонка один подходит. Дрожит, это самое, ну с похмелюги, чувствуется, ещё той.

Николай (Н): Ну и гадкое же это пойло.

И: И говорит, значит: «Мужики, налейте стопочку, а я вас рассмешу».

Н: Мерзость какая.

И: Налили мы ему, значит, а тут как раз остановка.

Николай наливает ещё одну чашку кофе. Пьёт.

И: Ну, этот мужик, щас, мол. Выскакивает в тамбур. Подходит к двери. А там перед ним жлоб один выходит.

Н: Однако дерьмо, а не кофе.

И: А тут двери уже закрываться начинают. Жлоб-то только-только на платформу сошёл. А мужичонка-то наш по плечу его тук-тук-тук. Жлоб оборачивается, а этот харк ему в самую рожу. Двери-то и закрылись.

Н: И за что только деньги платим.

И: А тут, ну, как это бывает: двери закрылись, а потом опять приоткрылись.

Николай наливает третью чашку.

И: И в этот момент жлоб-то этому мужичонке кэ-эк врежет.

Н: И что за гадость такая.

И: Ну, это, насмешил, так насмешил он нас. До следующей остановки в тамбуре оклематься не мог.

Н: Бразили-и-я.

Вовка: Дядя Коль, а я тебе в кофий мышиных какашек насыпал...

4-й репортаж

Всё та же кухня. Всё той же коммуналки. Место, где люди повидали нуужтакого. Где никогда не поймаешь — кто пьян, кто трезв. Где трезвый почему-то всегда не в пример тупее пьяного. Здесь не очень-то принято удивляться, но тем не менее здесь всегда чему-то удивляются. Итак:

Нина: Иван, ты зачем это помойное ведро на газ поставил?!

Иван: Дык...

Нина: Вот те и дык! Ты думаешь, я твоё пьяное безобразие терпеть буду?

Иван: Дык, не пил я.

Нина: Дык не пил! Так зачем же ты трезвый такой помойку кипеть поставил?

Иван: Дык, я это...

Нина: Снимай давай, мать твою, трезвый, понимаешь, нашёлся! Всю квартиру, мать твою! Дышать-то, мать твою... Чем, мать твою...

Иван: Дык, я это, носки стираю...

Нина: О Господи! Ну что ж ты их в помойном ведре-то стираешь?!

Иван: Дык, нету у меня другого-то, вот и стираю.

Нина: Нет, я не могу с ним. Это мрак какой-то! Коля, ну хоть ты скажи ему.

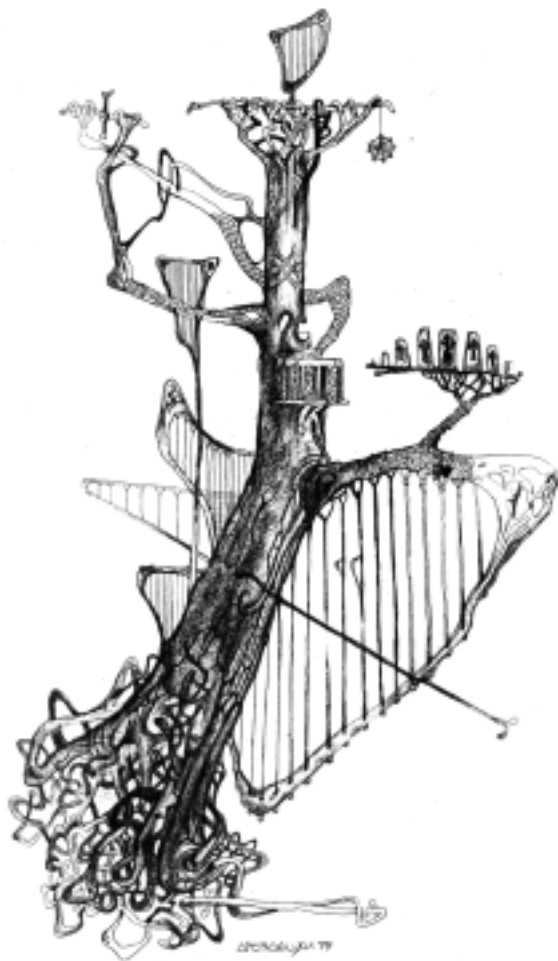
Коля: — Ты это, Иван, не дело это, их, носки то есть, не надо стирать, то есть, их, может, и надо стирать, только их это, кипятить не надо, они это, рвутся от этого. Зря ты, ей богу.

Иван: Это ты чо? Правда, что ль?

Коля: Ну, я те говорю...

Иван: Во попал, бли-ин!..

ТЕРРИТОРИЯ СКАЗОЧНЫХ НЕЖНОСТЕЙ

РАССКАЗЫ НЕНАСТОЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

ЗАГРУСТИВШИЙ ЗУБ

У меня всё по-настоящему. Уж если нога заболит, то прямо до неба. Вот вчера, например, так заболела, что даже зуб загрузил солёной грустью. Так загрустил, что даже изо рта вывалился. На землю, конечно, упал. А куда же ещё? Зубы не птицы — летать не умеют!

Вот тут-то я и наступил на него. А он оказался очень острым и протыкнул мою ногу насквозь. Тогда-то она и заболела. А как вы думаете? Протыкание ног — весьма болезненный процесс.

Стало быть, протыкнул я ногу этим загрустившим зубом, а он, значит, гвоздём притворился, — думает, я его не признаю и стыдить не буду. Только зря старался: я его по дуплу узнал. У него такое дупло удобное было — я там конфеты фабрики «Рот Фронт» прятал. Это такие специальные фронтовые конфеты, предназначенные для зубо-военных действий. По конфете-то я его и признал, она из

дупла торчала. Признал и, конечно, стыдить его начал: «Нет, говорю, у нас такого закона, чтобы собственными зубами ноги протыкивать! Чай, мы всё-таки люди, а не какие-нибудь драконы! Если каждый человек будет ноги протыкивать, то на чём же человечество стоять-то будет? Это драконам можно ноги дырывать, потому что они летать умеют и огнём плюваются, а людям ни-ни! Я ещё понимаю, если бы ты мне руку протыкнул или ухо, это ещё, так сказать, полбеды. Одним ухом тоже вполне можно слухи слушать, и одной рукой можно в носу ковыряться. Одной рукой даже удобнее ковыряться, потому что две руки в носу могут и не поместиться. А если тебе стало грустно, то вовсе не обязательно ноги дырывать, ты всё-таки зуб, а не какой-нибудь там дырокол. Это дыроколами хорошо ноги протыкивать, и даже очень удобно. Можно ботинки прямо к ногам пришнуровывать. И тогда ботинки никогда не потеряются. Даже если по растаявшему асфальту ходить или, например, по болоту. А зубам полагается сидеть во рту и кусать пряники».

И много я ещё ему укоризненных слов сказал. Только зря старался — у этого зуба никакой совести не было, и вообще ничего у него не было, кроме дупла с ротфронтом.

Вот какие бывают на свете бессовестные зубы.

ЖИВОТНЫЙ ВЕТЕР

Между прочим, я умею зевать. И очень даже неплохо зеваю. Вот вчера, например, целый день прозевал. Утром проснулся, посмотрел на календарь — «1 мая». Умылся, позавтракал, в носу поковырялся, зевнул — глянул на календарь ещё раз, а там уже «2 мая». Вот как можно целый день ни с того ни с сего прозевать.

А сегодня решил, зачем умываться? Лучше сразу день прозевать. Потянулся в кровати, зевнул... И, представляете, проглотил кусочек ветра! Самого настоящего залётного ветра. Так теперь и живу с ветром за пазухой, а он у меня в животе гуляет.

Вот какие, оказываются, существуют животные ветры.

ТАРАКАНИЙ ЦАРЬ

У меня есть друг — Тараканий царь Васька. Он тараканов летать учит. Поймает двух-трёх тараканов и сбрасывает их с седьмого этажа на головы ничего не подозревающих прохожих. Только тараканы тоже не лыком шиты. Они открывают свои запасные крылья и улетают на юг к своим родственникам — тарантулам, пьют чай с абрикосовым вареньем и рассказывают страшные истории про Императора всея всего великого и ужасного Василия Оторви-и-брося.

Самый маленький таракашка, по фамилии Сашка, рассказывал, что якобы ужасный Василий оторвал ему все крылья и бросил вниз головой с седьмого этажа. Пришлось Сашке на усах лететь. Что он и сделал. Ус-тремился, так сказать, вперёд и на юг.

А самый большой таракан, по имени Пузан, уверял, что злодей Василий привязал ему к правой задней ноге четырнадцать блох от собаки Семёрки и эти блохи съели у Пузана полноги и одну коленку.

А вообще-то Василий — хороший. Просто когда все уходят на работу — дома становится скучно.

ПЛАТЬЕ ПЛАЧА

Рассказывают, что в мире существует страшное-престрашное Платье Плача.

Кто такой этот Плач, с чем его едят и для чего им плачут — неизвестно. Зато доподлинно известно, что у него есть платье. Платье это пошили на фабрики име-

ни 29 февраля по сплошьотходной технологии, для непонятных целей, с тремя карманами и пятью пуговицами.

Кто это платье наденет, на того без слёз не взглянешь. Причём одна половина человечества (без-платная) исходит слезами от смеха, а другая (платная), наоборот, от невыразимой тоски и сокращения сердца. Однажды на фабрику пришёл специальный человек — плагиатор — и съел Платье Плача. Тут у него сразу же прорвало плотину из слёз и всхлипов. И он за-платил за своё коварство долгим-предолгим плачем.

Говорят ещё, что никакого такого Платья отродясь не бывало, а всё это придумал страшный человек Егорка Пустобрюхин, у которого в правом кармане лежат кости счастья.

КОСТИ СЧАСТЬЯ

Если кто-нибудь думает, что страшный человек Егорка Пустобрюхин съел большое человеческое счастье, а косточки от него сложил в собственный правый карман, то он глубоко заблуждается.

Кости счастья так называются потому, что Егорка Пустобрюхин кормит ими голодных бродячих собак, и они виляют хвостами и счастливеют от радости прямо на глазах.

Вот он какой оказывается — Егорка-то Пустобрюхин!

ПОЛБЕДЫ

Жил один человек по прозвищу Полбеда. И не то чтобы у него всегда половинчатые беды бывали, а наоборот, все его беды от пола происходили.

Вот сядет он, например, на полу, ноги у стеночки вытянет, а тут из-за угла как выскочит серый мышь и за пятку укусит. Думаете, не больно, за пятку-то? Ещё как больно.

Или наклонится он в щель между досками посмотреть и обязательно глаз занозит. Думаете, не больно, когда в глазу заноза? Ещё как больно.

А вот тут нашёл он на полу старую пуговицу и не долго думая съел, а она у него в горле застряла и теперь свистит при вдыхании и выдыхании свежего воздуха, и очень даже громко свистит! Так свистит, что все соседи из дома сбежали и стали жить прямо на газоне в брезентовых палатках.

А у Полбеда появилось новое прозвище — Свистун-пугвояд.

ПОРЯДОК

Однажды у меня завелся Порядок. Маленький странный зверёк, который ходил из угла в угол и укладывал вещи на те места, где, как он считал, им и положено быть.

Теперь все вещи лежали на СВОИХ местах, но я, разумеется, ничего не мог найти, потому что не знал, какое у какой вещи СВОЁ место.

Например, я точно помнил, что вчера раздеваясь бросил свой шарф на люстру, а сегодня полчаса искал его по всей квартире и, в конце концов, так и ушёл без шарфа, потому как очень трудно догадаться, что место моего шарфа на верхней полочке нашего одежного шкафа.

Да шарф — это ещё так, пустяки. Вот недавно я написал стихи на пустой папиросной коробке, а когда собрался переписать их в свой компьютер, то они уже были в мусорном ведре. Вот, оказывается, где НАСТОЯЩЕЕ место-то для моих стихов!

Дальше — больше. У меня в холодильнике хранились опарыши для рыбной ловли. Так этот ужасный Порядок решил, что и опарышам лучше быть в мусорном ведре, а вовсе не рядом с колбасой и сыром. Ой, что тут было! Опарыши, конечно же, от тепла быстро окуклились и через пару дней превратились в мух, которые носились по нашему дому как угорелые, а Порядок вопил, что мусор нужно выносить не раз в неделю, а гораздо чаще.

Однако в скором времени я очень привязался к своему Порядку и даже немножко полюбил его. Я наконец-то выучил все места для всех моих вещей и уже не искал подолгу то, что мне было нужно. А когда я для порядка принёс в дом комнатный цветок в горшочке, то мой маленький зверёк так растрогался, что даже заплакал. А на следующий день он ушёл от меня совсем к другому человеку.

ПРО ЭТО

1. Ошибочка

— Ну! И как же ты мог до такого додуматься!?— возмущённо сказал папа.

— До чего до такого?— тихо спросил мальчик.

— До чего!? Будто ты сам не знаешь до чего!?— продолжал возмущаться папа.

— Не знаю,— ещё тише сказал испуганный мальчик.

— Ах, он, видите ли, не знает! Вот до чего дошло! Да я бы сквозь землю со стыда провалился, а он даже не понимает, о чём речь идёт! Ты что, издеваешься надо мной?— совсем уже разошёлся папа. — Сейчас же прекрати паясничать и говори, зачем ты это сделал?

— Просто так,— сказал мальчик.

— Как это просто так?! Ты вообще соображаешь, хоть что говоришь-то?! Тебе уже целых восемь лет, а ты? Да я в твои годы кормушки бабушкам вешал и птичек через дорогу переводил, ой, то есть наоборот, конечно, — от волнения запутался папа.

— Мне только шесть,— сказал мальчик,— а кормушки мы тоже с папой вешали, а через дорогу меня мама не пускает.

— Ну, шесть... стой! То есть, как шесть? Ты родился в восемьдесят девятом, сейчас девяносто восьмой, девяносто восемь минус восемьдесят девять — девять лет получается, то есть восемь, конечно, потому что год только начался. И вообще, прекрати меня путать! Какие ты ещё там кормушки вешал, с каким это папой?

— Ну со своим, такие, знаете, из пакетиков.

— Со своим, значит?! Из пакетиков, значит?! А я тогда, по-твоему, кто? Слон в кожаном пальто?

— Нет, Вы на слона не похожи,— сказал мальчик. — Вы слишком тощий, Вы на верблюда похожи.

— Здравствуйте! — завопил папа. — Я, оказывается, ещё и верблюд! И вообще, с какой это стати ты мне Выкаешь? Культурный, понимаешь ли, выискался.

Тут я решил наконец-то вмешаться. Потому что мне папу жалко стало. Папа у нас близорукий и без очков очень плохо видит. Увидел какого-то мальчика, видит, в чёрной шубке, видит, в валенках, вот и подумал, что это я. Тем более, что мальчика тоже Вовкой звали, и он откликнулся, когда папа позвал. А я, наоборот, не откликнулся. Потому что не успел.

— Па-а, — сказал я,— это ты не меня ругаешь. Это ты вот этого мальчика ругаешь. Он просто в такой же шубке был и в валенках, вот ты и перепутал.

Папа хлопнул себя по лбу и сказал:

— Вот ёлки-палки какие! Ошибочка, стало быть, вышла.

И мы пошли кормить мальчика мороженым в соседнее кафе, потому что было неудобно.

2. Ошибочка-2

Папа купил нам мороженое с орехами и бутылку лимонада, а себе купил бутерброд с кофе. И только мы расселись поудобнее, только занесли над мороженым чайные ложки, как вдруг откуда ни возьмись появилась мама.

— Ага-а! — сказала мама, — он его ещё и мороженым кормит!

— Понимаешь, Таня, это, оказывается, вовсе и не он был! Понимаешь, это, оказывается, был точно такой же мальчик, в такой же шубке и валенках, а я, понимаешь, на него наругался ни за что ни про что, и теперь мне очень неудобно.

— Так это был не ты? — спросила у меня мама.

— Нет, — сказал я, — это был совсем другой мальчик.

— Ну, тогда другое дело, — сказала мама, — тогда, конечно, правильно, что мороженым. А это с вами кто? — спросила она про Вовку.

— Ну, так это и есть тот самый мальчик, — улыбнулся папа.

— Тот самый? — удивилась мама и внимательно посмотрела на Вовку.

— Как же тебе, мальчик, не стыдно, — сказала она, — такой маленький, а уже. Да я в твои годы дальше нашей песочницы носа высунуть боялась, а ты? И куда только твои родители смотрят!

Вовка шмыгнул носом и сказал:

— Они, наверное, сейчас в телевизор смотрят. Там сейчас кино про шпионов показывают.

— Ты не поняла, Таня, этот мальчик ни в чём не виноват, это я во всём виноват, — вмешался папа. — Я думал, это Вовка, а это вовсе и не Вовка, то есть он тоже Вовка, только он не наш Вовка, а я, как назло, очки дома оставил, ну вот, так уж и получилось.

— Ничего не понимаю, — возмутилась мама, — так что, ты, что ли, ЭТО сделал-то?

— Ну, я, конечно, а кто же ещё? Я же тебе говорю, я очки дома забыл.

— Ну, знаете, это уж ни в какие ворота не лезет! Ну, я понимаю, мальчишка, но ты-то взрослый человек!

— Да что ж, я виноват, что ли, если у меня зрение плохое?

— Причём тут зрение! Даже слепой и то до такого не додумается.

— Ну, у слепых, как правило, слух хороший. Они по слуху лучше всякого зрячего понимают. А у меня слух совсем никудышный. Мне, говорят, медведь в детстве на ухо наступил. И я ноту «соль» от ноты «до» никак не могу отличить.

— Причём тут слух, — вконец возмутилась мама, — да будь ты хоть совсем глухим, но ведь нельзя же ТАКИЕ вещи-то делать! Ребёнка бы постыдился.

— Да какие вещи? Ну, что уж тут такого страшного? Ну, перепутал? Ну, в шубках они одинаковых? Но ведь я же извинился! Мороженое вот им купил.

И тут мне снова пришлось спасать положение.

— Ма, — сказал я, — ЭТО не он сделал. Он только меня с мальчиком перепутал, а больше ничего плохого не сделал. Если честно, то ЭТО сделал я. Я ненарочно, мам, так уж вышло.

— Вот видишь, Таня, он ненарочно. А ты только зря ругаешься. Садись лучше с нами мороженое есть.

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ О БОЛЬШИХ ДРАКОНАХ.

Из путеводителя:

Эти сказки по моей просьбе написал для одной солидной книжки мой добрый друг Володя Эсинский. Редактору они, понятное дело, не понравились за полным отсутствием всякой солидности. И оказались сказки отброшенными. И оказалась их территория очень запущенной, но и уже запущенной она всё-таки была. А теперь вот и первый пилотный запуск: УРА-А-А!

1. В одну деревню повадился летать дракон. Он прилетал почти что каждую ночь, садился на крышу какого-нибудь дома и говорил страшное слово: «Др-др-др-др-др». Кругом, естественно, начинали лаять собаки, кричали с перепугу петухи, блеяли овцы и мычали коровы. Поднимался страшный переполох, и все местные жители от этого дела очень плохо спали.

Мучились они, мучились и отправили делегацию к одному храброму рыцарю по фамилии Пушкин. «Так, мол, и так, Александр Сергеевич, защити, сделай милость».

Пушкин и пошёл посмотреть на дракона. Камней, конечно, набрал на всякий случай, авось пригодятся.

Вот приходит он в деревню и видит: сидит на крыше дракон и говорит, по обыкновению, своё страшное-престрашное слово «Др-др-др-др-др».

«Э, батенька, да ты у нас никак заика. Ну, брат, это дело поправимое. Счас я тебя напугаю, авось и пройдёт твоё заиканье-то», — подумал рыцарь Пушкин.

Сказано, сделано. Скорчил Александр Сергеевич самую страшную рожу, на какую только был способен, да ещё и заулюлюкал вдобавок. Напугался дракон, и от страха всё его заиканье прошло. А оказывается, он вот что хотел сказать-то. «Др-драгоценные вы мои, не нужно ли вам чего, я могу и тучек понагнать для дожичка, могу и разогнать их, ежели солнышко надобно».

Обрадовались крестьяне, заказали дракону погоду на всё лето, чтоб урожай хороший был, а рыцарю Пушкину подарили в подарок очень хороший пистолет, чтобы было из чего пострелять на досуге.

2. В одну деревню каждую ночь прилетал огромный дракон, садился на крышу и дринькал там до самого утра, нарушая мирный сон окрестных жителей. Прослышали они про храброго рыцаря Пушкина, который одного дракона от заиканья вылечил и тем самым всю деревню спас. Послали к Пушкину гонцов за помощью. Пришёл Александр Сергеевич и начал пугать дракона самыми страшными рожами, да только тот не боялся, потому что слышал про Пушкина от своего бра-

та, бывшего заики, и знал, что на самом-то деле Пушкин добрый. Видит Пушкин, что рожи не помогают, и как бабахнул из пистолета. Дракон-то, конечно, испугался и перестал заикаться. А хотел он, оказывается, вот что сказать: «Др-друзья, др-др-добрый вечер!» — очень уж он был вежливый.

А слава о рыцаре Пушкине разлетелась по всей Руси великой. И стали звать его на помощь и финны, и дикие тунгусы, и друзья степей калмыки, потому что в те времена много было на Руси разных драконов и других заик.

3. Вот один раз поехал рыцарь Пушкин спасать одну деревню от поселившегося там дракона. Дракон, по обыкновению, лежал на крыше и дырырыкал, а люди от этого шума плохо спали.

Начал рыцарь Пушкин по старой привычке пугать дракона и рожами, и улюлюканьем, и даже камнем грозил, и даже из пистолета бабахал. Да только не боялся его дракон, потому что слышал от других о доброте и отзывчивости Пушкина.

Что делать? Задумался Александр Сергеевич, а потом и говорит: «Ты вот что. Ты, брат, попробуй не говорить, а петь. Тогда, глядишь, и заикаться перестанешь».

Послушался дракон Пушкина и запел:

*«Драго-ценные друзья,
Драться с вами мне нельзя.
Доктор Пушкин, помоги,
Мы с тобою не враги!
Дрым-дым-дым-дым-дым!
Дрям-дрям-дрям-дрям-дрям!
Траля-люшки тра-ля-ля!
Больше не заика я!»*

И вскоре весь мир узнал о новом подвиге рыцаря Пушкина.

4. В другой раз никак не получалась у Пушкина справиться с драконом. Тот его и не боялся совсем, и петь не умел, а только дырырыкал и дырырыкал.

Тогда Пушкин дал дракону сонного порошка и стал его гипнотизировать. Состроил он самую страшную рожу и говорит спящему дракону: «Ты не дракон, ты собачка. Ты не дракон, ты собачка» и раз десять, наверное, повторил, а может быть, и все одиннадцать.

Проснулся дракон и забыл, кто он такой на самом деле. Решил, что он и вправду собака. Остался он у Пушкина и начал дом сторожить.

Вскоре и всем остальным драконам Пушкин внушил, что они собаки. С тех пор почти ни одного дракона-то и не осталось, только три осталось — два напуганных и один песнепевец.

ЭПИТАФИИ

Василию Птицыну

*Если б Вася был бы птицей,
Он бы не напился,
А если б и напился,
То, упавши с крыши, он бы не разбился.*

Фёдору Рыбкину

*Если б Федя был бы рыбкой,
Он не жрал б вино «Улыбку».
А если бы даже три литра хлебнул,
То он всё равно бы не утонул.*

Петру Пингвинову

*Если б Петя был пингвин,
Он не ел бы гуталин,
А если бы даже три баночки съел,
Замёрзнуть в снегу всё равно б не сумел.*

Владимиру Червякову

*Если б Вова был червяк,
Он не лопал бы коньяк.
А если бы тил и под поезд попал,
То после б коньяк на двоих разливал.*

1. Хрум-хрум — хорошо!

*Хорошо быть бегемотом
И по улицам гулять,
Выпить пива до икоты
И милицию сожрать.
Плохо быть простым поэтом!
И поэмы сочинять,
Выпить пива и при этом
В выпрезвиловку попасть.
Хорошо быть на Канарах
И хлестать ямайский ром,
Да ещё б девчонок пару
Хорошо иметь при том.
Плохо отдыхать на нарах
И вкушать одеколон,
Да ещё затрецин пару
Получать при всём при том.
Хорошо быть генералом,
Портить офицерских жён,
На себя потом задаром
Офицерский лить О'Жён.
И не плохо быть солдатом,
Портить офицерских жён,
И в себя потом задаром
Офицерский лить О'Жён.
Плохо только офицеру,
Он чужих не портит жён,
И к тому же, для примеру,
Кто-то съел его О'Жён.*

2. (деепричастность к девочкам)

*Хорошо, куря сигару, обнимать при этом Клару!
Хорошо, пия мадеру, по ноге погладить Веру!
Хорошо, жуя конфету, пощипать за попку Свету!
Хорошо, идя в собрание, приласкать девчонку Таню!
И не плохо, зря в газету, целовать подружку Грету!
Очень здорово, сря в сортире, помечтать о милой Кире!
Хорошо, сидя на стуле, на коленки взять по Юле!
Хорошо, лежа в кровати, ощущать, что рядом Катю!*

*Так и день, в трудах пройдя,
Всем порадует тебя!*

3. Что такое почему, и где такое кто-то.

*Почему там где-то кто-то
Пьёт из рюмочек коньяк?
Потому что этот кто-то,
Извиняюсь, не дурак!*

*Почему там где-то некто
Пьёт из банки самогон?
Потому что этот некто
Мериканский шапион!*

*Почему же третий некто
Шапиона не берёт?
Потому что этот некто
В это время тоже пьёт!*

*Пьёт и рыжий и чернявый,
Пьёт и лысый человек,
Потому что всякий знает —
Это очень хорошо!*

СТихи коротЫШКИ

— Эй, чувак,
Ты как?
— Ништяк!
— Тогда давай?
— Ну, наливай!

— Эй, привет!
— Нет.
— Что нет?
— Монет.
— Тогда привет!

— Бум?
— Бум!

ОДА

— Да?
— О, да!

Философические вирши

*Ехала мысль по дорожным ухабам.
Её заждались, а она всё по бабам!*

*Взяли за шиворот тёмные силы.
Выспаться мне не дают...
О белокурая, как вы красивы!
Станьте ж моею на двадцать минут!*

*Разрешу мировой вопрос
И на этом поставлю точку.
Я такой же, как все, — барбос,
Задираю ногу на кочку.*

*Задыхаюсь, и сердце бульдозером
Встречает хозяйку-весну.
Полыхает закат над озером.
Примета-верняк, ко сну.*

*Жизнь в направлении старого вектора смысла.
Презираю отчётливо всяческую суету,
Если есть, там, на небе, большие весы-коромысло,
Я на чашу какую-то кое-чего положу.*

*Мне с неба на цепи спустили раз бутылку
С прозрачной дождевой водой.
И я сказал: «Едри его в морилку,
Неуж и там с портвейном перебой?»*

*Плоть или дух?
Дилемма, что кочует век от века!
Но шлёпать на окошке мух,
Как говорит мой добрый друг,
Часов с одиннадцати до двух
То, право дело, не помеха!*

*Между туч луна гуляет.
Мне о ней писать пора.
На неё собака лает.
Вот такая ерунда!*

*Не сеет мужик и не пашет,
Не косит и даже не жнёт!
С утра самогончику вмажет
И светлые песни поёт.*

*Краля кролем море кроет,
Волны пенные волня,
То, как рыб, она завоеет,
То утонет, как камня!*

*Раз припадал я на левую ногу
Правой ногой!
Слабую женщину взял на подмогу —
Стала женой.
Так уж случилось. И с пана да лыку
Щиплют теперь.
Вяжут мочалки. И нежное лико
Линкуют в дверь.*

*Перемололо калику хромого
Злую судьбой.
Стал припадать и на правую ногу
Левой ногой.*

*Можно сделать так, как хочешь.
Можно сделать так, как есть.
Но за первое — схлопочешь.
За второе — будешь есть.*

Абстракт-абсурдное воспоминание о 1937 годе и о случившейся там непогоде.

*Давненько не писал я нравственно-психологических р'оманов.
(Приписывается Федулу Доставучему)*

Над чёрным полем, средь чёрной ночи, среди свинцовеющих туч, висел кроваво — блестял лукаво совсем ни о чём не туживший, но всё-таки рыжий Марс.

Ворона летела мимо, летела, не зная горя, летела, куда не зная, и вдруг увидела — Марс. Поскольку он был блестящий, да и к тому же рыжий, ворона, дурёха такая, взяла и склевнула его.

Охотник Иван Петрович не любил ходить на субботник. Охотник Иван Петрович сдавал в своё глупое общество совсем никому не нужные без тела вороньи лапки. Зачем — никому не ясно, но просто закон такой.

Ворона летела мимо — охотник пулял в ружьё. Ворона падала в поле — охотник ей резал ногу. Такая вот, брат, история! Такие вот, брат, дела!

Разбойник Петров Иваныч не любил ходить на работу. Разбойник Петров Иваныч любил отнимать ружьё.

Охотник Иван Петрович тащил с неохотой ноги — разбойник Петров Иваныч ему колотил в башку.

Мильтон, позабыл фамилию, вообще не любил что-то делать. Мильтон, позабыл фамилию, любил посадить в тюрьму.

Разбойник Петров Иваныч из лесу тащил ружьишко, мильтон, позабыл фамилию, наручник ему одел.

Жена, извиняюсь, мильтона, не очень его любила. Жена, извиняюсь, мильтона, любила его лупить.

Разбойник Петров Иваныч любовником был жены-то. Мильтон, позабыл фамилию, отлуплен любовно был.

Клоп на тоненьких ножках, занятий других не имея, взял да и скуки ради жену, извиняюсь, мильтона, изо всех из силов укусил.

Клоп — он ведь тоже рыжий, поэтому месье состоялась!

ТЕРРИТОРИЯ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

МОЙ СЛОВАРЬ

Из путеводителя:

В начале 1996 года я начал писать, а вернее, переписывать заново весь накопившийся к тому времени во мне и вне меня лексикон. Однако очень быстро выдохся. Хватило меня на букву «А» с малым хвостиком. Территория словаря захирела и болью поросла. И грозило ей полное и окончательное забвение. А тут эта книга... Тогда я подумал, а может быть, и хорошо, что словарь не закончен? Может, так и оставить его в едва намеченном движении и росте? Может быть, достаточно, сказав «А» и лишь наполовину «Б», остальные буквы просто обозначить одним каким-нибудь совсем случайным словом?

И это правильно, потому что он всё-таки изначально монтировался как книга для чтения. А прочитав все слова, которые я знаю и которым могу дать своё аляповатое толкование, весьма и весьма утомительно.

Собственно, штрихи...

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ИЛИ БЕСТОЛКОВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

1-е ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня, февраля месяца, 6 числа, 1996 года, я начинаю свой титанический и одновременно с этим пофигистический труд по обновлению и оживлению Русского языка.

Для этого я попытаюсь приоткрыть потаённые смыслы известных слов и явлений, а также выявить простую суть всяких заумных понятий. Вместе с этим я рассчитываю вытащить на свет божий множество нетривиальных аллюзий и аналогий, а кроме этого, освежить общеизвестные фразеологизмы. Не претендуя на академическую точность, собираюсь предпочесть ей красоту, поэтичность и ироничность. Хотелось бы закрутить в языковом пространстве весёлый карнавал, где все слова наденут новые живописные маски, куда открыт доступ всем желающим, вне зависимости от того, жаргонизм ты, специальный термин или обиходное выражение — главное, чтобы от тебя веяло свежестью и жизнью.

06.02.96 М.Погарский

2-е ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло 20 дней с начала работы над словарём, и уже можно подвести кое-какие итоги и сделать некоторые выводы. Ну во-первых, словарь начинает расти как снежный ком, и приходится изо всех сил тормозить на виражах, дабы не утонуть в этом безбрежном океане словесности. Поэтому сами собой начинают расставляться определённые приоритеты. Поскольку затевалось всё это как некий языковой (и в каком-то смысле языческий) праздник, то, естественно, на приглашение широким потоком хлынули стихи и песни, мифы и легенды, мистика и искусство, анекдоты и каламбуры, закуски и вина и всё, что так или иначе льнёт к красоте, поэзии и веселью. Но просочились и философские, и научные, и бытовые, и блатные термины, та самая ложка соли, без которой каша становится приторной. Местами приходится вносить и академические справки, но я пытаюсь свести их до самого крайнего минимума. Основным направлением по-прежнему является работа по раскрепощению слов. Я пытаюсь выпустить на волю сокрытую в словах красо-

ту и музыку, приоткрыть завесу потаённых смыслов или хотя бы выкрикнуть слово, изменив в нём привычную интонацию. Кроме того, я вытаскиваю на свет малоизвестные слова, понятия и факты. Основным критерием при этом служит нетривиальность и поэтичность события.

26 февраля 1996 г.

3-е ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем дальше работаю, тем больше понимаю, что это МОЙ словарь. По типу «Словарь языка Пушкина», хотя, конечно, с поправкой «Словарь языка Погарского, придуманный и отобранный им самим». И если в нём цитируются другие авторы, то цитируются они неточно, преломляясь через мою память и через моё понимание. Причём цитаты, как правило, имеют законченный вид и обладают самодостаточностью, не зависящей от контекста. Следует, видимо, подчеркнуть, что иногда я привожу намеренно дурацкие цитаты или весьма глуповатые анекдоты, поскольку цель здесь всё-таки не позабавить читателя, но показать возможности использования слова, Слова, живущего не только в изящной литературе, не только в искромётном народном фольклоре, но и в детском слэнге, и в туповатом юморе канцелярских служащих, и в грубой брани уголовных братков. Не заостряя своё внимание на чём-нибудь одном, я пытаюсь замесить густую брагу из всевозможной мешанины, добавив толику дрожжей от своего таланта, а что уж из неё выбродит под воздействием читательского тепла, пока неясно.

*Слова, как обмороженные льдины,
Тоскуют по душевной теплоте...
Усталых слов натруженные спины
Не в силах разогнуться в тесноте
Заезженных избитых ярлыков
И старых запылённых дефиниций.
Слова заждались о себе стихов.
Слова мечтают обернуться птицей.*

16 мая 1996 г.

4-е ПРЕДИСЛОВИЕ

Вдруг совсем неожиданно для меня в словарь влилась сквозная составляющая сна, которая мне сначала то ли приснилась, то ли привиделась. И однако в какой-то момент стало бесспорно и окончательно ясно — без неё никуда. Раз уж это альтернативный словарь, то он должен учитывать альтернативные реальности. И я, подобно Хулио Кортасару, «осознал, что сон — это тоже часть книги и что в нём таится ключ к конвергенции двух потоков человеческой активности, прежде разнородных».

Не вдаваясь в детальные разглагольствования о природе сна, отметим, что в народе накоплен огромный интуитивный опыт толкования снов, и именно его я попытался привнести в словарь. Всерьёз заинтересовавшись этой проблемой, я перерыл груды всевозможной литературы, начиная с книги древнегреческого философа Артемидора Эфесского «Толкователь сновидений» и трактатов Аристотеля «О сне» и «О вещих сновидениях», через Мартына Задеку к Зигмунду Фрейду и Густаву Юнгу, а оттуда к новомодным современным квазинаучным сонникам. И особенно хочется отметить уникальную информацию о ловцах снов, переданную Милорадом Павичем в Хазарском словаре. Разумеется, и свой собственный опыт я тщательно фиксировал и сравнивал с общепринятыми толкованиями. Дело в том,

что у меня поразительно богатая сновидческая жизнь. Её можно разделить на две принципиально разные группы.

Первая — это короткие путаные, беспорядочные сновидения, происходящие неизвестно где и не оставляющие в душе сколько-нибудь заметного следа, разве что приснится какое-нибудь дурацкое стихотворение или сюжетец для рассказа. (Вот одно из наиболее занятных приснившихся стихов. Оно исполнялось как песня неким ансамблем, похожим на «Машину времени»: «Я чело-век... и я тебя увидел/ В новый век семнадцатого льда,/ Ты была немножко лысовата/ И, как всегда, весела.../// Моя душа всё в том же бродит поле,/ Мои слова всё так же далеки./ Моя мечта всё так же быть на воле,/ Мои дела лишь песни да стихи...»)

Вторая — это долгие связные сны, которые происходят на хорошо знакомых сновидческих территориях. Этих территорий я насчитываю около семи.

1-я — Сновидческий Крым — совершенно особенная уникальная территория с небольшими городишками, напоминающими микроВенецию, с горными отелями, с длинным скалистым хребтом, уходящим в какие-то бесконечные каменные пустыни. Где-то, за уже известным мне по другим снам поворотом, из этого хребта существует подземный проход, длиной около трёх километров, который приводит прямо в Сновидческий Владивосток. Удивительное место, напоминающее американский форт прошлого века. Около трёх десятков домиков, расположенных по периметру горной котловины, высокая красная колокольня, напоминающая Меньшикову башню на Чистых прудах, рядом с ней пивной ларёк, а далее открытый океан с выступающими из воды скалами, некая смесь скал Бель-Иля Клода Моне с Девятым валом Айвазовского. Любопытно, что в свой сновидческий Владивосток я попадал разве что через Крым и никак иначе.

2-я территория — это огромная многоэтажная общая баня, с гигантскими раздевалками, где всегда нужно очень долго ходить и искать пустой шкафчик. Просторы этой бани теряются где-то в неизвестности, и хотя многое мне там уже знакомо, но на некоторых этажах я до сих пор не бывал.

3-я территория — это небольшая река, по которой я сплавляюсь на байдарке. Характерной особенностью этой реки является затопленный храм, через который эта река протекает. Любопытно то, что этот храм действующий: прихожане приплывают в него на лодках, Батюшка стоит на каком-то плотике, горят свечи, ведутся песнопения, читаются молитвы и проповеди.

4-я территория — старый запущенный дом с выходом в сад, с огромным количеством комнаток, чуланчиков, люков на крышу, спусков в подвалы, с балкончиками, террасами, эркерчиками и т.п.

5-я территория — неизвестный средневековый город с готическими крышами, узкими улочками, мощёнными брусчаткой. Одно из незабываемых сновидений — полёт по этому городу на горных лыжах. Я скатывался с высоких островерхих крыш и нёсся по воздуху, поддерживаемый неведомой силой, на очень большой скорости, с жутковатым страхом и восторгом, на удивление чётко вписываясь в повороты, причём некоторые повороты происходили не в горизонтальной, а в вертикальной плоскости. Впечатления просто потрясающие. Вообще-то, я довольно часто летаю во снах, но чтобы так...

6-я территория — предместье, некая заречная сторона небольшого города, какие-то нефтяные баки, длинный пляж вдоль реки, городская свалка, заброшенные ангары, старый паровоз, руины допотопной техники. Здесь чаще всего про-

исходят боевики, с погонями, перестрелками, драками, затаиванием в каких-нибудь скрытых местах.

7-я территория — комната. Некая комната как образ Комнаты вообще. Обычно в ней множество людей, которые могут меняться из сна в сон. Чаще всего я оказываюсь там ночью, под утро, после густой пьянки в объятиях какой-нибудь девицы, не стесняющейся предаваться со мной утехам, несмотря на окружающих. Иногда к ней присоединяются другие девицы. Любопытно то, что девицы могут быть разные, но комната всегда одна и та же, я знаю, в каком ящике буфета стоит вино, как пройти в туалет, где могут лежать сигареты и т.п.

Однако я увлёкся. Но ещё несколько слов сказать необходимо. К толкованию снов следует относиться творчески. В первую очередь опираясь на свою интуицию и подсознание. Как сказал известный современный толкователь снов А.Цветков, «Толкование сна — это сочинение рассказа про замысел судьбы». Я бы, наверное, чуть-чуть подправил это замечательное определение. «Толкование — это перевод рассказа про замысел судьбы с языка сна на язык реальности.» Разумеется, перевод — это творческая работа, однако она требует специальной подготовки и в первую очередь изучение языка сновидений. В отличие от лингвистических языков, символика сновидений не обладает строгой всеобщностью. У каждого человека есть своя система символов в языке сновидений, более того, эта система может меняться с возрастом человека. Однако большинство символов имеют сходное значение почти для всех людей. Именно эти обобщённые значения я и привожу в нижеследующем словаре. Хотя есть среди них символы, почерпнутые из моего собственного опыта, которые могут не совпадать с общепринятыми толкованиями.

22 декабря 1996 года, день зимнего солнцестояния

5-е ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня прошло ровно 3 года с начала работы над словарём. Своеобразный день рождения. Вернее, ночь, 0 часов 20 минут. Я сижу в тихой комнате на восьмом этаже и, прихлёбывая горячий чай, перечитываю написанное 3 года назад. Тишина такая, что слышно скрип пальца по фаянсовой чашке... Слова... Некоторые определения кажутся чересчур игривыми, некоторые, наоборот, скучноваты, какие-то, пожалуй, и вовсе ни к чему, но в целом вроде бы что-то прорисовывается — некие контуры изначально не достроенного здания... Пожалуй, не стоит штукатурить эти языковые руины — пусть будут как будут...

06.02. 1999 года в снежную февральскую ночь с пятницы на субботу

6-е ПРЕДИСЛОВИЕ

Собственно, всё не то... никаких таких определений я не давал и давать не мог, из-за хронической нелюбви к каким бы то ни было дефинициям. И всегда предпочту неточность любой скрупулёзности и неопределённость поставлю выше всех неукоснительных правил. И цель-то моя была, скорее, не дополнить уже известные или интуитивно чувствуемые определения, но раскачать их, вывести из состояния равновесия, позволить жить новой лингвистической жизнью.

07.03.99 года в морозную мартовскую ночь с воскресенья на понедельник

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

А.

А — 1. первокрик; 2. озвученная боль; 3. любимая (или нелюбимая) буква заик; 4. кума вороны; 5. витамин; 6. упавшая с трубы; 7. союз нерушимый, хотя и разделительный; 8. буква.

А-АХ («х» — произносится чуть слышно с придыханием) — смакующий звук, издаваемый после дюже вкусного напитка, чая, например, или пива.

АБАЖУР — панамка для лампочки. Всё в ажуре, только нос на абажуре. (Фразеологический синоним к ответу на вопрос: «Как дела?» — «Как сажа бела». Выражение произошло из детского анекдота: «У солдата заболел зуб. Друг пытался его вырвать, но ничего не получалось. Тогда он взрывает зуб гранатой и спрашивает: «Ну как?» — «Всё в ажуре, только нос на абажуре!» Существует и неприличный вариант этой фразы, возникший из аналогичного анекдота о том, как молодой муж лишил жену девственности.) Если во сне привидится абажур, то нужно ждать всяческих милостей, но если абажур бумажный, то, наоборот, к неприятностям. Если абажур одет на голову — жди веселья. Если уронишь абажур — избавишься от страха.

АБАКАН — где-то в таёжной Хакасии город стоит Абакан. (Про этот город есть палиндром: «На ка баб, Абакан!» и замечательная песня Олега Митяева: «В синем зимнем Абакане/ Над гостиницей метели.../ Хлеб над водкою в стакане./ Греться ветер лезет в щели...// Гиблый край с дырявым небом./ Бог не дай Сибирь обидеть./ Он же здесь ни разу не был./ Как он мог это увидеть?»). Сновидческий Абакан как территория мне неизвестен, однако если он вам снится, то а) если вы там родились и а1) в настоящий момент не там, то это тоска по родному дому, и, стало быть, вскорости вы его навестите; а 2) там живёте, там и сны смотрите, то всё нормально и следует обратить внимание на другие детали сна; б) были в Абакане наездом, то это место чем-то запало вам в душу и вас тянет ещё разочек побывать в этом славном городе; в) никогда там не были, то это весьма странно и требует индивидуального изучения, хотя снится же мне Владивосток, хотя наяву я там так ни разу и не был.

АБАЛМАШ — то же, что и абалыря.

АБАЛЫРЯ — почти что то же, что и абалмаш, а вообще говоря, тютя-матютя, оборвыш, простофиля, бездельник. (Вообще-то я эти слова, кроме как в словаре Даля, нигде не встречал. Может быть, просто-напросто перевелись на Руси абалыри и абалмаша? А может, их и не было никогда? Надо ведь отдавать себе отчёт, каким образом составлялся Великий словарь живаго русского языка. Владимир Иванович-то был, как говорится, коллекционером, он радовался каждой редчайшей находочке и каждую тут же в книжицу, в книжицу. Брякнет что-нибудь какой-нибудь шепелявый мужик, перевёрт незнакомое слово, да сам же барину его и растолкует. Барин, конечно, радуется и на водочку мужику с благодарством. А тот и рад стараться... Тут и слушок по деревням да весям ползёт: ездит де какой-то чудак, за незнакомое слово на водку даёт, а за шутку-прибаутку и на закуску пожалует, ну, а уж если байку какую ни на есть ему завернёшь, так вообще можно целную неделю пьянствовать. Понятное дело, реальные размеры щедрости могли быть и поменьше, но слухи есть слухи, вот мужики и стараются. Вот лапшицу пудами и навешивают. А потом учёные гадают, что, мол, такое, почему народ по-Далевски не

говорит? Видно, мол, грех и сила литературная такова. Что, мол, зафиксировали, то тотчас и умерло. Все эти рассужденьица, конечно же, красоты и прелести словаря отнюдь не умаляют, какая на фиг разница, говорили, придумали, главное — живо! Ну только послушайте: аба-лыря; никакому Кручёныху такого не выдумать. Он в этом смысле просто абалыря какой-то по сравнению с народными заумниками.) Если вам приснился настоящий абалыря, то это, безусловно, к радости.

А БАО КУ — дух Башни Виктории, умеющий чувствовать достоинства человеческих душ. «Он находится в состоянии летаргии на первой ступеньке лестницы, ведущей на Башню, и приходит в сознание только тогда, когда кто-нибудь ступит на лестницу. Вибрации пробуждают его к жизни, и неким внутренним лучом он проникает в человека. С каждой пройденной ступенью его цвет усиливается и совершенствуется его форма, а свет, излучаемый им, сверкает всё больше. И когда оживут преисполненные чистоты мужчина и женщина, то А Бао Ку сможет лечь на последнюю ступеньку полностью завершённым, светясь голубым лучом жизни» (Хорхе Луис Борхес «Энциклопедия вымышленных существ»). Если же заменить в духе первую букву имени на Е и убрать пробелы, то получится уже совсем иной дух, и тогда оживут мужчина и женщина, преисполненные чего-то такого, что к чистоте имеет гораздо меньшее отношение. Вряд ли вам когда-нибудь снился А Бао Ку, ну, а уж если снился, то я прям не знаю, что и сказать.

АББАДОНА — царь саранчи и ангел бездны. (Про ангела бездны вспоминается тут же вот такой нелепый анекдотец: «Топают крысы по туннелю шахты. Куда идут, зачем? Конечно, неясно. Ну, к светлым кушам там, например, где полно зерна и вовсе нету злобных кошек. Тут с потолка срывается летучая мышь. И маленький крысёныш шепчет своей матушке: «Мама, мама, смотри — ангел полетел».) Встреча во сне с аббадоной — предвещает смерть кого-то из близких.

АБЕРРАЦИЯ — возникает в глазах после седьмого стакана, пропадает после десятого. Увидеть во сне аберрацию — к похмелью.

АББРЕВИАТУРА — инициалы словосочетаний. Рассматривать во сне аббревиатуру — к новостям, писать её — к несчастью, пытаться расшифровать — к поступлению денег.

АБВЕР — немецко-фашистское ЦРУ. Такое, конечно, вряд ли приснится, но вдруг — тогда вообще-то к выздоровлению, а может быть, к предупреждению, это судя по тому, с каким лицом будет абвер.

АБДУЛА — главный басмач из к/ф всех времён и народов «Белое солнце пустыни». (Если Абдула навестит вас во сне, то вы наверняка только что насмотрелись великого кинофильма и сон не предвещает никаких пророчеств.)

АБЗАЦ — классно; полный абзац — очень классно.

АБИССАЛЬ — под литоралью, батималью лежит глухая абиссаль, там темнота и холодище — морского дна седая даль. (Вот, блин, как!)

АБИССИНИЯ — за Красным морем живут чёрные до синевы Абиссины. (Сон про Абиссению предвещает великие перемены и наверняка к лучшему.)

АБИТУРИЕНТ — бывает в жизни сладостный момент, ты уж не школьник, но и не студент. (Если вам снится абитуриент, то уж не влюбились ли вы часом?)

АБЛАУТ — см. Апофония

АБЛЯЦИЯ — испарение твёрдого тела (абсолютно научная дефиниция). Видение абляции во сне говорит о том, что вы или физик, или сумасшедший.

АБОНЕМЕНТ — право на посещение чего бы то ни было, ну например: «Терять язык, абонемент на бую слёз в глазах валькирий» (Б.Пастернак).

АБОРДАЖ — рукоприкладство в морском бое. (Абордаж снится к разлуке.)

АБОРИГЕН — 1. все мы аборигены; 2. сын Бориса и Генриетты; 3. поедатель капитана Кука. («Но почему аборигены съели Кука?/ За что — не ясно, Молчит наука./ Мне представляется совсем простая штука —/ Хотели кушать и съели Кука» В.Высоцкий.) Увидишь аборигена во сне — жди большую радость.

АБОРТ — операция «А» и три дня больничного. Это сейчас, а одно время в СССР по указу от 1938, «в связи с ликвидацией безработицы и ростом благосостояния трудящихся», искусственные абORTы были запрещены; у В.Высоцкого в «Балладе о детстве» имеется в виду как раз этот самый указ: «Первый раз получил я свободу/ По указу от тридцать восьмого». (Если приснится аборт — жди выкидыша.)

АБРАЗИЯ — разрушение берегов и зубов (короче, очень гнилостная штука). Абразия зубов снится к ссоре. Сон с абразией берега означает, что близкая и желанная цель ускользнёт из-под самого носа.

АБРАМКА — морженок. (Повстречался во сне с абрамкой — жди какого-то экзотического подарка.)

АБРАУ-ДЮРСО — посёлок шампанского на берегу Чёрного моря.

АБРИКОС — 1. живой урюк; 2. живая курага; 3. живая шептала. (Увидеть во сне абрикос — к неприятным известиям, есть во сне абрикос — к покою и довольству.)

АБРИС — принарядившийся контур.

АБРОГАЦИЯ — если закон устаревает, то его отменяют, т.е. делают ему аброгацию. (На мой взгляд, очень страшное слово, похожее на ржавую колючую проволоку.)

АБСАНС — состояние отсутствия.

АБСЕНТ — любимый напиток одной из натурщиц Эдуарда Моне. (А так — польнь польню.) Если вам снится, что вы пьёте абсент, то ждите всяческих тревог и осложнений в личной жизни.

АБСЕНТЕИЗМ — вовсе это и не любовь к абсенту, как вы подумали. Абсентеизм — это учёное слово для обозначения нашего игнорирования выборов и прочей политической буффонады.

АБСОЛЮТ — 1. предельный рост одного признака, в ущерб всем остальным; 2. всё и ничто одновременно; 3. марка довольно престижной водки; народный рекламный ролик этой водки таков: «Те, кто квасит «Абсолют», по утранке не блюют». (Если вам снится, что вы пьёте Абсолют, то здесь могут быть два полярных толкования: а) в реальной жизни для вас это самая обычная водка — тогда питиё предвещает тревогу и нужду в вашем доме; б) в реальной жизни Абсолют для вас дорогая экзотика — тогда питиё предвещает веселье и неожиданный праздник.)

АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ — принципиально недостижим; расположен на 273,16 градусов Цельсия ниже температуры тройной точки воды. (Генерал ведёт занятие по военной подготовке в Университете и каждый раз, показывая термометр, говорит: «Вот супер-прибор военный градусник! Им меряют температуру от минус 50 градусов до плюс 50 градусов!» — подглядывая при этом на написанные на термометре цифры. Студенты решили подшутить над генералом и дорисовали внизу ещё один нолик. На следующий день генерал показывает термометр и говорит: «Вот супер-прибор военный градусник! Им меряют температуру от минус 500 градусов до плюс 50 градусов!» — «Товарищ генерал, а нам профессор на физике говорил, что температуры ниже 273 градусов не бывает!» — «Прибор засекречен, профессор мог о нём и не знать!..»). Увидеть во сне абсолютный ноль — к необычайным происшествиям.

АБСОРБЦИЯ — ну, например, выпил человек водку, а пописал, извиняюсь, мочой. Куда, спрашивается, подевался алкоголь? Ответ — абсорбировался организмом.

АБСТИНЕНТ — Лев Толстой в старости.

АБСТИНЕНТНЫЙ СИНДРОМ — похмелье, окончившее мединститут.

АБСТИНЕНЦИЯ — то, чем занимался Лев Толстой в старости.

АБСТРАКТНОЕ — взбесившееся конкретное.

АБСТРАКЦИОНИЗМ — 1. лазейка для всех желающих стать гениями; 2. зримая музыка формы и цвета; 3. реальный шанс оттянуться и сбросить с души груз безумия.

АБСТРАКЦИЯ — 1. нечто дюже непонятное; 2. то, что при одном и том же имени понимается каждым по-своему. (Если вам снятся абстракции, то это зачатки шизофрении.)

АБСУРД — если хорошо вдуматься, то всё, что нас окружает, абсурдно, нелепо и просто-напросто невозможно, наш мир — это невероятное стечение обстоятельств или похмельная шутка господина Бога. Таким образом, вселенная и жизнь — это абсурд, а абсурд — это жизнь и вселенная. И я совсем не согласен с Кортасаром, что «абсурд уязвим, немошен и что достаточно крикнуть ему в лицо, что он всего лишь предыстория человека, его смутный проект и что он кончился...» Нетушки, дорогой мой и Любимый аргентинец, абсурд — это не предыстория, а история человека, и он вовсе не кончился, а, наоборот, только-только начинается. Логичная, неабсурдная вселенная не должна иметь человека. Человек — это нонсенс! Нарушение строгой нормы. Выпадение из законов биологии, и я уж не говорю физики. Он дитя абсурда и дух его, и отец его. Абсурд невозможно выделить во сне, ибо сон и есть фотопроявление реального абсурда.

АБСЦЕСС — латинизированный гнойник. (Абсцесс снится к неудачам и печалям.)

АБСЦИССА — первая координата святой троицы. («Напрасно студенты ждут друга в пивной./ Наука без жертв не бывает./ И графика синус волна за волной/ По оси абсцисс пробегает» (из мех-матовского гимна.) Один умник утверждал, что вектор есть иллюстрация единства в трёх лицах. Т.е., что святая троица — это вектор (и это, на мой взгляд, не очень глупо).

АБТУ И АНЕТ — звёздные Рыбы, плывущие перед кораблём бога солнца Ра. (И как им не холодно в этом ужасном космосе?)

АБУДАД — бык, который, согласно Зенд-Авесте, хранит семена всего сущего; Митрас убил его в тёмной пещере и кровию его оплодотворил землю. (А там уж и пошло поехало. Жизнь наступила, на фиг.)

АБУ-СИМБЕЛ — Египтянский алкогольный напиток (45 градусов, с очень красивой пробочкой и рельефной бутылкой. Про него существует прибаутка: «Ночью пил Абу-Симбел, а наутро посинел»). (Пить во сне Абу-Симбел — к респектабельности.)

АВА — друг человека. (Друг маленького человека.) Если во сне увидеть Аву — к знакомству с очень хорошим человеком; играть с ней — к большой радости; если она нападает — то вас ждёт опасность; если укусит — к ссоре из-за денег; если убегает от вас — к серьёзной болезни; если вы охотитесь с ней — то ваше трудолюбие должно принести плоды; если слышите лай — к неприятностям; если сажаете на цепь — то вскоре наживёте врага.

АВАНГАРД — попытки создать свои собственные каноны в искусстве, иногда успешные; роман в стихах и поэма в прозе были когда-то крутым авангардом. (Да и ещё, конечно, в армиях там всякие авангардисты бывают тоже.)

АВАНС — «материализованное доверие» (В. Кротов); («Как всё в их жизни просто,/ Чётко./ Душа сломалась давно./ Пришёл аванс —/ Напейся водки,/ И всё мгновенно решено» (Вл. Кушнир).) Это как бы эпитафии. А вообще-то аванс существо хорошее, доброе, ласковое, будящее мечты... Но как он часто и просто предательски быстро бывает пропит!!! Что-то в нём такое есть искушающее... (Аванс во сне — к удаче.)

АВАНСЦЕНА — «Задаток, следом стоимость — / В театре с ней знакомитесь» (шарада). (Если вам приснилась авансцена, то от вас что-то скрывают.)

АВАНТАЖ — встречаются по авантажу, а там, глядишь, и в морду вмажут (псевдо-французский вариант пословицы: встречаются по одежке, провожают по уму).

АВАНТЕ — по-испански означает «вперёд», вполне возможно, что это слово завоюет интернациональность, наши студенты, например, любят распевать испанский перевод песни «Вперёд, товарищи, все за оружие...», который звучит следующим образом: «Аванте попьюла, алярис роса,/ Бандера росса, бандера росса./ Бандера росса ля триумфера...» и т.д.

АВАНТЮРА — издание подобных словарей. (Желать авантюру во сне — к столкновению с властью предрешающими; быть в ней замешанным — к осуждению без вины.)

АВАНТЮРИСТ — «Был человек тот авантюрист,/ Но самой высокой/ И лучшей марки» (С.Есенин «Чёрный человек»). См. Авантюра. (Помогать во сне авантюристу — предостережение о грозящей опасности.)

АВАНТЮРЬЕ — «искатель приключений... Руководимый непреодолимым влечением к жизни мечтательной, фантастической, авантюрье имеет некоторое сходство с поэтом и нередко на короткое время приобретает славу великого человека...» (Энциклопедический лексикон. Изд. Плюшара, 1835 г.).

АВАРИЯ — 1. дочь мента (кино такое было); 2. побочное явление автомобилизации планеты; 3. разрыв презерватива (тоже не очень приятно). (Увидеть во сне аварию — предостережение об опасности, попасть в аварию — всё будет хорошо.)

АВАТОРА — это когда бог Вишну превращается в Кришну, а на худой конец её карлика или вепря. А ещё у Борхеса Аваторы черепахи... Ну в общем, когда её никак не догнать... Там добавляется ещё и привкус приключения, присущий испанскому переводу этого слова. (Стать участником аватор во сне — означает, что нужно что-то менять в реальной жизни.)

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ — большой бардак, я бы даже сказал: откровенный сранч... И надо быть Гераклом, чтобы с этим делом как следует разобраться.

АВГУРЫ — это жрецы, читающие божественные знаки в полётах птиц; («Авгуры нарицались чин утверждённый волхвов. Которыи наблюдая на птицы, как летают, седают и ядят, прорицали щастливое или не щастливое поведение начинаемых дел» (Ф.Прокопович. Розыск исторический. 1721). Эх, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Хорошее дело на птицах гадать.

АВГУСТ — 1. месяц-император, укравший 31-й день у меньшого брата февраля; («Наш Август смотрит сентябрём —/ Нам до него какое дело!/ Мы пьём, пируем и поём/ Беспечно, радостно и смело» Н.Языков.); 2. светлый сорт пива Хамовнического пивзавода, Плотность 12%, Алк. 3%; 3. имя, означающее по-гречески священный. (Если вам снится, что вы пьёте «август», то тому могут быть две причины: а) вы вчера перебрали и реальный сушняк утоляется во сне, тогда, скорее всего, и наяву будет то же самое; б) вы пьёте как бы походя, случайно, не придавая этому особенного значения, тогда ждите неожиданного письма.)

АВДОТЬЯ НИКИТИЧНА — персонаж артиста Владимирова, подружка Вероники Мавриковны; (Эта колоритная парочка обросла ну просто массой анекдотов, вот один из них, пожалуй, самый заурядный: «— Вероника Мавриковна, а ты во время войны что делала? — Я? Я подполковником была! — Эх ты, я и то под генералом!») (Увидишь во сне Авдотью Никитичну — жди нечаянной радости, лёгкого веселья.)

АВДУМБЛА — мифическая корова, описанная в старшей Эдде: «в начале не было ни неба, ни моря, ни земли, а только одна разверстая бездна. По обе стороны бездны лежали два царства: на севере царство мрака и холода, на юге царство огня. Когда от южного жара растаяла часть северных льдов, то из образовавшихся капель произошли два существа: исполин Имир, родоначальник великанов инея, и корова Авдумбла, вымя которой изливало четыре млечные реки, питавшие Имира; сама же корова, для утоления своего голода, лизала росу, которая выступала на ледяных скалах, и от того произошло поколение богов и родился могучий Один». (Что с неё взять, Авдумбла, она завсегда Авдумбл!) Хотя и маловероятно, но если вам приснится именно Авдумбла, то вскоре о вас кто-то позаботится и ваша жизнь совершит удачный поворот.

АВЕЛЬ — «... и был Абель пастырь овец» (Бытие). (Про него есть загадка: «Кого весь мир оплакивает?») (В сборнике загадок русского народа нашёл меж прочим. Ни в жисть бы не отгадал.)

АВЕНИУ — улица, пересекающая стрит (это в Нью-Йорке, а в других местах она что хочешь может пересечь). (Если вы во сне прогуливаетесь по авениу, то вас ждут большие перемены, ваши дела движутся в нужную сторону, возможно в скором времени интересное знакомство.)

АВЕРНСКИЙ СПУСК — дорога в ад; Авернское озеро в Италии, дышащее серными испарениями, почитается дверями ада. «Маленькие мальчики в школе знают из учебника латинского языка, что по Авернской тропинке очень легко спускаться» (У.Теккерей. «Ярмарка Тщеславия»). Здесь Теккерей имеет в виду латинское выражение: «*facilis descensus Avernī*». (Вот какие у них, оказывается умные мальчики, а у нас и старики-то этого, пожалуй, не знают, а если и знают, то уж никак не из учебника латинского языка.); (Идти во сне по Авернскому спуску — к неожиданной печали.)

АВЕРС — поумневшая решка. Я бы даже так сказал: решка, кидающая понты. (Увидеть во сне медный аверс — к печали; серебряный или никелевый — к слезам, иногда к прибыли; золотой — к большому горю.)

АВЕСТИЙСКАЯ АСТРОЛОГИЯ — связана с периодом обращения Сатурна вокруг солнца, имеет 32-летний цикл. (Я тут так полагаю, что каждый свободный человек имеет право выбора не только на религию, но и на астрологию. Я, например, по восточной астрологии Кот или даже заяц, а по авестийской аж Белый медведь. Как говорится, почувствуйте разницу.)

АВИАТОР — ямщик железного пегаса. (Лай собаки, крик осла и круглый бублик — / Это, братцы, лётчик, а не хули! (шарада).)

АВИЕТКА — небольшой самолётик; («И подбросив вверх монетку,/ Я сажусь на авиетку./ Если решка, значит приземлюсь./ Ну, а выпадет орлом,/ Значит отвезут на слом./ Коли жив останусь, то напыюсь» (песенка авиаторов начала века).) Увидеть во сне авиетку — к исполнению желаний. Лететь на ней — исполнятся самые дерзновенные мечты (в том случае, если по жизни вы не лётчик, а если лётчик, тогда нужно обращать внимание на другие детали сна).

АВОСЬ — тот самый случай, когда удача покровительствует не смелым, а раздолбям. (Наше авось не с дуба сорвалось — рассудительное. Авось не Бог, а полбога есть.)

- АВОСЬКА** — сетка, взятая на всякий случай, на авось. (В конце тяжёлых талонных восьмидесятых кто-то из юмористов (Задорнов, не иначе) очень верно предлагал авоську переименовать в нихренаську.); (Авоська снится к наследству. Пустая — к получению, набитая — к утрате.)
- АВРАЛ** — корабельный субботник; («Объявляется аврал./ Боцман палубу засрал./ Сукин сын такой, а врал./ Что корабль в говно попал» (дворовые стишки).) (Участие в сновидческом аврале — к богатству.)
- АВРОРА** — 1. гибрид крейсера и богини; 2. супероружие — один раз бабахнуло, 70 лет расхлёбывали. (Увидишь во сне Аврору (в смысле крейсер) — продолжай настойчиво добиваться поставленной цели и получишь выгоду. Увидишь Аврору (в смысле богиню) — жди странной, ничем не объяснимой удачи.)
- АВСЕНЬ** — божество, возжигающее солнечное колесо в день зимнего солнцестояния, дарующее свет миру и открывающее путь новому году. (И откуда только такие берутся?)
- АВСТЕРИЯ** — от латинского «аустерис» — терпкий, горький. Так в древнем Риме назывались харчевня для черни в отличие от гостиниц с «ресторациями» для знати (локанда). Подражая древним римлянам, Пётр Великий назвал австериями первые трактиры, появившиеся в Петербурге. Вот как описывает первую петербургскую австерию А.С.Чистяков: «Подле крепостного моста находилось ещё здание, куда и царь, и все вельможи, и простые рабочие заходили выпить рюмку водки и закусить; это была гостиница Остерия, впоследствии получившая название Австерии четырёх фрегатов; здесь продавали вино, пиво, мёд, табак и карты». (А что ещё нужно приличному человеку?)
- АВТОБУС** — 1. когда давным-давно автобус считался не резиновым, но венгерские товарищи пошли навстречу пожеланиям пассажиров и включили в конструкцию Икаруса резиновый отсек, и на остановках стало оставаться гораздо меньше людей; 2. собачий лай, частица, буква и признак пола у мужчины — он по дороге мчит без стука, его езду смягчают шины (шарада).
- АВТОГРАФ** — посолондневшая подпись (рукопись); («Зрелище это повысит/ Доходы от ваших аптек./ Плата за вход — автограф/ Под плакатом: Я — ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК» (Д.Кудряшов). Вот какую плату придумал лауреат «Дирижабля». Молодец, нечего сказать.)
- АВТОМОБИЛЬ** — 1. существо четырёхколёсное, без крыльев (если вы скажете, что бывают и трёх-, и шестиколёсные, то я отвечу: в семье не без урода); 2. собачий возглас, недруг Джерри, предлог, закон с одною «эл», а вместе — руль, колёса двери, и поезжай куда хотел (шарада). (Сидеть во автомобиле во сне — несбыточные мечтания. Ехать в автомобиле — недолгая дорога.)
- АВТОНОМНОСТЬ** — это когда в своей сумке есть своя выпивка и своя закуска.
- АВТОПИЛОТ** — конечная стадия трансперехода из сознательной деятельности в подсознательную, осуществляемая при помощи алкоголя. («Поспорил с Василием: можно ли сухим вином «Мерло» нажраться до автопилота? Он говорил, что нет, но я выиграл очень быстро». В.Шинкарёв.«Максим и Фёдор».) (Если ты и во сне умудряешься доходить до автопилота, то как ты, чёрт возьми, помнишь этот сон-то!? Шутка, однако во сне очень часто можно видеть себя со стороны, и если ты увидишь себя на автопилоте, то это к унижению.)
- АВТОПОИЛКА** — пивная, попавшая под колесо механизации. (Мне автопоилка почему-то ни разу не снилась, но умные сонники уверяют, что уж если приснится, то надо ждать сплетен, пережевывания костей и глупых разговоров.)

АВТОР — виновник всей этой авантюры, см. Авантюра. (Вот уж не знаю к чему это такому я могу присниться? Впрочем, это, конечно, смотря кому. Я так думаю, если девчонкам, то это к любовной аванюре, если друзьям — то к выпивке, ну, а уж если кому незнакомому приснюсь, то это как пить дать к неожиданному приключению.)

АВТОРИТЕТ — не встречал, не знаю, ничего не могу сказать. (У Розенбаума есть что-то такое занятное: «Тара-ра-ра-ра-рам, прошло с тех пор уже немало лет,/ Но помнят все ребята на улице Марата,/ Что я имел большой авторитет...»); (И во сне не встречал, но скажу: если приснится — жди опасности.)

АВТОРУЧКА — вот какая глупая загадка есть про этот инструмент: и входит, и выходит, а не беременеет.

АВТОСТОП — способ перемещения в пространстве без затрат денежной энергии.

АГА — 1. в зависимости от интонации, может обозначать всё, что угодно: да, так, конечно, ладно, вот как, вот оно что, ну наконец-то и т.д. или, например: «Вот пуля просвистела и ага!/ Вот пуля просвистела и ага!/ Вот пуля просвистела, и товарищ мой упал./ Товарищ мой упал» (песня); 2. господин на востоке.

АГАМЕМНОН — микенский царь, возглавивший греческое ополчение под Троей. После возвращения был убит своей женой Клитемнестрой. (Про него есть шарада, суть которой придумана У.Теккереем, в нашем транспереводе это выглядит так: «Сперва восточный господин,/ Потом правитель Эфиоп,/ Чьё извращение на восходе/ Творило кружево из нот». (По слухам, голова статуи эфиопского царя Мемнона на восходе солнца издавала мелодичные звуки).)

АГАПИТ — в переводе с греческого, возлюбленный; в просторечье лысый или бритый, толкование сие пошло из популярного в 70-е годы фильма «Отроки во Вселенной», обычно сопровождается поглаживанием по лысой голове и фразой из этого фильма: «А ты у меня уже совсем большой, Агапит, — волосы на голове начинают расти».

АГАСТЬЯ — мудрец-риши, который, по легенде, выпил океан, чтобы помочь богам в их битве против демонов. (Не иначе как с похмелья был парень.); (Вот цитатка о нём:«— Это был великий старец вселенной? — Который, словно Агастья, хочет осушить море юности? — Чудовищный старец, подобный ночи? Тот, у кого на груди сверкают глаза?» Рабиндранат Тагор. «Торжество веснь», пер. С.Цырина.)

АГАСФЕР — жид, наказанный земным бессмертием. (Чудны дела твои, Господи!); Вот как у Пушкина описывается приход Агасфера в одну еврейскую хижину: «Бьёт полночь. — Вдруг рукой тяжёлой/ Стучатся к ним. Семья вздрогнула,/ Младой еврей встаёт и дверь/ С недоуменьем отворяет —/ И входит незнакомый странник./ В его руке дорожный посох».

АГАФЬЯ — в переводе с греческого, добрая; («Агашка — драная рубашка./ Карман на спине./ И подол в говне» (дразилка).)

АГДАМ — портвейн; («Для милых дам, для милых дам/ Куплю Агдам, куплю Агдам/ И основательно поддам/ За милых дам» (песенка).) (Пить Агдам во сне — к согласию.)

АГЕЙЗИЯ — вкусовой «дальтонизм»; печальная неспособность некоторых людей различать оттенки вкуса в еде. (Короче — ужас нечеловеческий.)

АГЕНТ МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА — человек, рассказавший в сталинские времена политический анекдот, опоздавший на работу и пр. (Ныне, слава богу уже вышло из употребления.)

АГЕСИЛАЙ (4-ый век до Р.Х., по официальной хронологии) — весьма мудрый и даже трудолюбивый царь Спарты; (Однажды Агесилая спросили: «Каким об-

разом может всякий государь царствовать без страха, не имея вокруг себя никакой охраны?» На что Агесилай ответил: «Если он повелевает своими подданными так, как отец повелевает сыном своим». Вот какой был мудрый.)

АГИ — демонический змей, надвигающийся на небо сплошные массы облаков и рождающий в воздухе томительный зной (описан в Риг-Ведах). (Увидеть змея во сне — к богатству.)

АГИТАЦИЯ — «народные или сословные смуты, подговоры, наущения и волнение, тревога» (подлинная цитата из словаря В.И.Даля); (Если приснится агитация — жди тревожных новостей.)

АГЛАЕД — иждивенец, оторви-и-брось.

АГНЕЦ — семирогий семиглаз.

АГНИ — «первоначально бог небесного пламени, возжигаемого в грозовых тучах, и потом бог земного огня; искры, высекаемые из кремня, были эмблемой его сверкающих молний» (А.Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу»). То есть наша современная зажигалка — это не что иное, как воплощённая в быту эмблема бога Агни.

АГРИППА НЕТТЕСГЕЙМСКИЙ (1487-1535) — юрист, университетский теолог, офицер и шпион (на службе императора Максимилиана), врач и астролог, математик и маг, демонолог и основатель тайного общества, алхимик и мудрец. И несмотря на всё это утверждавший, что если ты много знаешь, то это даёт тебе только разочаровывающую уверенность, как мало на самом-то деле ты знаешь.

АГ СУФРЕ — азербайджанское белое сухое ординарное вино; изготавливается из винограда сорта (оцените поэзию) Баян ширей. (Пить во сне Аг Суфре — к большому веселью, к радости.)

АГУ — попытка родителей заменить весь русский язык одним единственным словом.

АГЛОМЕРАЦИЯ — куча-мала.

АГОНИЯ — самая последняя неприятность в жизни. (Видеть во сне свою агонию — к выздоровлению.)

АГРЕССОР — зачинщик крупной драки.

АГРОМАДНЫЙ — ну очень большой; (Помните у Высоцкого: «В государстве, где всё тихо и ясно,/ Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,/ Появился дикий зверь агромадный,/ То ли буйвол, то ли бык, то ли тур!»)

АГРОНОМ — огородный теоретик. («А мы не карлики, не гномы,/ Хоть и копаемся в земле... Вот так! / Мы молодые агрономы! / И наше золото буряк. Буряк-буряк-буряк!» (песенка студентов Тимирязевки).); (Если приснится агроном — задумайся о корнях своих.)

АД — 1. кухня, на которой человек присутствует в качестве блюда; 2. семикругий многоног; 3. что ещё сказать об аде? Я не очень-то верю в Дантовский или Мильтоновский Ад. Вряд ли всё там происходит настолько буквально. Но с другой стороны, есть вещи, которые не опишешь без аллегорий и метафор. И если к этим великим произведениям относиться как к метафизическим метафорам... А впрочем..., впрочем, я не верю в существование вселенского зла, в принципе. Зло — понятие чисто человеческое. Мы же не можем считать муравья злым за то, что он поедает гусеницу. Вот так же и Боги. Хотя они-то, возможно, могут войти в людскую оболочку, но желать зла... Увольте, в это я поверить не могу. («Есть у меня и Библия Ада, которую получают люди, хотят они того или нет» (Уильям Блейк); А теперь отвлечёмся от серьёзности и будем относиться к Аду, как к литературной фантазии. «Я спросил: Как там в аду,/ Меж прочим, отношение к нашим алкоголикам,/ Говорят, их жарят на

спирту?» (В.Высоцкий); «Попал мужик в ад. Вот чёрт его и спрашивает: «Куда пойдёшь, в социалистический или в капиталистический?» — «А где лучше?» — «Ну, кто ж его знает. В капиталистическом — порядок. Каждый день тебя пожарят, поварят и колышек в жопу забьют. А в социалистическом — то уголь не завезли, то воду отключили, то черти перепились, но в последний день месяца будь спокоен: и зажарят, и выварят, и тридцать колышков в жопу забьют». (Кто жил при плановой экономике, тот и понял.) (Увидишь Ад во сне — значит совесть заела; побываешь в нём — временное ухудшение жизненных условий; выберешься из него целым и невредимым — спасёшься от лютой опасности.)

АДАЖИО — светло, печально и спокойно витают звуки над клавиром — адажио парит в пространстве, и даже слёзы пахнут мирром. (Та-да-да та-да-там!)

АДАМ — в переводе с древнееврейского означает красный человек, а также земля (почва); Про Адама есть загадка: «Кто не родился, а умер?» (Помимо церковной, существует и такая версия сотворения мира: «А в первые минуты/ Бог создал институты./ И Адам студентом первым был./ Он ничего ни делал./ Ухаживал за Евой./ И Бог его за это стипендии лишил.// От Евы и Адама/ Пошёл народ упрямый./ Ни в чём не унывающий народ./ От сессии до сессии/ Живут студенты весело./ А сессия всего два раза в год» (песня).)

АДАМОВА ГОЛОВА — 1. череп в анфас и под ним скрещённые кости; по милости писателей, эта эмблема ассоциируется в сознании людей с пиратским флагом (исторические упоминания о подобных фактах отсутствуют, и весьма сомнительно, чтобы хоть один пиратский корабль поднимал подобный флаг, зато на баночках с мышьяком и цианистым калием таких черепов предостаточно; 2. растение мандрагора («Есть трава Адамова голова, ростом в локоть, кустиками по 5 или 6 и по 10 листов вместе. Цвет багров кругленькой, а расцветает кувшинцами всяких видов. И ту траву рвать со крестом, приговаривая «Боже, помилуй мя, боже». И принести ту траву в дом, и тому, кто порчен, дай пить, и он тотчас обличит виновника. Или которая жена никак не родит — дай пить, и разродится. А кто хочет дьявола видети или еретика, тот корень освяти святою водою и положи на алтарь и не замай до четырёхдесяти дней, а как пройдут те дни, носи у сердца — увидишь водяных и воздушных демонов. А если кто высечен или ранен, приложь к ранам — заживут в три дня. Та трава именуется святая — всем травам царь» (травник).)

АДАМОВЫ СЛЁЗЫ — так в старину у солдат величали матушку Водку. (Водка снится к нужде, к тревожным проблемам, к потерям.)

АДАПТАЦИЯ — если иностранец, попавший в Россию, наконец-то отучился разбавлять водку и привык к тому, что коньяк надлежит пить стаканами, то уже можно говорить о его частичной адаптации к суровым условиям нашей страны.

АДДИТИВНЫЙ — по-русски сказать, прибавленный; (в отчётах американских резидентов вполне может проскочить вот такое выражение: в русских пивных аддитивным компонентом «Жигулёвского» является вода).

АДЕКВАТНЫЙ — выпитая поллитра водки адекватна полутора фугасам портвейна (разумеется, безоотносительно к процессу, но лишь при пересчёте в градус/литры).

АДЕЛАИДА — 1. «светло-синий, сине-зелёный цвет» (Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. 1891г.); 2. Звезда из песни Б.Гребенщикова. (Сон про Аделаиду предвещает возвышенную любовь.)

АДЖИКА — гремучая смесь.

- АДЖИДОМО** — по-индейски белка; Аджидомо помогает Гайавате победить великого осётра Мише-наму.
- АДИАБАТНЫЙ** — процесс, происходящий в какой-либо системе тел без притока и отдачи тепла, например, любовь по расчёту.
- АДИДАС** — трёхлепестковая фирма; («Если парень в адидас, то ему любая даст» (народная реклама).)
- АД КРОМЕШНЫЙ** — см. Абстинентный синдром.
- АДМИНИСТРАЦИЯ** — специальный ад для министров. (Видеть во сне администрацию — это к хлопотам.)
- АДМИРАЛ** — бабочка-флотоводец. («Едва глаза продрал,/ Тут входит адмирал,/ И говорит едри-восьмизэтажныйтрёхколен:/ — Какого, мать твою, ты спишь тут, мать твою,/ Не слышишь ни черта, акулий хрен» (песенка курсантов Петербургской мореходки).); (Если снится Адмирал (бабочка) — к любовному свиданию, а если он порхает к тому же на фоне солнца — свидание будет ну просто — очень! Ежели, наоборот, Адмирал (человек) приснится, то жди знакомства с военным или просто ожидай покровительства, а если сам во сне адмиралом станешь — готовься к почёту.)
- АДМИРАЛТЕЙСКОЕ** — светлое пиво, разработанное в 1975 г. в Ленинграде. Имеет ярко выраженный, гармонично сочетающийся хмелевой вкус и аромат, глубоко сброженное. Плотность 12%, Алк. 3,5%. («В то утро Фёдор встал пораньше./ Пошёл на кухню./ Там стояло/ штук пять бутылок с жигулёвским,/ пять с мартовским,/ да пять с адмиралтейским/ и прочих всяких пив немало» В.Шинкарёв. «Максим и Фёдор».)
- АДМИРАЛЬСКИЙ ЧАС** — российский лэнч; пушка Адмиральская шумнула, а стало быть, время закусить и откусать водочки (в своё время обеденный перерыв для жителей Петербурга начинался после пушечного выстрела из Адмиралтейства).
- АДОНАЙ** — эрзац подлинного имени бога Йахве, которое, по еврейской религиозной традиции, не должно произноситься.
- АДОНИС** — бог плодородия у древних финикийцев, перекочевавший впоследствии в Грецию и Рим; греки связывали зимнюю смерть природы с безвременной кончиной красавца-Адониса, сражённого богом Аресом, загримировавшим-ся под дикого вепря.
- АДРЕС** — координаты жизни; («Соль ожигает щёки,/ Перед глазами — креп./— Адрес? Его прочтёте/ В справочнике судеб» Марина Цветаева.); (Если во снепишешь адрес — то тебе удастся наладить переписку с тем, с кем хочешь.)
- АДРЕТ** — по собачьи говоря: «на дыбы».
- АДСКАЯ РАБОТА** — 1. создание альтернативных словарей (см. также Райское наслаждение). Приведём по этому поводу цитату из В.Маяковского: «Товарищ Ленин, работа адовая будет сделана и делается уже»; 2. египетский труд; 3. социалистический труд (по этому поводу есть одно тонкое философское наблюдение: «1 выкуренная сигарета сокращает жизнь на 5 минут, 1 стакан водки сокращает жизнь на 20 минут, а 1 рабочий день сокращает жизнь на 8 часов»).
- АДСОРБЦИЯ** — куришь, например, сигарету: вдыхаешь дым и выдыхаешь дым, но при этом стенки лёгких производят адсорбцию никотина (ср. Абсорбция).
- АДЬЮ** — прощай, малинового цвета.
- АДЬЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА** — культовый фильм митьков. Бездонная кладовая цитат: «А ведь это ты, Мирон, Павла убил!», «Фитилёк-то

притуши, Аннушка, коптит», «Сейчас будем делать экскримент», «Вишь ты, опять смешливые попались», «Ещё что про батьку скажешь, кину тебе гранату» и т.д. и т.п.

АДЮЛЬТЕР — экскурсия от семейного очага к лону свободы. (Эта ситуация просто изобилует анекдотическими случаями, вот один из них: Жена принимает любовника, и, естественно, нежданно-негаданно появляется муж. Любовника запикивают в шкаф, прищемив ему дверцей мужское достоинство. Мужа усаживают ужинать пельменями. Жена бежит в ванную привести себя в порядок и вдруг слышит истерический хохот. Вернувшись в комнату, она видит дико хохочущего мужа, сидящего на полу. — Что случилось, — спрашивает с удивлением жена. — Да вот, понимаешь, просыпал пельмени, стал собирать, а один, самый большой, к шкафу прилип: я его вилкой тыкаю, а он меня на фиг посылает...). В некоторых странах имеет место наказание за адюльтер, например, в Малайзии существует закон, согласно которому если жена изменила мужу трижды, то за каждую измену несёт наказание всего один человек, причём за первую измену карают любовника, за вторую — жену, а за третью — мужа. (Восток — дело тонкое.) Если адюльтер совершается во сне — жди тревожных событий.

АЖ — сердце слова «даже»: («Я вошёл в такой, блин, раж —/ Припотел немного аж».)

АЖАН — французский мент. (Визит мента во сне — к выздоровлению кого-то из близких, визит с целью ареста — жди неожиданного предложения.)

АЖИОТАЖ — пустопорожняя горячка.

АЗАРТ — движущая сила любой игры, а поскольку «вся наша жизнь игра», то, стало быть, делайте выводы; («Без азарта не идёт карта».)

АЗИМУТ — вы можете отнять у меня мой корабль, но не по силам вам забрать и мой азимут (приписывается одному из средневековых мореплавателей).

АЗИЯ — 1. часть света; 2. в переносном смысле — темь беспросветная; («Корпели десять мудрецов/ Над рифмой к слову «Азия»;/ Бумаги кучу извели./ Но рифму так и не нашли/ И вскрикнули в конце концов:/ — Какое безобразие!» (Джеймс Ривз, пер. М.Бородицкой).

АЗОВ — азы российского флота.

АЗОРСКИЕ ОСТРОВА — расположены в Атлантическом океане, у северо-западных берегов Африки. И не было бы в них ничего примечательного, если бы не включил их поэт Маяковский, плывущий в Америку, вот в эти строчки: «Вот и жизнь пройдёт,/ как прошли Азорские/ острова». (Одни из лучших, на мой взгляд, во всей его выпендрёжной поэзии.)

АЗУ — «Коль не хочешь колбасу,/ Приготовь себе азу./ А не смыслишь ни аза,/ Научу за полчаса:/ Жир, говядина, томат — / Чуешь, экий аромат!/ Лук, картофель и мука,/ Можно малость чеснока,/ А под самый под конец/ Всыпь солёный огурец./ Всё поджарь и потуши./ Да за ложкой поспеши». (Мне азу ни разу не снилось, но говорят, что говядина снится к потерям.)

АЗ — 1. старорусское Я; любопытно, что нынче «Я — последняя буква алфавита», в то время как Аз, наоборот, первая; 2. иногда используется вместо раз, например, вот в такой заумной считалке: «Азы, двазы,/ Тризы, ризы,/ Пята, лата,/ Туни, муни,/ Тупа, крест./ Выходи под шест».

АИР — болотное растение, корневище которого содержит эфирное масло. Аир, обладающий стойким ароматом, символизирует постоянство и жизненную силу.

АИСТ — 1. отец народа; 2. фирменный знак Молдвинпрома; 3. знак зороастрийского календаря, соответствующий 1942, 1974, 2006 и т.д. годам («Аист — белый вестник неба,/ Спутник лёгких облаков./ Ты паришь, а я под пледом/ Уто-

паю в неге снов» М.Погарский. «Зороастрийский календарь».); (Ну, во снах с ним всё ясно: если «уже», то жди ребёночка, если «ещё не», то к сватовству, причём летящий аист — к сватовству хлопотливому, сидящий в гнезде или на лугу — к спокойствию и счастью в супружеской жизни.)

АЙ — междометие, работающее в диапазоне от испуга и боли до удивления и восхищения; классический пример — возглас Пушкина по поводу окончания пьесы «Борис Годунов»: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

АЙБОЛИТ — ветеринар.

АЙВА — ну очень похожа на яблоко, только побольше, подушистее и менее сочна; есть рекомендуется нарезая тонкими прозрачными ломтиками.

АЙВЕНГО — отважный рыцарь, воспетый Вальтером Скоттом. Кстати сказать, в первом переводе этот роман назывался на русском языке «Иванго».

АЙДА — призывный клич; («Ну, хватит хером груши околачивать, айда водку пить».)

АЙ-ЛЮ-ЛЮ — по всей видимости, нечто противоречащее моральному облику советского туриста; (Женщина лёгкого поведения: «Цигиль, цигиль. Ай-лю-лю!» Кеша (А.Миронов): «Ай-лю-лю потом!» Семён Семёныч (Ю.Никулин): «А что ей надо?» Кеша: «Я тебе потом объясню» («Бриллиантовая рука».)

АЙМЕК-ГУАРУЗИМ — долина роз; («Аймек-гуарузим — так в первый раз/ Предстала тебе любовь./ Так первая книга твоя звалась./ Так тигр почуял кровь» Марина Цветаева.)

АЙ-ПЕТРИ — гора Святого Петра, а также коньяк, ей посвящённый.

АЙСБЕРГ — 1. корабль пингвинов и гроза «Титаников»; 2. поплавок богов (Видеть айсберг во сне — к всевозможным неудачам и препятствиям.)

А КАПЕЛЛА — пение, ставшее музыкой и не нуждающееся в подыгрывании.

АКАЦИЯ — этих акаций аж 750 видов: и серебристая, и шёлковая, и жёлтая, и белая, и каких только нет; в центральном районе наиболее известна жёлтая акация, почему-то её очень любят сажать в детских садах, возможно, потому, что из стручков этого замечательного кустарника получаются очень славные свистульки. (Увидеть акацию во сне — к приятной встрече.)

АКВА ВИТА — живая вода и водка по совместительству.

АКВАЛАНГИСТ — запойный пьяница.

АКВАРЕЛЬ — 1. тёплая краска (Плач ребёнка, песнь лягушки, рык медведя и растение — в бумагу мир она заносит в своём неброском оформлении (шарада).); 2. согласно деду Шукарю — красивая девка; 3. наркотик на основе грибов мухоморов и какой-то химии. Вот что пишет об акварели один из наших лучших журналистов Вячеслав Курицын: «Под действием акварели у человека изменяются представления о времени и пространстве, он становится более плавным и замедленным и с большей радостью воспринимает явления материального мира, он испытывает склонность к абстрактным разговорам и к шуткам на не самые обычные темы... Но есть ещё один эффект: завав на какой-либо предмет (на поезд, на чашку, на дерево, на швабру из «Магазина на диване»), человек неожиданно начинает ассоциировать себя с этим предметом. Он вдруг понимает, что является деревом или шваброй. Чувствует, что его тело имеет форму дерева или швабры. И ему может прийти в голову (или там — в листья, в корни) воссоединиться с плавающим перед глазами внешним образом этого предмета. И он начинает активные попытки проникнуть в этот предмет, как-то его заместить или слить себя с ним».

АКВЕДУК — мостик для трубопровода. (Акведук снится к счастью и успеху.)

- АКВЕТТА** — так у древних греков называлось вино, на две трети разбавленное водой; (Цивилизованные греки полагали, что неразбавленным вино могут пить только варвары, и лишь при болезни допускалось вино, разбавленное водой напополам, так называемое вино Гиппократов, а вот варвар Пушкин очень отрицательно относился к разбавлению вина. «Да будет проклят дерзновенный,/ Кто первый грешною рукой,/ Нечестьем буйным ослепленный,/ О страх!.. смешал вино с водой!/ Да будет проклят род злодея!/ Пускай не в силах будет пить,/ Или, стаканам владея,/ Лафит с цимлянским различить!» — укоризненно говорил он.)
- АКВИЛОН** — ветер, летящий, подобно орлу..., гордый порывистый ветер. (Сновидческий Аквилон — приносит добрые вести в реальность.)
- АКВИНАТ** (Фома Аквинский, 1225-1274) — знаменитый схоласт-доминиканец, по прозвищу «Молчаливый бык», систематизатор науки, автор компендиумов (сумм) «Сумма против язычников» и «Сумма теологий».
- АККЛИМАТИЗАЦИЯ** — если Вы не умеете акклиматизироваться, то и с Вами вполне может произойти подобная ситуация: — «Иванов, водку тёплую любишь?» — «Не-а» — «А баб потных?» — «Не-е!» — «Зимой в отпуск пойдёшь».
- АККОМОДАЦИЯ** — приноровление глаза к тому, чтобы заметить в чужом глазу соринку, а в своём не заметить бревна (шутка).
- АККОМПАНеМЕНТ** — случается тогда, когда ещё один музыкальный инструмент берётся в исполнительскую компанию; («Я издавна солист и аккомпанемента не ожидаю, один пью...» Н.Лесков. «На ножках».)
- АККОРД** — сожителство звуков и нот по согласию; («Пусть роза сорвана — она ещё цветёт,/ Пусть арфа сломана — аккорд ещё рыдает...» (С.Надсон); «Не дозвучал его аккорд/ аккорд/ И никого не вдохновил./ Собака лаяла, а кот/ Мышей ловил,/ Мышей ловил» (В.Высоцкий).) (Слышать во сне аккорды — жить наяву в согласии.)
- АККОРДЕОН** — заматеревший баян; аккордеон также близок к гармонии, как аккорд к гармонии; («А ночь квадратной и белой/ была от стен и балконов./ Цыгане и серафимы/ коснулись аккордеонов» (Ф.Г.Лорка, пер. А.Гелескула).) (Слышать во сне аккордеониста — к непредвиденным расходам.)
- АККРЕДИТИВ** — туманно-многозначное слово, что видно, например, из слов одной блатной песенки, в которой кавалер упрекает даму в невнимании к себе: «Али я не очень? Али не красив? Аль тебе не нравится мой аккредитив?» (Аккредитив снится исключительно к новостям.)
- АККУМУЛЯТОР** — штуковина, которая только и делает, что садится. (Если вам и во сне видится этот чёртов аккумулятор, то представляю, как он вас по жизни задолбал.)
- АКРИДЫ** — пища Иоана Крестителя, род саранчи, а возможно, листья кустарника акрида; («Иоан же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мёд» (Марк 1,6); «Была акрида неспроста/ Едой святого Иоанна./ Будь так же, лирика чиста, чиста/ И только избранным желанна!» Гийом Аполлинер. «Бестиарий», пер. М.Яснова); (Акриды (в смысле саранчи) снятся к переселению в новые места.)
- АКРОПОЛЬ** — верхушка города.
- АКРОСОМА** — макушка сперматозоида.
- АКСАКАЛ** — буквально: белая борода; (Представьте себе аксакалов из к/ф «Белое солнце пустыни», сидящих на ящиках с дмнамитом. Мимо идёт Сухов: «Здорово, саксаулы!» — «Мы не саксаулы, мы аксакалы» — «А-а, один чёрт, деревья!»); (Если вам приснятся аксакалы, то это хорошо, ждите благополучия, покоя, бодрости.)

- АКСЕЛЕРАЦИЯ** — приведём крайний пример акселерации из монолога Аркадия Райкина: «... пить, курить и говорить я начал одновременно».
- АКСЕЛЬБАНТЫ** — это такие шнурочки, заплетённые в косички, с кисточками, которые солдаты нацепляют на грудь по случаю парада; (Аксельбанты появились в 1566 году во время войны в Нидерландах в полку валахов в насмешку над герцогом Альба и обозначали верёвку с гвоздём, на которой Альба обещался повесить изменников.) (Аксельбанты сняты к каким-нибудь пустяковым препятствиям.)
- АКСЕССУАРЫ** — пробочка и этикеточка — аксессуары бутылочки, веничек и шаечка — аксессуары парилочки, а упрёки да ругательства — аксессуары моей милочки.
- АКСИОМА** — утверждение, взятое с потолка, правда, с очень высокого потолка; (Пример аксиомы: «кто утром кофе пьёт, тот до смерти доживёт».)
- АКСОЛОТЛЬ** — довольно странное существо: с одной стороны, это личинка земноводных под названием амбистомы, с другой стороны, оно может жить само по себе, ни в кого не превращаясь, и при этом даже размножаться. Некоторые любители держат аксолотлей в аквариумах и, вытаскивая их на воздух, пытаются превратить в амбистом; иногда это у них получается, а иногда нет. А ещё есть аксолотль Кастанеды, но это уже совсем другая история... (Приснившийся аксолотль — к опасным переменам.)
- АКСТАФА** — марочное вино цвета золота с янтарём и с нежным фруктовым букетом. (Пить Акстафу во сне — к светлой радости и покою.)
- АКСТИСЬ** — опомнись; («Акстись, родимый!»)
- АКТ** — вопрос: чем половой акт отличается от театрального? Ответ: половой акт — это театр двух актёров, а театральный — это совокупление атёрской трупы со зрителем. А ещё бывает акт в смысле бумажки, так вот, если эта бумажка приснится — жди неприятностей в конторе, но если ты умудришься подписать её, то вскорости получишь аванс.
- АКТЕОН** — царь, который случайно увидел купающуюся богиню Артемиду. В наказание за это богиня превратила Актеона в оленя, и собственные собаки, не узнав хозяина, разорвали его на части к чертям собачьим.
- АКТЁРЫ** — те, кто ёрничает в актах. (Видеть актёра во сне — к неожиданности.)
- АКТИВИЗАЦИЯ** — сознание активизируют коньяк и кофе, ну а потенцию — прикосновенье к женской попе.
- АКТИНОМЕТР** — лучемер.
- АКТУАРИУС** — в 18 веке так назывался хранитель актов и других бумаг, что-то вроде нынешней секретарши.
- АКУЛА** — существо красивое, но опасное, и глубоко заблуждается тот, кто думает, что перед тем, как укусить, акула переворачивается на спину, — как плывёт, так и кусает; («Эх и девка — ну просто акула./ Я ей стал объясняться в любви./ А она мне тихонько шепнула:/ «Двести баксов за вечер плати» (песенка).) (Акула во сне символизирует личного врага.)
- АКУЛИНА** — 1. как правило, червонная дама в одноимённой карточной игре. Оставшийся с дамой тет-а-тет обязан следующий кон сидеть в платочке, если он мужчина, или в мужской шляпе, если это женщина; 2. вариация греческого имени Акилина, что значит орлиная; («Акулина свысока/ Задушила гусака./ Гусак пищит./ Сто рублей тащит» (дразнилка).)
- АКУСТИКА** — проверка алгеброй гармонии; («Акустика осеннего неба/ подразумевает источник звука,/ которым могут быть только птицы,/ покидающие пустые гнёзда» (С.Самойленко).) («От кустика до кустика умчала нас акустика»

(кажется, это из одной дразнучей песни, которой издевались над одним хорошим акустиком злые товарищи в каком-то рассказе, чуть ли не Л.Кассиля.)

АКЦЕНТ — фонетический шарм языка.

АКЦИДЕНЦИЯ — нечто случайное и несущественное, например, муха в кофе.

АКЦИЯ — это когда человек не просто вешается, но вешается на стрелке Кремлёвских курантов, не просто напивается, но напивается, сидя верхом на лайнере ИЛ-86, не просто блюёт, но блюёт на парадный костюм президента и т.п.; акция тем же отличается от провокации, чем лом от пролома, лаз от пролазы, форма от проформы, машка от промашки, Локк от проволоки и т.п.; говорят, что бывают ещё акции, по которым якобы можно получить какие-то дивиденды, но мне такие не попадались.

АКЫН — казахский бард.

АЛАБАШЛЫ — крепкое белое, типа портвейна, золотистого цвета с янтарным оттенком и с тонким букетом в медовых тонах. (Пить Алабашлы во сне — к медовому согласию.)

АЛАВЕРДЫ — тот, кому на грузинском застолье передаётся продолжение тоста.

АЛАЗАНСКАЯ ДОЛИНА — лирическая песня грузинского винограда.

АЛАНГ-АЛАНГ — это такая замечательная трава, которой в Индонезии покрывают крыши... Слышите, как в этих звуках шуршит индонезийский ветер?..

АЛГОРИТМ — кличка арабского учёного IX века аль-Хорезми, а также порядок, с которым надлежит что-нибудь делать; например: Как в три приёма положить слона в холодильник? — Открыть холодильник, положить слона, закрыть холодильник. А как в четыре приёма положить в холодильник жирафа? — Открыть холодильник, вынуть слона, положить жирафа, закрыть.

АЛДАРА — буквально, пиво пивовара — светлый сорт рижского пива, вкус с хмелевой горчинкой. Плотность 14%, Алк. 3,8%.

АЛДАРИС-100 — (пивовар-100) — светлое рижское пиво. Плотность 17%, Алк. 5%.

АЛЕ — парад.

АЛЕКСАНДР — совмещение имён Алексей и Андрей, в переводе с греческого означает защитник людей или мужественный защитник.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ — немой укор для разрушителей стульев и табуреток.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА — сгорела.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП — то, выше чего главою непокорной вознёсся Пушкин; вопреки расхожему убеждению, никоим образом не является Александровской колонной, что на дворцовой площади в Петербурге, ибо эта колонна появилась уже после смерти Пушкина; поэт имел в виду седьмое чудо света, стоявшее в Александрии.

АЛЕКСЕЙ — по-гречески означает защитник; («Алёха-Алексей съел на ужин трёх гусей» (дразнилка).)

АЛЕН ДЕЛОН — как хорошо известно, не пьёт одеколон.

АЛЕФ — «одна из точек пространства, в которой собраны все прочие точки; место, в котором, не смешиваясь, находятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон». Алеф — это название «первой буквы в алфавите священного языка. В каббале эта буква обозначает Эн-соф — безграничную, чистую божественность; говорится также, что она имеет очертания человека, указывающего на небо и на землю и тем свидетельствующего, что нижний мир есть зеркало и карта мира горнего; в теории множеств Алеф — символ трансфинитных множеств, где целое не больше, чем какая-либо из частей» (Х.Л.Борхес. «Алеф»).

АЛЁНА — ласковое от Елены, и если Елена по-гречески значит факел, то Алёнка, наверное, спичка или огонёк; («У меня была Алёнка,/ Ну какая же сладёнка —/ Обожала вафли и белки...» (песенка).)

АЛЁША ПОПОВИЧ — младший богатырь из великой троицы; младший по силе и по отваге, но первый по хитрости, находчивости и осторожности, что отражено не только в древних мифах, но и в современных анекдотах; (Три богатыря выезжают на поле и видят вражеское войско. Илья Муромец: «Рать большая». Добрыня Никитич: «Встанем насмерть». Алёша Попович: «Ой, робятки, сматываться, сматываться пора».)

АЛИ — четвёртый из так называемых «халифов праведного пути», муж Фатимы, дочери Магомета.

АЛИБИ — обычно либо его нет, либо оно железное.

АЛИГОТЕ — сорт винограда и одноимённое вино; («Алиготе, алиготе — почто бушуешь в животе?»)

АЛИМЕНТЫ — убогий заменитель родительского участия; («Приезжали в наш колхоз/ Многие студенты./ Пусть теперь нам институт/ Платит алименты» (частушка).)

АЛИСА — маленькая знакомая Льюиса Кэррола (Чарлза Доджонсона), принесшая ему своими похождениями мировую славу. Приключения эти начались 4 июня 1862 года, когда Кэррол и Алиса со своим отцом и сёстрами плыли на лодке по Темзе. («Этот рассказ мы с загадки начнём —/ даже Алиса ответит едва ли:/ что остаётся от сказки потом —/ после того, как её рассказали?» (В.Высоцкий. «Песня Кэррола»).

АЛКАШ — ласковое название алкоголика; («Говорят, мы алкаши,/ Пропиваем все гроши./ Но зато у алкаша/ Не горбатится душа» (песенка).)

АЛКОГОЛИЗМ — дурная привычка, заимевшая статус болезни.

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ РОССИИ — план ГОАРЛО по возрождению народа, предложенный Андреем Битовым в повести «Ожидание обезьян».

АЛКОГОЛИК — отличается от пьяницы тем, что пьяница пьёт только тогда, когда хочет, а алкоголик и хочет пьёт, и не хочет пьёт, впрочем, пьяница, который всегда хочет, тоже алкоголик.(Алкаш с будунщика наливает себе стакан водки и спрашивает: «Душа, принимаешь?» — «Не-а». — «Душа, принимаешь?!» — «Не— а». — «Душа, последний раз спрашиваю, принимаешь?» — «Не-а». — «Ну, подвинься, дура, а то оболью».)

АЛКОГОЛИЧКА — машина по доставке уставших пьяниц в вытрезвитель (син. — пьяновоз, буханка, аквариум, пьяная помощь).

АЛКОГОЛЬ — духовный стержень бухла.

АЛКОНОСТ — птица с человеческим лицом.

АЛЛА — имя; («Аллочка моя алогубая,/ Как люблю целовать тебя в губы я../ Для тебя, моя милая Аллочка,/ У меня заготовлена палочка» (дворовая пародия на современную попсу.)

АЛЛЕГРИ — мгновенная лотерея; (В Италии на пустом билете делается надпись allegri, что означает будьте веселы; впоследствии так стали называть и саму лотерею, ибо пустых билетов, как известно, значительно больше выигрышных.)

АЛЛЕГРО — живёт, сверкает, искрится аллегро, порхает над цветущим полем звуков.

АЛЛЕМАНДА — немецкая бабушка вальса.

АЛЛЕРГИЯ — обострённая чувствительность организма к воздействию какого-либо раздражителя, например, у одного из героев Марка Харитоновна была аллергия на пошлость и хамство.

- АЛЛЕЯ** — 1. деревья, отслужившие в армии; 2. лирический проспект («Стоит аллея/ Огнём аллея./ И неба просины/ Покрыла осень» (О.Дрямов).); (Сновидческая аллея — указывает путь к счастью.)
- АЛЛО** — пароль, допускающий к телефону; («Алло, это телефон 444-44-44?» — «Да». — «Позвоните 03, пожалуйста, у меня палец заело».)
- АЛЛОБРОГИ** — кельтское племя, покорённое в 121 г. до Р.Х. римлянами; (По моему, очень красивое слово. Так и представляются златокудрые кареглазые боги с луком через плечо..., и как их только одолели эти узколобые римляне?)
- АЛЛОТРОПИЯ** — это когда, допустим, углерод то углем притворится, то алмазом, а иногда, поди ж ты, и графитом.
- АЛЛЮР** — человек может идти обычным шагом, приставным, спортивным, бежать, бежать, высоко поднимая колени, захлёстывая голени, вприпрыжку и т.п., лошадь может идти шагом, рысью, галопом, иноходью и в карьер — вот это и есть аллюры.
- АЛМА-АТА** — мать яблок.
- АЛОГИЗМ** — см. Женская логика.
- АЛТАРЬ** — «Давным-давно, в седую старь./ Все жертвы клали на алтарь./ Ну, а теперь, в зелёну новь./ Куда попало льётся кровь».
- АЛТАРЬ МЫСЛИ** — это когда жертва приносится не богу, но разуму; («На алтарь мысли Максим мог положить всё, даже предметы первой необходимости. Однажды он сказал: «Когда я думаю, что пиво состоит из атомов — мне не хочется его пить» В.Шинкарев. «Максим и Фёдор»).
- АЛТУШКИ** — мелкие деньги.
- АЛТЫН** — это всё одно, что шесть денег. (В.И.Даль собрал около 30 пословиц и поговорок в применении этого слова: «По-латыни два алтына, а по-русски 6 копеек», — говорят бестолковому человеку. У скупердя каждая копейка алтынным гвоздём прибита. Корыстный, мелочный взяточник обзывался в старину вот таким замысловатым выражением: «подъячий с приписью: урывай-алтынник» (С.В.Максимов. «Крылатые слова»)).
- АЛУПКА** — город в Крыму; («В славном городе Алушке./ У меня есть две голубки./ И зелёная волна/ Из окошка их видна» (песенка).)
- АЛФАВИТ** — «...и сквозь язык ветвится алфавит, и распускается на тысячи соцветий» («История буквы». 1992) ; (Увидеть во сне алфавит — к успеху в научных кругах, к трудным, но интересным начинаниям.)
- АЛХИМИЯ** — поиск «философского камня».
- АЛЬБАТРОС** — У меня вскочил вопрос: что такое альбатрос? Тут же высочил ответ: это лётчик в белый цвет. (Сновидческий альбатрос несёт белые вести.)
- АЛ(Б)Б-ДЕ-ДЕСЕРТ** — десертное вино из Молдавии; («Так когда же вчера ты купил свои гостинцы?... Непроницаемая завеса тайн! До кориандровой или между пивом и альб-де-десертом? Нет, только не между пивом и альб-де-десертом, там уж решительно не было никакой паузы». Венедикт Ерофеев. «Москва-Петушки»).
- АЛЬВИНА** — героиня одной из фландрийских саг, прекрасная королевна, проклятая родителями за своевольное вступление в брак и с той самой поры осуждённая, не ведая успокоения, носиться по воздуху.
- АЛЬБЕДО** — светлая характеристика поверхности предмета.
- АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ** — за свои энциклопедические знания был удостоен титула Doctor universalis, перешедший впоследствии к его ученику Фоме Аквинско-

му. Утверждают, что он построил для себя робота, имевшего человеческую фигуру, отдельные части которого были выкованы под влиянием определённой звезды; этот механический слуга умел говорить и вести беседы. Говорят, что это раздражало прилежного, но медлительного и молчаливого Фому Аквинского, и он не долго думая сломал робота. Росту Альберт Великий был очень скромного. Известен случай, когда во время аудиенции у папы тот попросил Альберта встать с колен и возникла определённая неловкость, когда выяснилось, что Альберт уже стоит.

АЛЬБИНОС — белая ворона.

АЛЬБИРЕО — звезда, работающая клювом Лебедя.

АЛЬБОМ — бледнолицая тетрадь, в коей можно рисовать; («Тили-тили-тили-бом, что же выписать в альбом? Вставим белые стихи в грудь разной чепухи»); (Альбом снится к радости и веселью.)

АЛЬВЕОЛЫ — пузырьки из крови и лёгких.

АЛЬДЕБАРАН — астральное сердце Тельца.

АЛЬКАЛЬД — испанский губернатор.

АЛЬ КАПОНЕ — знаменитый гангстер. (Если вам приснится, что вы пострадали от Аль Капоне — то, стало быть, вас приглашают в чём-то участвовать.)

АЛЬКОВ — домашняя амуротека; хранилище сердечных тайн. («Семь воплей, семь ран багряных,/ семь диких маков махровых/ разбили тусклые луны/ в залитых мраком альковах» (Ф.Г.Лорка, пер. А.Гелескула). (Если вы во сне возлежите в алькове, то это к успеху; если видите альков пустым — к потере доброго знакомого.)

АЛЬКОР — всадник, который вместе с конём Мицаром сидит на хвосте у медведицы.

АЛЬМА-МАТЕР — мать-кормилица, напоившая детей своих молоком знания. (Увидеть во сне Альма-матер — ко встрече со старыми друзьями.)

АЛЬМАНАХ — тусовка текстов и стихов, всегда друзей, но не врагов. (Если вам снится альманах и вы а) редактор этого альманаха — то, видимо, очень хороший редактор и ваш альманах ждёт успех; б) читатель этого альманаха — то, видимо, альманах и в самом деле получился хороший и ваш сон — показатель успеха; в) в реальной жизни вы никакого отношения не имеете к альманаху — то, видимо, притягательная сила этого альманаха так велика, что вы вскоре в той или иной мере примете участие в этом альманахе.)

АЛЬМАФАЛА — арабское верхнее платье, годное и для мужчин, и для женщин.

АЛЬПЕНШТОК — альпийская палка. (Альпеншток снится к дороге.)

АЛЬПИНАРИЙ — домашние Альпы. (Если вам снится альпинарий, то у вас трезвая расчётливая голова; возможны также проблемы со здоровьем.)

АЛЬПИНИЗМ — восхождение ради восхождения; (Альпинист из последних сил поднимается на доселе не покорённую вершину и вдруг с удивлением видит там маленького зелёного человечка: «Ты кто такой?» — «Кабздец». — «А почему зелёный?» — «Да тебя ждать притомился», — говорит человек и сбрасывает альпиниста вниз.); (Если вам снится, что вы взбираетесь на горы, — это к успеху; если спускаетесь — к неудаче; если просто гуляете по горным тропам — вам собираются изменить.)

АЛЬПОНА — узор, символ гостеприимства. В Индии его рисуют на стенах домов, на полу, на земле; («Ты раскрасил причудливым альпона стены домов...») Рабиндранат Тагор, пер. В.Тушновой).

АЛЬРАУН — волшебный корень; «Под виселицей, из мочи или семени невинно-казнённого юноши вырастает широколистный и желтоцветный альраун. Когда станут вырывать его, он охает и вопит так страшно, что тут же поражает насмерть неосторожного искателя счастья; а потому должно наперёд заткнуть свои уши воском или хлопчатой бумагой, окопать землю вокруг корня, привязать растение к хвосту чёрной собаки и, маня её куском мяса, бежать поспешно прочь. Собака бросится за мясом, вытащит корень альрауна и упадёт мёртвая от его жалобного крика. Корень этот имеет формы человека — голову, руки и ноги; альраун сообщит все тайны, откроет будущее, укажет — как одолеть врагов и приобрести богатство» (А.Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу»).

АЛЬСЕККО — неподмоченная фреска.

АЛЬСИОНИЗМ — непере译имое испанское слово, производное от Alción (зимородок). Хосе Ортега-и-Гассет собирался в своё время написать эссе под названием: «Альсионизм Сервантеса».

АЛЬТ — «... никому не придёт в голову, что этот инструмент не нужен. Сама непонятность его предназначения как бы олицетворяет тайну его необходимости, неприкосновенную сущность музыки» (М.Г.Рыцарева. «Музыка и Я»).

АЛЬТАИР — альфа Орлова.

АЛЬТЕР ЭГО — второе Я; («Испорченное воображение зашло в ознобе. В минуту моё альтер эго окрепло, возшло, и, не прибегая к услугам рук, которые были скрещены на груди, я со стоном осеменил себе изнанку исподнего» (Саша Соколов. «Палисандрия»). (Во сне мы очень часто ощущаем своё собственное раздвоение, мы можем быть и зрителем и участником одновременно.)

АЛЬТЕРНАТИВА — 1. «моей альтернативе есть логический блок, но его синхронность равна нулю...» (использую слова Бориса Гребенщикова, по поводу своего словаря); 2. «Начну-ка опять пить... или нет, ещё погожу! — твердил себе Гришка, колеблясь между двумя альтернативами...» (использую слова М.Е.Салтыкова-Щедрина, по поводу самого себя).

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ — «Мастер и Маргарита» для бедных.

АЛЬТРУИЗМ — разновидность духовного мазохизма.

АЛЬФА — «Сначала, если ты знаешь, научи, что такое Альфа, и тогда мы поверим тебе о Бете» (Евангелие детства).

АЛЬФА-ЛУЧИ — альфа-частичная бомбардировка.

АЛЬФА-ЧАСТИЦА — гелиевое ядро.

АЛЬФОНС — было превеликое множество Альфонсов великих и храбрых, и мудрых, и африканских, прославивших своими подвигами и Кастилию, и Наварру, и Астурию, и Леон, и Испанию, и Португалию, но остался в памяти народной лишь Мосье Альфонс, выдуманный Александром Дюма-сыном, подвиги которого были совсем иного плана, чем у его августейших предшественников. Так литература в который раз победила реальность. (Если женщине снится альфонс — это к тревожным утехам; если мужчине — к ревности.)

АЛЮМИНИЙ — героиня Н.Чернышевского восклицала: «Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь, Саша показывал мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки...», а сейчас уж и вилки, и ложки,— добавим от себя. (Вот какая история с алюминием случилась в одном из советских колхозов: «Собрание. Председатель:«Куда употребим заработанные деньги, товарищи?» Кто-то предлагает разводить карпов, кто-то

кроликов, кто-то кур, а один старик предлагает: «Люлюминий надо лить». От него, естественно, отмахиваются. Эта история продолжается из года в год. Кролики дохнут, карпы не растут, куры не несутся, а старик всё своё талдычит: «Люлюминий надо лить». Наконец, решили его послушать: «Ну и что? Что нам делать с твоим алюминием?» — «А вот отольём люлюминию, построим большой дирижабль и улети-и-им отсюда к чёртовой матери».); (Видеть алюминий во сне — к лёгкому признанию.)

АЛЯСКА — полуостров и куртка; («К чёрту эту свистопляску./ Я уеду на Аляску./ Чем за грош ломаться тут,/ Буду жить, как алеут» (песенка).); (В сновидческой Аляске побывать мне не довелось, но я предполагаю, что она должна сниться к счастливым переменам.)

А ЛЯ ФУРШЕТ — это стоячая форма выпивки, придуманная супостатами на погибель русского человека. Крайне неудобная штука, ибо надо успеть схватить в каждую руку по полстакана (и что за дурная манера разливать микроскопическими дозами?), быстро слить их в один, схватить ещё полстакана, залпом выпить, поставить пустой стакан на место и с нетерпением ждать, когда милая девушка принесёт следующий поднос. (Всё это отражено в одной занятой песенке, которую я довольно плохо помню: «Трам-ра-рам-ра-рам-рам, пригласил нас дядя на фуршет. / И смешной же был фуршет — / Водка есть, а жрачки нет, / Водки по полрюмки подают...»); (Фуршет снится к большому веселью и светлой радости.)

АЛЯ-УЛЮ — междометие, сопровождающее исчезновение.

АМАДЕЙ — божественный. (Например, Амадей Моцарт; не путать с Асмодеем.)

АМАЗОНКА — 1. река с одной грудью; 2. прабабушка феминисток. («На далёкой Амазонке не бывал я никогда,/ Только Дон и Магдалина — быстроходные суда,/ Только Дон и Магдалина ходят за море туда» (Киплинг, в переводе Багрицкого (кажется).); (Увидеть во сне амазонку (в смысле женщину) — к любовной измене.)

АМАЛТЕЯ — коза, кормилица Зевса. («И стояла млея козюлька Амалтея,/ Она кормила Зевса молоком.../ Ну, а мы не боги, отдохнём с дороги/ И пивка холодного нальём» (песенка студентов истфака).); (Коза снится к подарку; Амалтея — к божественному подарку.)

АМАЛЬГАМА — металлический коктейль с ртутью. Хотя в поэзии амальгамой может быть всё что угодно; («Как будто надышался ртутью/ И превращаюсь в амальгаму./ И мир плывёт зелёной мутью/ В мои зеркальные экраны» (С.Смайт, пер. мой М.П.).)

АМАРАВАТИ — столица бога Индры, славящаяся своей неземной красотой.

АМАРГО — (в пер. с испанского горький) «... Скажу несколько слов об одной тёмной андалузской силе — об Амарго, кентавре ненависти и смерти. Мне было восемь лет, я играл у себя дома в Фуэнте Вакеросе, и вдруг в окно заглянул мальчик — он показался мне великаном. В глазах его было столько презрения и ненависти, что мне не забыть их до смерти. Он плюнул в комнату и исчез. Голос издалека позвал: «Сюда, Амарго!» (Ф.Г.Лорка); («Душно, соседки, жарко, — / где поминальная чарка?! Крест. И не нужно плакать./ Он на луне, мой Амарго» («Песня матери Амарго». Ф.Г.Лорка, пер. Гелескула).)

АМАРЕТТО — пьяный миндаль.

АМАРКОРД — мир глазами ребёнка и Феллини.

- АМБА** — хватит, конец, кранты; («Мы квасили, наверное, дня три, по-чёрному. И вот я насыпаю по очередному стакану, как вдруг Сергеев останавливает меня: «Всё, амба, больше не пью. Норма.» и показывает на специальную рисочку, проведённую на стакане» И.Дымков. «Воспоминания»).
- АМБАЛ** — крупный и здоровый мужичина; («И тут вдруг из подвала/ Выходят два амбала/ И вот, едрён-батон,/ Хватают за шкирмон» (песенка).)
- АМБИСФЕНА** — двухголовая змея без хвоста, не имеющая ни переды, ни зада. (Амбисфена снится к жестокому коварству и чёрному предательству.)
- АМБИЦИИ** — во многом и от них зависит — быть этой книге или же не быть. (Это мне 3 года назад казалось, что всё дело в амбициях, а сегодня я понимаю, что на самом-то деле не всё так просто. Дело совсем не в амбициях, а в определённой ответственности перед самим собой. Положив столько труда на исследование первой буквы и решительно отказавшись от дальнейшей работы, я вынудил (подспудно, подсознательно) свой изворотливый ум на сочинение такого стиля книги, куда бы логично лёг окончательно не дописанный текст. (Примечание от 6.02.99, сделано в трёхлетнюю годовщину от начала работы.))
- АМБРАЗУРА** — изящно-ироничный заместитель слова «задница». («И я на эту дуру / Наставил амбразуру/ И высказал, что думаю о ней. / В ответ она, зараза, / Пёрнула два раза, / Причём гораздо громче и сильнее» (песенка).); (Если снится задница — значит будет задница.)
- АМБРЕ** — облаговзвученная вонь. (Унюхать амбре во сне — к ссоре со своим другом.)
- АМБРОЗИЯ** — бессмертный напиток богов.
- АМЕРИКА** — неудавшаяся Индия. (Сон про Америку предвещает скорые и довольно глобальные перемены в жизни.)
- АМЁБА** — «Некий АМ совершил некий процесс над некоей А, в результате получилось простейшее» (загадка-шарада).
- АМИДОПИРИН** — пирамидон. (Увидеть амидопирин во сне — к неприятным событиям; пить — к потерям.)
- АМИК** — по-индейски бобр, вождь бобров. (Если вам приснился амик, то знайте: ваше усердие и выдержка будут вознаграждены и вы шагнёте вверх через несколько ступеней сразу.)
- АМИРАНИ** — грузинский Прометей.
- АМИРАФЛЬ** — почётный титул у арабов, предположительно обозначающий «победитель»; («Вот амирафль из Балагета мчит./ Он станом строен и лицом красив». («Песнь о Роланде», пер. Корнеева).)
- АММИАК** — обезвоженный нашатырный спирт. (Нюхать во сне аммиак — к хорошей встряске.)
- АМНИСТИЯ** — в пер. с греческого забвение, прощение; («Я простился с свободною жизнью./ Собирался на нары трухать./ Но случилось попасть под амнистию,/ И я снова пустился гулять» (песенка зэка Зоси).)
- АМО** — по-индейски пчела; («Вся земля дышала счастьем,/ А над нею, в блеске солнца,/ На закат к священной роще/ Пролетали пчёлы Амо,/ Пели в ярком блеске солнца» (Г.Лонгфелло. «Песнь о Гайавате», перевод И.Бунина). (Увидишь амо во сне — тебе откроются неприятные подробности; будешь ловить — приведёшь в порядок дела; будешь ужаленным — ожидай сопротивления.))
- АМОК** — разновидность сумеречного состояния; («Это больше, чем опьянение... это бешенство, напоминающее собачье... припадок бессмысленной, кровожад-

ной мономании, которую нельзя сравнить ни с каким другим видом алкогольного отравления... Люди в деревнях знают, что нет силы, которая могла бы остановить гонимого амоком... они кричат, предупреждая других при его приближении: «Амок! Амок!» — и всё обращается в бегство... а он мчится, не слыша, не видя, убивая встречаемых... пока его не пристрелят, как бешеную собаку, или он сам не рухнет на землю...» (Стефан Цвейг. «Амок».); (Увидеть во сне человека, охваченного амоком, — к счастью; самому быть в этой роли — к странным событиям.)

АМОНТИЛЛИАДО — «самый сухой и лучший сорт Хереса, особенность его аромата есть тайна природы, до сих пор не разгаданная; иногда, как будто по капризу, одна бочка из общего виноградника имеет вкус Амонтиллиадо» (В.Террингтон. «Описание всех вин»).

АМОРАЛКА — по мнению фарисеев — нечто нехорошее, за что можно выгнать человека из института, например; («Мы с Васьком ходили на рыбалку —/ Зацепили пару стройных шук./ А теперь нам лепят аморалку —/ Нету справедливости вокруг» (песенка).); (Аморальное поведение снится а) если вы в нём участвуете — к возрастанию всевозможных тревог; б) в нём участвует ваша жена или возлюбленная — из души уйдут все печали.); (Сейчас-то к аморальному поведению у нас относятся, слава богу, терпимо, а в период недоразвитого социализма, действительно, чёрти что творилось, а сейчас нормально. Сейчас, можно сказать, и понятие-то такое ушло из жизни. Сейчас это даже моветон какой-то, высокоморальным-то быть. А вот в Америке плохо. Биллушке-то Клинтону каково, а! Вот тут частушку, ну очень характерную, на этот счёт услышал: «Билли Клинтон прогорел, / Он Левински отымел, / Ну, а Боре не сгореть, / Хоть всю родину отъеть» (примечание от 6.02.99).)

АМОРТИЗАТОР — 1. резиновая дубинка, которую ещё называют демократизатор; 2. напиток, служащий для уменьшения крепости другого напитка, например, тоник — амортизатор джина. (Амортизатор (в смысле дубинки) снится вот к чему: а) если вас отлупили — то, стало быть, вы чего-то боитесь и, возможно, сон забрал всю внешнюю агрессию на себя, то есть страхи вскоре уйдут; б) если же вы бьёте — то это к чёрной тоске, к болезни, к потере; это, так сказать, традиционные толкования, ну а фрейдистское: тут и думать нечего, амортизатор, он, конечно, не для битья, у него, конечно, совсем иные функции.)

АМОРТИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ — удар по голове резиновой дубинкой.

АМОРФНЫЙ — бесхребетный, расплывчатый, пофигистический человек.

АМПЕЛ — любимец Диониса; Дионис подарил Ампелу гроздь винограда. Пытаясь снять эту гроздь с высокого дерева, Ампел упал и разбился насмерть. Тогда Дионис поместил его душу на небо. И в созвездии Девы вспыхнула новая звезда — «Виндемиатрикс», что значит «Виноградница».

АМПЕР — французский физик, сильный током.

АМПИР — имперский стиль архитектуры.

АМПЛИТУДА — «Ешь, стреляй, да не сюда./ Се — волновая высота» (шарада).

АМПОШЕ — по-французски говоря, прикарманить. (Если вы во сне совершаете ампоше — то это к неудачам, к потере уважения, к падению; если у вас совершают ампоше — к обману.)

АМРИТА — то же, что и амброзия. («Чтобы вымолить жизни амриту.../ Собирала она цветы/ И пила лишь росу... » (Рабиндранат Тагор, пер. Д.Голубкова).)

- АМУЛЕТ** — «Охраняет от всех бед — этот маленький предмет». (Видеть во сне амулет — избежать многих неприятностей въяве.)
- АМФИБИЯ** — буквально, двоякоживущее, крокодил, например, или лягушка, или допустим, Ихтиандр, про него, кстати, есть вот такой застольный анекдот: «Пьющий в лоскуты мужик заходит в туалет, обнимает унитаз и говорит: «Ихтиандр, сын мой, я пришёл кормить тебя, бэ-э-а-а!»
- АМФОРА** — яйцеобразная бутылка.
- АМУР** — 1. маленький крылатый божок, иногда поддающийся приручению; по всей видимости, ручной амур был у Казановы, Ловеласа, Дон-Жуана и им подобных; 2. любовь («Любовь у них, Фимка, обозначается словом «Амор», «Ам-мо-ор!» и глазами так у-у-у!» х/ф «Формула Любви».); (Сон с амуром — предвещает опасную любовь. Будь осторожен с хищными женщинами.)
- АНАБАЗИН** — алкалоид, родной брат никотина.
- АННАБЕЛЬ-ЛИ** — прекрасная героиня стихов Эдгара По, переведённых Бальмонтом: «Там жила и цвела та, что звалась всегда, называлась Аннабель-Ли...»
- АНАКОНДА** — существо ползучее, без крыльев; («Она была коварна, ну просто анаконда./ Под взглядом её таяла шпана./ И даже среди пижонов столичного бомонда/ Имела много хахарей она» (песенка).); (Анаконда, пришедшая во сне, говорит о том, что у вас есть опасные враги среди женщин; если удастся убить её — выйдешь из тяжёлой жизненной ситуации.)
- АНАКСАРХ** (4-ый век до Р.Х.) — философ, друг Александра Македонского; (Когда враг Анаксарха Нинокреонт бросил его в ступу и приказал толочь железными пестами, то Анаксарх, не обращая внимания на казнь, сказал: «Толки, толки Анаксархову шкуру — Анаксарха тебе не истолочь!» А когда Нинокреонт приказал вырезать ему язык, то он сам его откусил и выплюнул Нинокреонту в лицо.(Во, жили люди!).)
- АНАКСАГОР** (5-ый век до Р.Х.) — первый поставил Ум превыше вещества. Он утверждал, что сначала «всё, что имеется, было совокупно, затем пришёл Ум и установил распорядок». Он считал, что солнце есть глыба, огненная насквозь, за это его судили и приговорили к изгнанию. Был сей человек не только умным, но и весёлым, и великодушным: когда перед смертью правители города спросили его, что они могут для него сделать, он ответил: «Пусть на тот месяц, когда я умру, школьников каждый год освобождают от занятий». Что и было исполнено после его смерти.
- АНАКСИМАНДР** (6-ой век до Р.Х.) — учил, что первоначалом является беспредельное (см. Апейрон). Известно, что думал Анаксимандр хорошо, а вот пел не очень; однажды дети стали смеяться над его пением, узнав об этом, он сказал: «Что ж, ради детей придётся мне научиться петь получше».
- АНАЛЬГИН** — любой алкогольный напиток, принимаемый утром для снятия абстинентного синдрома. («Проснулись — в душе безобразия... / Налей-ка скорей анальгин./ А то ведь без этой заразы я / Заявлю, что твой георгин» (песенка).)
- АНАНАС** — 1. шишка и яблоко в одном лице (в англ. буквально pineapple); 2. в чёрном юморе часто ассоциируется с фугасом («Дедушка старый нашёл ананас./ Он не подумал, что это фугас./ Вытащил ножик, хотел его съесть — / Жопу нашли километров за шесть»); (Увидеть ананас во сне — быть приглашённым на праздник; есть его — могут возникнуть проблемы с желудком.)
- АНАПА** — портвейн и город; («прогуляться по Анапе» синонимично «выпить портвейну Анапа»).

АН-АТМАН — лишённый души, лишённый своего Я, «непостоянный», термин буддийской философии, в определённом смысле противоположный атману. Будда иногда учил, что атман существует, а иногда, что он не существует, последний взгляд Будда излагал в тех случаях, когда хотел передать слушателям трансцендентальное учение.

АНАРХИЯ — мать порядка; (Вот один из девизов анархистов: «Ищите солнце в полночь!»)

АНАТОЛИЯ — (в пер. с греческого восток) старое и, по-моему, более изящное название Малой Азии. («Если меня ты отвергнешь, о баловница Венеры, / То в Анатолию я завтра направлю корабль./ Слёзы мои упадут в дважды солёное море./ Может быть, ветер с души смоем густую печаль» (Марк Полибий Ксенилох, пер. мой М.П.).)

АНАТОМИЯ — (в пер. с греческого рассечение) это не только наука о строении растений и животных. В моём детстве (70-е годы), помнится, появился фильм «Анатомия любви», достигший по тем временам апогея интимных откровений. Один из моих персонажей, некто Январь, утверждал, что язык, подобно любому живому организму, обладает своей анатомией. При этом сердцем языка он считал поэзию, головой филологию, печенью художественную прозу, горлом песенную речь, желудком журналистику, телом разговорную речь, задницей — канцелярит и т.п. (Подробнее об его рассуждениях про языковое пространство можно прочесть в Интервью с Январём, однако это замечание в интервью не вошло.)

АНАХАРСИС (6-ой век до Р.Х.) — сын скифа, а по матери эллин. Первым сказал, что «лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения». На вопрос, как не стать пьяницей, он ответил: «Иметь перед глазами пьяницу во всём безобразии». На вопрос, кого больше: живых или мёртвых, он переспросил: «А кем считать плывущих?». На вопрос, есть ли у скифов флейты, он ответил: «Нет даже винограда», справедливо полагая, что играть на флейте в трезвом виде бессмысленное занятие.

АНАША — дурь; («Анаша, анаша до чего ж ты хороша» (из песенки); «Наркошка накурился анаши. Сидит кайфует. Звонок в дверь. Спрашивает — «Кто там?» — «Я» — «Я?!?!?!»)

АНАЭРОБИЗ — не пугайтесь, это очень важное явление, это, выражаясь по-научному, жизнь без атмосферного кислорода. Подумаешь, скажете Вы. Ничего не подумаешь. Благодаря анаэробным превращениям углеводов, а по-русски говоря, брожению, мы имеем то, что надо, а благодаря анаэробным превращениям белков, то есть гниению, мы не имеем того, что не нужно.

АНБАРУШКА — ласковое обращение к анбару (амбару); (Про него есть старорусская загадка: «Стоит горница об одной околице»); (Анбарушка снится — к богатству, вестимо.)

АНГАЖЕМЕНТ — вообще говоря, приглашение артиста на конкретный срок для участия в спектакле или концерте. Но вся жизнь игра, и все мы актёры. Поэтому это слово может употребляться, например, вот так: «Мне судьба дала ангажемент/ Для игры в высокородном свете./ Ну а я, гнилой интеллигент,/ На её любезность не ответил» (Ал. Вывертов); (Получить во сне ангажемент — к новым грандиозным планам.)

АНГЕЛ — существо бесполое, с крыльями. (Видеть ангела во сне — к добрым известиям, к приятной встрече, к благополучному завершению дела; разговаривать с ним — к потере близкого друга.)

АНГЕЛОЛОГИЯ — квазинаука; приводим высказывание о ней доктора психологических наук Н.Носова: «В целом, ситуация в ангелологии напоминает известную философскую притчу о слоне и семи слепых, в которой семь слепых спорят о том, что такое слон. Первый потрогал хобот и сказал, что слон — это змея, второй потрогал хвост и сказал, что слон — это верёвка, третий потрогал ногу и сказал, что слон — это столб и т.д.»

АНГИНА — в пер. с латинского удушье. В.И.Даль даёт вот такое определение: «Воспаление горла, зёва, вообще, жаба разных родов; 2. морская птица жарких стран Plotus, между чайкою и гусём»; (У Юрия Энтина есть такие стихи: «При ангине ешьте мёд, — / Написал писатель./ — При ангине ешьте лёд./ — Прочитал читатель» (Песенка про опечатку). Вредные дети придумали вот такой вариант: «При ангине капли в рот, — / Написал писатель./ При ангине вафли в рот, — / Прочитал читатель»); (Переболеть ангиной во сне — избежать болезни наяву.)

АНГИНГА — «морская птица жарких стран Plotus, между чайкою и гусём» (В.И. Даль).

АНГЛЕТЕР — гостиница в Петербурге, где повесился Сергей Есенин.

АНГЛИЯ — родина Шекспира, джентльменов и смога; (вот, пожалуй, самый классический анекдот из жизни английских джентльменов: Звонит телефон. Дворецкий снимает трубку: «Алло, Джон?» — «Слушаю, сэр». — «Посмотрите, что там делает моя жена?» — «Она спит с Вами, сэр». — «Послушайте, Джон, возьмите ружьё и убейте сначала жену, а потом меня!» — «Слушаюсь, сэр». — В трубке слышны три выстрела. «Алло, Джон, почему было три выстрела?» — «Вашу жену я сразу прикончил, сэр, а вот с вами пришлось помучиться, Вы выпрыгнули в окно и стали спускаться по дереву...» — «Джон, но у моего дома не растёт дерево!» — «А по какому телефону Вы звоните?» — «3-22-11». — «Вы ошиблись номером, сэр».)

АНДВАРИ — скандинавский карлик, который в образе шуки поселился в глубоком потоке и хранил там великие сокровища, родной брат русской шуки, поиманной Емелей-дураком. (Если приснится Андвари — предстоит опасная игра, возможны также серьёзные задержки в вашем деле.)

АНДРЕЙ — в переводе с греческого мужественный; («Андрей-воробей, не гоняй голубей,/ Гоняй галочек из-под палочек» (прибаутка).)

АНДРИАКИ — чудовища в виде полулюдей-полузверей.

АНДРОГИН — некто такое, в ком есть одновременно и мужчина и женщина; (в переводе с греческого мужежена).

АНДРОИД — большой андюша (см. Андюша).

АНДРОМЕДА — 1. владелица своей собственной туманности; 2. закуска для морского чудовища.

АНДРОПОВКА — водка, появившаяся во время правления Ю.В.Андропова, 1 сентября 1993 года (поэтому её называли ещё и первоклассницей), это последняя водка, которой посчастливилось подешеветь (с 5 руб. 25 коп. до 4 руб. 70 коп.), в народе ходила следующая дешифровка новой водки: Вот Он Добрый Какой Андропов.

АНДРЮША — уменьшительное от андроида; («а тот, кто не может иметь ребёнка, может иметь андюшу, это такая небольшая металлическая скульптурка, которая вешает, или другого андюшу можно вывести из яйца; взять яйцо чёрной курицы и вместо белка влить сперму, заткнуть пергаментом, чуть увлажнённым, и в первый день мартовской луны положить его на кучу навоза; через тридцать дней инкубации появится монстр, напоминающий человека, его нужно кормить земляными червями и канареечником... и пока он будет жив, ты будешь счастлив» (В.Нарбикова. «Около эколо»)).

АНЕМОНЫ — ветреные лютики.

АНЕМОХОРИЯ — 1. тополиный снег; 2. помни, что, дуя на одуванчик, ты не просто радуешься жизни, но осуществляешь анемохорию. (Анемохория снится к большой прибыли, свалившейся как снег на голову.)

АНЕСТЕЗИЯ — обезболивание. Методика анестезии менялась со временем: сначала практиковался удар по голове деревянной киянкой, после этого человек отрубался и ему спокойно пилили ногу, например; несколько позже пациенту давали выпить стаканчика полтора чистого спирта, а после этого более гуманного отрубали пилили всё ту же ногу; теперь гуманисты врачи колют морфий или другой сильнодействующий наркотик и пока пациент ловит глюки и тащится, ему тем временем потихонечку отрезают ногу.

АНИКА — воин.

АНИСОВОЕ МАСЛО — «Анисовое масло, принятое внутрь, помогает от кашля и харкотину слабит, и пространство в грудях творит, и тяжкое воздыхающих помогает; аще его в ястве приемлю, то мужьям и жёнам подаёт охоту к совокуплению и любви и всякую потребу согревает» (лечебник).

АНКА — 1. пулемётчица (кстати, прототипом ей послужила некто Мария Попова); 2. специальное считалочное слово; («Анки-дванки, хулиганки,/ Съели хлеба три буханки,/ Да ещё один батон — / Выходи из круга вон»).

АНКЕР — (в пер. с немецкого якорь) согласно В.Далю, это сплюснутый бочонок, по привозу заморских вин, мерой около трёх ведёр. Согласно советским словарям, это 1. деталь часов; 2. крепёжная деталь. Но слово это часто употребляется и в своём прямом значении — якорь. Например, у Ланцберга: «Два весла и скрип уключин,/ И тяжёлая вода,/ И под банкой анкерок на всякий случай».

АНКЕТА — (в пер. с французского расследование) в советское время анкета обладала невиданной силой и могла довести человека и до тюрьмы и до суммы. Мне вспоминается вот такой лозунг: «Не испортить чтоб анкету — блюди духовную диету».

АННА — «Анна — банна,/ Нога деревянна,/ Блин толстой,/ Погоняй, не стой» (дразнилка). Кстати, в Индии анна равна 1/16 рупии.

АННА КАРЕНИНА — 1. русская женщина, не сумевшая остановить на скаку железного коня; 2. героический образ, живущий в сердце народа, например, в следующем виде: «Идёт бомж по рельсам и видит: валяетсядохлая крыса. Бомж отбрасывает её носком сапога, со словами: «Тоже мне., Анна Каренина!..» (Известный русский писатель Сергей Довлатов любил говорить, что «самая большая неприятность в моей жизни — это смерть Анны Карениной». Как я его понимаю!)

АННАЛЫ — более изысканное название древних летописей.

АННИБАЛ — прадед Пушкина; («Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезён в Константинополь. Россий-

ский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне... До глубокой старости Аннибал помнил ещё Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшим...» (А.С.Пушкин. «Примечания к Евгению Онегину».)

АННИГИЛЯЦИЯ — (в пер. с позднелатинского уничтожение, исчезновение) в физике это один из видов превращения элементарных частиц, происходит при столкновении частицы и античастицы. При этом обе исчезают, превращаясь в другие частицы. Из студенческого фольклора мне вспоминается вот такая примочка: «При столкновении трезвого с бутылкой водки происходит аннигиляция, в результате которой трезвый превращается в пьяного, а водка в мочу. При столкновении пьяного с мочой обратной аннигиляции, как правило, не происходит».

АННУШКА — бульварный трамвай.

АНОА — карликовый буйвол, обитающий в лесах острова Сулавеси. У студентов биофака была про него вот такая песенка: «Вот и снова за аноа/ Мне профессор два отвесил./ Я ж не знал, что гад аноа/ Ест траву на Сулавеси».

АНОМАЛИЯ — в пер. с греческого отклонение; («Вам, простите, того не понять./ Пусть и выживу едва ли я,/ Но осталась во мне аномалия —/ Не умею коленки склонять» (песенка).)

АНОНИМ — (в пер. с греческого безымянный) скрывающийся автор. Причины скрывания могут быть следующие: 1. страх, обычно при написании анонимки, иногда политической сатиры; 2. скромность (встречается очень редко), произведение после этого иногда приобретает статус народного; 3. любовь к мистификации и розыгрышу (автору сиё очень понятно, сам, как говорится, грешен); («Мне такой успех не нужен./ Я останусь анонимом./ Пусть кто с этой властью дружен./ За решёткой ходит с нимбом» (песенка неизвестного автора).)

АНОНИМКА — весьма серьёзное орудие борьбы за место под солнцем в период развивающегося и развитого социализма.

АНОНС — в пер. с французского объявление; («Тут выходят без анонса/ На арену два японца,/ Начинают рёбра мне ломать./ Я на миг согнал свой сон,/ Сделал им двойной нельсон/ И пошёл на лавку отдыхать» (песенка про борца); (Читать анонс во сне — к интересным новостям.)

АНОСМИЯ — ослепление носа или оглушение обонятельного нерва; (Прямо скажем, весьма тоскливая болезнь. Ведь запах — едва ли не самая тонкая характеристика мира.)

АНОФЕЛЕСЫ — так по-учёному называются малярийные комары; (По-моему, анофелес звучит гораздо страшнее, чем малярийный комар.)

АНСАМБЛЬ — бывает пляжный, а бывает и музыкальный; (Подвыпивший конферансье объявляет номер: «А сейчас вам споёт Певето Поворотный без ансамбля. Сам, бля».)

АНСОАТЕГИ — штат на Севере Венесуэлы. Знаменит тем, что 24 сентября 1963 года в честь моего дня рождения местные патриоты устроили там грандиозный пожар, подзорвав нефтепровод.

АНТАБЛЕМЕНТ — верхняя часть сооружения, обычно лежащая на колоннах. У студентов-архитекторов практиковался такой обычай: на двойной строй заранее открытых бутылок, выполняющих роль колонн, ставился торт, в качестве антаблемента. Поглощение сего архитектурного сооружения сопровождалось песенкой, в которой были вот такие слова: «А потом в один момент/

Мы съедем антаблемент/ И пропустим по одной колонне./ По одной ещё налей./ Нам руины всех милей./ Честь (а может быть, часть) архитектуры не уроним».

АНТАГОНИЗМ — в пер. с греческого сопротивление, супротивность; («Пора сказать решительное нет антагонизму между человеком и алкоголем. Сколько можно блевать? Мучиться головной болью по утрам? Страдать похмельным синдромом и чёрным будуном? Где? Где достижения науки, снимающие эти коренные противоречия нашего времени? Поймите, дорогие мои. Не воевать, а дружить нужно с зелёным змием. Относиться к нему с симпатией и уважением. В этом вопросе я решительно встаю на позиции мирного существования. Военный конфликт не пройдёт!») (Из выступления Генерального Секретаря ЦК КПСС на закрытой встрече с выпускниками военно-медицинской академии. 70-е годы.)

АНТАЛ — «бочонок, анкерок венгерского вина в 60 бутылок» (В.И.Даль).

АНТАРЕС — звёздный соперник Марса; астральное сердце скорпиона.

АНТАРКТИДА — обмороженный нос Земли.

АНТЕМОС — специально придуманное греческое имя для антихриста, в переводе оно означает противник, а буквы его, сложенные по церковному счёту, дают роковое число 666.

АНТЕННА — инструмент для ловли волн и не только волн; («Я выставил антенну./ Поймал одну мадам./ За стоящую цену/ На час антенну сдам».)

АНТИВОР — так в конце 19 века называлась дверная цепочка.

АНТИКВАР — муж, у которого жена значительно старше его.

АНТИК С МАРМЕЛАДОМ — высший шик; полный оттяг; щенячий восторг и т.п.

АНТИЛОПА — существо грациозное, но бодучее, как в песне: «Я проснулся, в душе антилопа/ Бьёт рогами под сердце моё.../ Я ж неделю до этого лопал/ Самогонное наше зельё».

АНТИЛОСЫ — таким красивым словом называли в Костромской области блины.

АНТИМИР — очень многозначное понятие: это и зазеркалье, и мир духов, и мир, состоящий из античастиц, и просто некий мир противоположностей; («Тропы ещё в антимир не протоптаны./ Но, как на фронте, держись ты./ Бомбардируем мы ядра протонами./ Значит, мы антилеристы.» В.Высоцкий)

АНТИНОЙ — возлюбленный римского императора Адриана (117-138 г. От Р.Х.); Красавец Антиной утонул в Ниле, и безутешный император приказал изготовить великое множество его изображений; (Про эту историю есть вот такие стихи: «Андриаша громко плачет,/ Увалился в речку мальчик./ Тише, Дрюшенька, не ной —/ Пусть утонет Антиной».)

АНТИПАТ — вовсе это и не тот, кто вызывает антипатию, но, напротив, невероятно красивый чёрный коралл.

АНТИПАТИЯ — «противоэрастие, природное отвращение, безотчётная нелюбовь, ненависть» (В.И.Даль); («У меня на пиво антипатия./ Ну пусть выпью ящик или два,/ При такой умеренной зарплате я/ Третий не осилю никогда» (песенка).)

АНТИСЕМИТ — это тот, кто обижает евреев, порой даже неявно и неумышленно, как тот советский генерал, сказавший речь при освобождении Киева: «Они тут пришли и всех жидочков наших побили! Ну, ничего, мы в их Берлин при-

дём и тоже всех их жидочков подавим!» (У В.Высоцкого есть песня на эту тему, приводим куплет: «Довольно считаться шпаной и бандитом,/ Не лучше ль податься мне в антисемиты?! На их стороне, хоть и нету законов,/ Поддержка и эн-тузиазм миллионов!»)

АНТИСФЕН (4-ый век до Р.Х.) — ученик Сократа, основатель кинической школы. Антисфен, сын Антисфена, славился своим умом и остроумием. Когда его спросили, какую женщину брать в жёны, он ответил: «Красивая будет общим достоянием, некрасивая твоим наказанием». Однажды ученик пожаловался ему, что потерял свои записи. «Надо было хранить их в душе», — сказал на это Антисфен.

АНТИЧНОСТЬ — «это добрая сказка о злых временах» (Виктор Кротов).

АНТОЛОГИЯ — (в пер. с греческого цветник) собрание литературных цветов.

Вот этот словарь вполне можно считать антологией изысканных толкований.

АНТОН — горемыка.

АНТОНИЙ — святой, которого дюже крепко искушали; («Был блажен Святой Антоний, / Я порой завидую ему» (Ланцберг).)

АНТОНИМ — противоположнозначащее слово; антоним к«антониму» — это «синоним», / противник — к антониму тоже синоним.

АНТОН КАНДИДОВ — вратарь республики.

АНТОНОВКА — национальный фрукт России. (Если ты во сне срываешь антоновку — к радости; ешь спелую — к приятному любовному приключению, ешь недозрелую — к грусти, к неискренности друзей.)

АНТОШКА — мальчик, который хочет не работать, а есть.

АНТОШКА НА ТОНКОЙ НОЖКЕ — гриб.

АНТРЕ — «публика, конечно, рада, ибо это клоунада!»

АНТРЕКОТ — выход кота на кухонный манеж.

АНТРЕСОЛЬ — «Клоунада и продукт —/ Вещи на неё кладут» (шарада.)

АНТРОПОСОФИЯ — занятие антропософией — это неслыханная роскошь, приведём по этому поводу слова одного из персонажей повести В.Шинкарёва «Максим и Фёдор»: «Вон Андрей Белый пишет, что, мол, Блок, хотя и не был с ним в приятельских отношениях, прислал тысячу рублей и он мог полгода без нужды заниматься антропософией. Антропософией, а? Вот, гады, жили! Да избавьте меня на полгода от этой каторги, я вам такую антропософию покажу!...»

АНТРОПОФАГИЯ — в пер. с греческого людоедство; («Пришёл ко мне антропофаг/ И съел меня за просто так./ Ведь я всего о нём не знал/ И на обед его позвал» (С. Малтубигаев).)

АНТУРАЖ — обстановка, окружение; («Любит он, однако, антураж подходящий. Любит украшать. Вот и сейчас сидит рисуется, роман в пивной пишет» («Роман, которого не было». М.Погарский).)

АНТЬЕ — этим красивым словом называется целая часть действительного числа.

АНУС — заднепроходное отверстие; (Приходит один мужик к врачу: «Вот, мол, доктор — задница болит». Тот посмотрел: «Э-э, батенька, да у вас геморрой. Вот вам свечи, принимайте». Мужик приходит домой. Жена спрашивает: «Ну как?» — «Вот доктор свечи прописал». — «А что с ними делать-то?» — «Не знаю». — «Ну сходи ещё раз». Мужик приходит ещё: «Извините, доктор, а что с этими свечами делать?» — «Берёте, смачиваете водичкой и вставляете в анус». Мужик возвращается домой и говорит: «Вот доктор велел смочить и вставить

в анус». — «А что такое анус?» — спрашивает жена. «Не знаю». — «Ну иди ещё раз». Мужик приходит снова: «Извините, доктор, это опять я, вы не подскажете, как этими свечами пользоваться?» — «Ну, в задницу, в задницу ты их запихни! Бестолковый!» Дома жена спрашивает: «Ну что доктор? Объяснил?» — «Нет. Но, по-моему, здорово обиделся».)

АНФИЛАДА — обычно ряд сквозных комнат, расположенных по одной оси, но иногда это слово используется и в иных смыслах; («В душе рассветная прохлада,/ И светлых знаний анфилада/ Уходит к облакам» (Вик.Вик.Камешкин).)

АНЦИЛУСЫ — это такие брюхоногие моллюски отряда сидячеглазых (преlestь какая!). По названию этого моллюска названо, оказывается, Анциловское озеро-море, которое существовало около 9 тысяч лет назад на месте Балтийского. (Удивительно интересный факт и не менее приятное слово, в нём сокрыта какая-то морская поэзия, и не воспеть его мы просто не имеем права: «Оказывается, в мире есть анцилусы! Такие брюхоногие моллюски. Со странными сидячими глазами. Они одеты в шапочки ракушек. Из перламутра хрупких колпачков. Живут они в Европе, на Кавказе. А может быть, и где-нибудь ещё. У них имелось собственное море, всего каких-то 9 тысяч лет назад. Представьте, крошки, и имели море! А вот слоны и бегемоты не имеют. Жирафы не имеют и верблюды. И львы... И даже человек. Какая, право, жизнь смешная штука».)

АНЦЫБАЛ — это такое древнекурское ругательство, что-то вроде басурмана.

АНЧАР — дерево яда; («Природа жаждущих степей/ Его в день гнева породила/ И зелень мёртвую ветвей/ И корни ядом напоила./ Яд каплет сквозь его кору,/ К полудню растопясь от зною,/ И застывает ввечеру/ Густой прозрачною смолою» А.С.Пушкин. «Анчар»).

АНЧОЛ — край сари; («Ты, осень, принесла пригоршни света,/ Он хлынул через край, рассеяв где-то./ Мелькнул ли в волосах твоих росинки,/ Иль твой анчол метнётся на тропинке...» Р.Тагор, пер. М.Петровых).

АНЧОУС — парадное название хамсы, а также любой мелкой рыбёшки, приготовленной специальным анчоусным посолом. (Есть анчоусы во сне — к мелкому беспокойству.)

АНЧУТКА — болотный чертёнок.

АНИУТИНЫ ГЛАЗКИ — «фиолетовые с жёлтым, словно солнце в облаках, эти глазки-невелички люди носят на руках...»; (Сорта Аниютиных глазок имеют не менее замечательные, чем их «мама», названия: Доктор Фауст — почти чёрные бархатистые цветки; Альбипура — белоцветковый сорт; Биконсфильд — цветки светлосиние; Ауреапуре — цветки жёлтые; Адонис — голубые; Кардинал — красные.); (Аниютины глазки, привидевшиеся во сне, предвещают печаль.)

АНИУТИНЫ ЩЁЧКИ — те, что выглядывали из-за пулемёта (см. Анка).

АОБА — (в пер. с японского зелёные листья) так называлась флейта юного воина Ацумори, который был великим музыкантом. В одной из битв войско, в котором сражался Ацумори, потерпело поражение. Юный воин бросился в море, чтобы достичь корабля и спастись, но его окликнул самурай Кумагая, вызывая на бой. Ацумори вернулся и был убит. Кумагая нашёл на груди юноши флейту в парчовом футляре, которая впоследствии хранилась в храме Сумадэра в г. Кобэ. Этой флейте Басё посвятил вот такое хокку: «Храм Сумадэра./ Слышу: флейта играет сама собой/ В тёмной гуще деревьев» (пер. В.Марковой).

- АОЙ** — сквозное восклицание-рефрен, завершающее почти все стихи песни о Ролянде.
- АОКА** — индейский бог громов. Аока носит ветры, словно палочки, и стучит ими в барабан, извергая громы.
- АОРИСТ** — это такая форма глагола, обозначающая единое, нерасчленённое, целиком отнесённое к прошлому действие или состояние. Например, старославянское «выпивахъ» — в смысле «я выпивал».
- АОРТА** — путь к сердцу; царь-жила.
- АПАРИСИЕВО МАСЛО** — оливковое масло с примесью лекарственных настоев. Это лекарство было настолько дорогим, что породило в своё время поговорку: «Дорого, как апарисиево масло». Именно этим маслом герцогиня Альтисидора врачевала раны Дон Кихота Ламанчского, полученные им во время неравного боя с обезумевшим котом.
- АПАРТ** — монолог или реплики, произносимые в театре «в сторону»; Например: «Бухалкин бережно накрывает на стол. Чувствуется, как у него стекают слюнки по горлу. Но предвкушение удовольствия едва ли не лучше самого удовольствия, и Бухалкин, понимая это, не спешит... Наконец, всё расставлено. Бухалкин наливает себе рюмочку водки из запотевшего графина. Блаженно щурится, и тут в комнату заходит его отец. Бухалкин: — Не желаете ли присоединиться, папенька? (апарт): Вот ведь принесла нелёгкая старого козла. Ведь он же сейчас всю водку выжрет и непременно в салат рукавом залезет. Пропал завтрак» (Ник. Дронт. Завтрак Бухалкина).
- АПАРТАМЕНТЫ** — «Союз и столик для ученья,/ И охранители порядка,/ Всё вместе — будет помещенье/ Весьма роскошного порядка» (шарада); (Апартаменты сняты к успеху во всех начинаниях и к богатству.)
- АПАЧИ** — индейское племя; («Индеец из племени апачи приходит к старейшинам и говорит: «У меня есть две новости, одна хорошая, а другая плохая». — «Говори сначала плохую». — «Идёт голод. Будем жрать говно». — «Говори теперь хорошую». — «Я знаю, где его много».)
- АПАШ** — (фр. — *apache* от названия индейского племени апачи) 1. во Франции — вор, отребье; 2. мужская рубашка с воротом нараспашку; («Надеваю свой апаш,/ Выхожу но дело./ А в душе чумная блажь,/ И дрожит всё тело» (песенка).
- АПВЕЛЛИНГ** — (от англ. *up* — наверх и *well* — хлынуть) подъём глубинных вод на поверхность; (По-моему, очень красивое слово. Какое-то оно изжелто-голубое и звучит, как крошечный водопадик, местами капая, местами проливаясь: ап-вел-линг, ап-вел-линг, ап-вел-линг.)
- АПЕЙРОН** — это ни вода, ни воздух, ни твердь, а нечто беспредельное.
- АПЕЛЛЕС** (конец V начало IV века до Р.Х.) — древнегреческий художник; понятие апеллесова черта — это символ высочайшего мастерства художника; вот изложение версии происхождения этого термина: «...Передают, будто греческий художник Апеллес, не застав однажды дома своего соперника Зевксиса, провёл черту на стене, по которой Зевксис догадался, какой гость был у него в его отсутствие. Зевксис в долгу не остался. Он выбрал время, когда заведомо знал, что Апеллеса дома не застанет, и оставил свой знак, ставший притчей художества» (Борис Пастернак. «Апеллесова черта»).
- АПЕЛЬСИН** — 1. отец оранжевого цвета; 2. потолок, выше которого, по расхожему мнению, не поднимается понимание свиньи; здесь стоит отметить, что на самом-то деле свиньи в апельсинах кое-что понимают, в доказательство при-

ведём слова московского митрополита Иннокентия, оставившего записки от путешествия на корабле «Николай»: «Сколько мне пришлось наблюдать за свиньями острова Таити — так как их там довольно, — то они, при множестве там фруктов, всегда отдавали преимущество апельсинам». (Увидишь апельсин во сне — жди приятного сюрприза; увидишь на дереве — к любовным тревогам; сорвёшь — к счастью; купишь — к взаимной любви; продаёшь — к новому знакомству; очищаешь — к любовным утехам.)

АПЕКС — это такая точка, к которой летит наше солнышко с нами со всеми вместе. А находится эта точка под правым боком звёздного Геркулеса. («Ну и где же мой внутренний апекс?/ Моей звёздной души апогей?/ Или просто срываюсь я на херс./ На орбиту бессонных ночей?») (Л.Е.Аистов-Ле). Кстати, даже у цветов есть свой собственный апекс, к которому они растут.

АПЕРИТИВ — в переводе с французского послабляющий. Однако к слабительному аперитив не имеет никакого отношения, но, наоборот, это напиток, возбуждающий аппетит. Классические аперитивы — это абсент или вермут. («Мне нисколько не претит/ скушать весь аперитив, / А потом уж водочки попить...» (песенка).)

АПЁЗДОЛ — в отличие от апостола, не следует чужому учению, но создаёт своё собственное и становится единственным его приверженцем. («Намедни утром заходили ко мне гости —/ Апостол Пётр и апёздол Никодим,/ На чашку кофе с облепиховым ликёром...») (подробнее см. том 2 неполного собрания сочинений «Метаморфозы нормы»).

АПИС — священный бык, земное воплощение Озириса; (Про этого быка в народной египетской песне есть такие строки: «У пирамиды для Хеопса/ Священный бык с коровой пасся./ И был прекрасен этот вид/ На фоне древних пирамид».)

АПЛАНАДОР (УТАПТЫВАТЕЛЬ) — домашнее животное на планете Миран, «в десять раз больше слона, на которого очень похож. Морда у него коротковатая, а клыки длинные и острые, кожа бледно-зелёного цвета» (Х.Л.Борхес. «Энциклопедия вымышленных существ»).

АПЛОДИСМЕНТЫ — в переводе с французского рукоплескания; Некто И.Ю. полагает, что «аплодисменты уместны только в отсутствии исполнителя, например — в кино». От всей души присоединяюсь.

АПЛОМБ — без апломба говоря — самоуверенность; («Я целовал её не без апломба./ Но в этот миг вдруг вылетела пломба./ Какой конфуз. От жалких пломб/ Порой зависит наш апломб») (И.Ониев.)

АПОКАЛИПСИС — откровение.

АПОЛЛОН — златокудрый сын Зевса, бог-целитель и прорицатель, Бог света, покровитель искусства, покровитель юношей, покровитель мореходов; («Вспомню,— забыть не смогу,— о метателе стрел Аполлоне./ По дому Зевса пройдёт он — все боги и те затрепещут./ С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он/ Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет» (гимн Гомера к Аполлону Делосскому в пер. В.Вересаева); «И утренней лошадью в город въезжал Аполлон,/ И лошадь плясала, а в городе жизнь воскресала./ С осей колесницы топлёное капало сало,/ Пригретое щедрым не в меру хозяйским теплом» (Ланцберг). Изображался Аполлон прекрасным юношей с луком или кифарой. Наиболее известна статуя Аполлона Бельведерского (4 век до Р.Х., скульптор Леохар); («Вы извините мне смех этот дерзкий,/

Логика ваша немножко дика./ Или для вас Аполлон Бельведерский/ Хуже печенного горшка?» (А.Н.Некрасов. «Железная дорога»)).

АПОЛОГИЯ — защита или восхваление кого-либо или чего-либо. («Я не нуждаюсь в апологиях./ Мои страницы вне нападок./ И пусть меня прочтут немногие./ Я к славословиям не падоk». Это сказал некто Сол Графтиас, подозреваю, что неискренне.)

АПОПЛЕКСИЯ — кровоизлияние в мозг. При этом слове у меня обычно всплывает в голове замечательный рассказ А.П.Чехова «О бренности», в котором герой сидел перед накрытым столом в ожидании блинов и сглатывал слюнки. Наконец, их принесли. Подтыкин (так, кажется, звали героя) облил их горячим маслом, обмазал икрой, а места, куда не попала икра, полил сметаной, сверху положил кусок сёмги, кильку и сардинку, потом, млея и задыхаясь, свернул блины в трубочку, с чувством выпил рюмку водки, крикнул, раскрыл рот... Но тут его схватил апоплексический удар.

АПОРИЯ — трудная или неразрешимая проблема. Наиболее известна апория Зенона Элейского об Ахиллесе и Черепахе. Поэтому приведём здесь совсем другую апорию: «О всемогуществе»: «Если Бог всемогущ, то сможет ли он сотворить такой камень, который не поднимет сам?»

АПОСТЕРИОРИ — см. Априори.

АПОСТОЛ — ревностный приспешник; Христос имел двенадцать апостолов, из них одного предателя, что, впрочем, неважно. Не только боги и люди имеют своих приспешников: «Апостол радости беспечной;/ Друзья, я проповедь прочту:/ Все блага жизни скоротечной/ Хватайте прямо на лету...» (Пьер-Жан Беранже, пер. В.Курочкина).

АПОСТРОФ — «Помимо обычных апострофов, разрубающих слова, подобно плотницкому топору, существует плавающий Апостроф, который проникает в тексты помимо воли автора. Человек, не знакомый с плавающим апострофом, может принять его за случайную чётточку или соринку, неведомо как залетевшую на страницу, поэтому необходимо знать его отличительные особенности. Плавающий апостроф обладает внутренним светом нежного акваринного оттенка. Останавливается он, как правило, около пышных прилагательных, дабы смягчить их излишнюю кичливость, но иногда он может остановиться и у совсем незаметного, невзрачного, на первый взгляд, слова, но в этом случае слово это наверняка обладает могучей внутренней силой и красотой» (М.Погарский. «Интервью с январём» (черновые наброски)).

АПОТРОФЕЙ — (греч. отвращающий беду) полнозвучный и менее затасканный синоним амулета.

АПОФАТИКА — (в пер. с греческого — отрицание) богословское учение (и очень верное, на мой взгляд) о непознаваемости Бога; (У Геннадия Айги есть стихотворение с названием: «Запись: АРОРНАТИС»: «а была бы ночь этого мира/ огромна страшна как Господь-не-Открытый/ такую бы надо выдерживать/ но люди-убийцы/ вкраплены в тьму этой ночи земной:/ страшно-простая/ московская страшная ночь»).

АПОФЕГМА — краткое нравоучительное изречение. Например: Лучше переест, чем недоспать. Лучше выпить две бутылки водки, чем одну бутылку портвейна. Если хочешь много знать — ляг, поспи, и всё пройдёт. И т.п.

АПОФЕМА — перпендикуляр из центра правильного многоугольника на любую из его сторон; («И я из центра ухожу по апофеме,/ На сторону любую из шес-

ти./ Поскольку мне противно вместе с теми./ Что под себя стараются грести» (студенческая песенка о Раздолбае-математике).)

АПОФЕОЗ — 1. просветление, обожествление; 2. финальная сцена («И вот настал апофеоз/ У нашей пьянки./ Иваныч квасил купорос/ И жрал стеклянки» (песенка).)

АПОФОНΙΑ — см. Дефлексия.

АППАЛАЧИ — горная система в Северной Америке; («Девочка подходит к отцу с атласом и спрашивает: «Папа, ты не знаешь, где Аппалачи?» — «Спроси у мамы. Она вечно всё переставляет с места на место!» (Вот такой детский анекдотец).)

АППАРАТ — как правило, самогонный; принципиальная схема этого аппарата такова: сосуд с закваской нагревается, пьяный пар идёт по трубке в охлаждаемый змеевик, откуда и капает готовый продукт. Аппарат может представлять систему из кастрюлек и мисочек, из чугунков, специальных присадок для скороварки или для молочной фляги, но наиболее качественный продукт получается из собственно самогонного аппарата, который ещё называют «заводок». («Без каких-нибудь особенных затрат/ Создан этот самогонный аппарат...» (песенка из к/ф «Самогонщики»); не будем говорить об аппарате президента и пр. Отметим, что иногда аппаратом называют мужскую машинку («Я сегодня очень рад,/ Бабы, словно на парад,/ Набежали в хижину мою./ Достаю свой аппарат/ И бабёнкам всем подряд/ Я его в аренду отдаю» (песенка о сексапильном сне).); (Аппарат (в смысле самогонный) снится к хлопотливым трудам.)

АППАРЕЛЬ — (в переводе с французского въезд) так называют всевозможные настилы или платформы для въезда или спуска машин в вагон, на паромы, в окопы и т.п.; (Мне кажется весьма неуместным называть эти громоздкие конструкции таким нежным и нарядным словом, из-за этого несоответствия могут возникать довольно пикантные ситуации, например, такие: Танк имеет аппарель./ Словно бык, дерёт газель./ Тяжело, ну просто мрак./ Жаль, что танк не кадиллак.)

АППАССОНАТО — (в пер. с итальянского страстный). Одна из сонат Л.Бетховена для фортепиано так и называлась «Аппассионата». (Со школьных лет помню о ней стихотворение, в котором, кажется, сам Ленин слушал свою любимую сонату: «Мелодия возникла и пропала./ И вновь возникла, и опять пропала./ Как-будто из далёкого далёка/ Её незримо доносили волны./ Звучит, звучит чарующий Бетховен» и т.д. (автора я, конечно, забыл).)

АППЕНДИКС — рудимент, оставленный матушкой природой, для того чтобы хирургам было на чём тренироваться.

АППЕНДИКУЛЯРИИ — это морские животные длиной около 1 см, состоящие, как головастики, из туловища и хвоста. Из своих выделений эти славные букашки строят себе прозрачные домики, которые регулярно перестраивают и меняют. (По-моему, поэту невозможно пройти мимо этой простой и незамысловатой жизни. Вот стихи, посвящённые этим хордовым: «Аппендикулярием быть не плохо —/ Домик прозрачный иметь из говна./ А человеку полжизни мудохай/ Ради квартиры в четыре окна».)

АППЕРКОТ — Используя, как нужно, апперкот, из морды можно сделать антрекот, вот! (приведём литературный пример: «Удар, удар, ещё удар!/ Ещё удар и вот,/ Борис Буткеев, Краснодар./ Проводит апперкот./ Вот он зажал меня в углу,/ Вот я едва ушёл,/ Вот апперкот, я на полу,/ И мне не хорошо...» В.Высоцкий).

АППЕТИТ — приходит во время еды и уходит во время еды. («— Хороший аппетит тоже дар Божий. — А жажда? — Жажда тем более» (Герберт Розендорфер. «Латунное сердечко».); (Мне как-то не довелось испытать аппетита во сне, но уверяют, что обычно снится к заболеванию желудка.)

АППЛИКАТА — (в пер. с латинского приложенная) одна из декартовых осей координат, организующая верх пространства; (На одном из наших студенческих КВН-ов, помнится, были вот такие стихи: «И сердце пронзила моё апплика-та,/ Я вверх поднимался над брэнной землёй./ И формула дня, аксиома заката./ Уже догорала в то время со мной».)

АППЛИКАЦИЯ — рисунок, составленный из наклеенных кусочков бумаги или ткани; («Горы серой аппликацией/ Громоздятся над заливом./ Ну, а мы с балетной грацией/ Заедаем воблу пивом» (О.Дрямов. Происшествие на пляже).)

АППОРТ — в переводе с собачьего подай.

АПРЕЛЬ — Месяц подснежников и ледохода,/ Месяц, когда раскрываются реки,/ Месяц, когда распускаются души/ И по-весеннему бродит природа.

АПРИОРИ — то, что дано изначально; противоположно апостериори (из последующего опыта). Например, алкоголь дан нам априори, а вот опьянение уже апостериори.

АПРОШ — типографское, на французский манер, название пробела; («Апрош так апрош./ Называй, как хошь./ Лишь раздвинуть не забудь,/ А не то получишь муть».)

АПСАРЫ — небесные девы, обитающие в раю Индры. Появились при пахтанье молочного моря; («О апсара,/ Прекрасен твой от взгляда скрытый вид!/ Не-утомимо пляшешь, танцовщица./ И танца твоего поток струится,/ И жизни мира каждую частицу/ Водю смерти очищает он/ И небо раздвигает синевой» (Рабиндранат Тагор, пер. А.Ахматовой).)

АПСИДА — это такой выступ на здании, покрытый полукуполом; («Никогда не портит вида/ Полукруглая апсида./ Но всё время портит вид/ Тот мужик, что рядом сыт» (из фольклора студентов-архитекторов).)

АПТЕКА — понятие, уже давно перешедшее из сугубо-бытового в философско-поэтический символ, олицетворяющий с одной стороны определённую простоту и приземлённость, а с другой — некий промежуточный институт, расположенный между жизнью и смертью; («Аптека, улица, фонарь» А.Блок; «Может, там, у аптеки за углом,/ Жизнь тебя и караулит...» В.Ланцберг); (Аптека снится — к болезни.)

АПЧИ — в здоровом теле здоровый чих; (чихание часто сопровождается различными прибаутками, например: АПЧИ... стили карманы мальчишки-хулиганы).

АРАБАТСКАЯ СТРЕЛКА — песчаная коса в Крыму, длиной около 100 км, отделяющая Азовское море от Чёрного; («С Арабатской стрелки, между двух морей,/ Провожая к Северу белых журавлей./ И к ногам ластится голубой Азов,/ И волнует сердце журавлиный зов» (О.Дрямов. Косые стихи).)

АРАБЕСКИ — это затейливый орнамент, насыщенный множеством прихотливых геометрических переплетений и растительных узоров, традиционный для мусульманского востока и впоследствии перекочевавший в европейское искусство. В переводе с итальянского это слово обозначает арабский. В 1839 году Роберт Шуман назвал одно из своих сочинений «Арабеска», и с тех пор так стали называться музыкальные пьесы, изобилующие сложным звуковым ор-

наментом и обладающие узорчатой фактурой. (Приятно писать о музыкальных терминах, что ни слово, то поэзия.)

АРАБИКА — сорт кофе; («Возьмите гуммиарабика/ И склейте им кофе «Арабика»,/ Покрасьте его в синий цвет,/ Спускайте потом в туалет» (О.Генрин. «Рецепты от тоски»)).

АРАБЫ — народность; («Если был бы я араб,/ То имел бы восемь баб — / Маленький и скромненький гарем./ А поскольку я грузин,/ То имею жён — один,/ Да и та кикмора совсем» (И.Плестин. Песенка обиженного грузина.); (Арабы почему-то сняты к радости.)

АРАК — 1. «Самый лучший арак — явайский. Китайцы тоже производят арак, который, будучи старым, не уступит никаким другим аракам. Тунгусский арак есть спиртосодержащий ликёр и делается тунгусскими татарами из кислого кумыса» (В.Террингтон. «Описание всех вин»); 2. Приведём рассказ о том, как употребляли арак актёра И.А.Григоровского, пившего ежедневно и прожившего до ста лет. Дело происходит в Сандуновских банях в начале XIX века: «Вот сидим мы, попарившись, за столом и отдыхаем. Я и Дмитриев. Пьём брусничную воду. Вдруг выходит, похрамывая, Денис Васильевич Давыдов... знаменитый!.. Вышел он из бани, накинул простыню и подсел ко мне, а Дмитриев ему: «С лёгким паром, ваше превосходительство. Не угодно ли брусничной? Ароматная!» «А ты не боишься?» — спрашивает. «Чего?» — «А вот её пить? Пушкин о ней так говорит: «Боюсь, брусничная вода мне б не наделала вреда», и оттого он её пил только с араком». Денис Васильевич мигнул, и банщик уж несёт две бутылки брусничной воды и бутылку арака. И начал Денис Васильевич наливать себе и нам: полстакана воды, полстакана арака. Пробую: вкусно. А сам какие-то стихи про арака читает... Не помню уж, как я и домой дошёл. В первый раз напился — не думал я, что арака такой крепкий» (В.Гиляровский. «Москва и москвичи»).

АРАМА — так по-научному называется пастушковый журавль; (Конечно, короче, но сразу исчезает вся поэзия.); (Говорят, что арама, как и всякий журавль, снится к землетрясению, к сожалению, не могу ни подтвердить, ни опровергнуть.)

АРАПНИК — «ременная плетё, длинный бич, кнут, витень, на кнутовище средней длины, с пеньковым, волосяным или шёлковым навоём, для хлопанья на псовой охоте, для порскания зайцев» (В.И.Даль); («Пороша. Мы встаём и тотчас на коня,/ И рысью по полю при первом свете дня;/ Арапники в руках, собаки вслед за нами:/ Глядим на бледный снег прилежными глазами» (А.С.Пушкин).)

АРАРАТ — специальная логопедическая гора для излечения от картавости, используется как в чистом виде, так и в составе скороговорки: «На горе Арарат растёт крупный виноград».

АРАХНА — ткачиха, превращённая богиней Афиной в паука за то, что та посмела состязаться с богиней в ткаческом искусстве. С тех пор наука, изучающая пауков, так и называется — арахнология.

АРБА — двухколёсная повозка; («И возил детвору в Бричмулу тарантас,/ Тарантас назывался арбою./ И душа рисовала картины в тоске./ Будто еду в арбе на своём ишаке...» Дмитрий Сухарев); (Видеть во сне арбу или ехать на ней — к богатству.)

АРБАЛЕТ — сотка, вместе с нею танец — выйдет славный пострелянец (шарада); (Стрелять во сне из арбалета — к утешению и помощи.)

АРБИТР — 1. посредник; 2. спортивный судья; («Наш арбитр,/ Должно быть, принял литр/ И не замечает ничего./ Этот Билл/ Мне ухо открутил/ И отгрыз пол-носа моего» (старая борцовская песенка).)

АРБУЗ — 1. ягода, как ни странно; («Хорошо, когда от пуза/ Нарубаешься арбуза./ Это, братцы, просто пир,/ Лишь бы рядом был сортир» (Семён Букини); «Васька съел арбуз, у Васьки вспучило живот. / Сразу стало всем понятно, что откуда прёт. / Васька всеми уважаем, Васька молодец! / Не было б щелей в вагоне, всем настал б конец...» (песенка про целинников); С арбузами иногда происходят престраннейшие вещи. Художник Дмитрий Дроздецкий, например, утверждает, что великий селекционер И.В.Мичурин «удобряя почву специально приготовленным быстро летучим раствором на основе газов гелия и водорода, стал выращивать арбузы, которые «достигли диаметра более 5 метров!!! И благодаря постоянному выделению газов в полости плода, становились невесомыми и приподнимались над землёй наподобие аэростатов»; 2. круглый камень в Крыму в начале Лисьей бухты. (Арбуз может сниться к неожиданному отъезду или к получению отказа от женщины.)

АРБУЗНАЯ КОРКА — перст судьбы, подправляющий траекторию человеческой жизни; («Всё у него было хорошо, да сломался на пустычке, как говорится, поскользнулся на арбузной корке» (Рубен Валеев. «Тревожное счастье»); (Арбузная корка, как известно, послужила началу приключений «бриллиантовой руки» Семёна Семёныча Горбункова: «Поскользнулся, упал, очнулся, гипс».)

АРБУЗЬЕ — так корсиканцы называют Земляничное дерево, которое примечательно тем, что может одновременно цвести и плодоносить. Заботливые корсиканцы обычно предупреждают туристов, что есть более 800 граммов плодов этого дерева опасно для здоровья. Дерево это используется также для охоты: если охотник подстрелил большого кабана и не в силах доволочь его до дому, то он кладёт в рот кабана ветку арбузье, и уже никто не возьмёт этого кабана, поскольку знают, что хозяин вернётся. Дело в том, поясняют корсиканцы, что кабаны не едят арбузье, а значит, эта ветка во рту оказалась не случайно. Дырка от пули, по всей видимости, ничего не значит, мало ли, бежал, бежал, да на выстрел на-ткнулся, кто его, кабана, знает, может, он самоубийца?

АРДЖУНА — герой «Махабхараты», прославленный воин. Бог огня — Агни — дал ему лук Гандиву и помог зажечь лес огненными стрелами; («И тогда стрелам огненным Арджуны становились подобны слова» (Рабиндранат Тагор, пер. В.Тушновой).)

АРЕАЛ — регион обитания того или иного вида; («Ареал моих странствий не имеет границ./ Я обитаю в бесконечности./ Я пару посреди галактических птиц/ На крыльях своей беспечности» (О.С.Лахны).)

АРЕНА — поприще с оттенком театра; («На житейской арене последний мерзавец/ Покоряет меня, и не зря я живу/ За сто лет от себя, за сто вёрст от красавиц,/ Посещающих сердце моё наяву» (Борис Пастернак. «Записки Спекторского».); (Выступать во сне на арене — к удаче.)

АРЕНГА — сахарная пальма; (Так и чувствуешь, как поскрипывает на зубах сахарный песок под палящим солнцем Африки.)

АРЕС — греческий Марс.

АРЕСТ — лишение свободы; («Потребуйте на ум запрета,/ Своё упрочьте торжество,/ Арестовав сего поэта.../ Схватить его! В тюрьму его!» (Пьер-Жан Беран-

же, пер. Вал. Дмитриева).); (Если приснится, что тебя арестовали — жди неожиданного предложения.)

АРЕСТАНЬ — мифическое место, куда следует уезжать от дождя.

АРГЕНТИНА — серебристая страна; возможно, как раз поэтому «Аргентина манит негра» (палиндром).

АРГУС — 1. по верованиям древних греков, стоглазый великан, олицетворяющий ночное небо. Аргус был убит Гермесом и превращён богиней Герой в павлина; 2. (Аргос) так звали собаку Одиссея, которая верно прождала своего хозяина 20 лет, а когда Одиссей вернулся, то «В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать/ Лет Одиссея, был схвачен рукою смертоносною Мойры».

АРЗАМАС — город, на который смотрит другой глаз.

АРИБАЛЛ — древнегреческий сосуд для ароматических масел, округлый с узким горлышком, обычно расписной. («Масло когда ты несёшь в изукрашенном мной арибалле/ И натираешь плеча гордой хозяйки своей,/ Любо смотреть на твои грациозной пантеры движенья,/ Любо мечтать о руках ласковых, словно зефир» (Марк Полибий Ксенилох, пер. мой М.П.).

АРИЙ — мифологический прародитель русских людей, сын Дажьбога и Живы.

АРИМАН — по учению персов, злобный представитель мрака. Сражаясь с божеством света Ормуздом, Ариман прыгнул на землю, в виде огненной змеи проник до самого центра, вошёл во все земные создания и самый огонь осквернил копотью и дымом.

АРИМПАСЫ — мифологические существа с одним глазом. Согласно греческим мифам, они жили близ страны гипербореев и воевали с грифонами.

АРИН-БЕРД — холм в Ереване, на котором находилась крепость Урартов Эребуни (8-7 вв. до Р.Х.), рисунок этой крепости можно видеть на одноимённых армянских сигаретах.

АРИОН — поэт, от пения которого впадали в транс даже дельфины.

АРИСТИПП (4-ый век до Р.Х., ученик Сократа) — умел применяться ко всякому месту, времени или человеку, играя свою роль в соответствии с обстановкой. Однажды тиран Сиракуз Дионисий плюнул в Аристиппа и кто-то начал бранить его за безответность, тогда Аристипп ответил: «Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбёшку: я ли не вынесу брызг слюны, желая поймать большую рыбу?»

АРИСТОКРАТ — человек, который моет руки до того, как зайти в туалет, а не по выходу из него. По утрам, подобно дегенератам, пьёт шампанское.

АРИСТОМЕН — герой Эллады, известен тем, что выбрался из каменной трещины (кеады), держа за хвост лисицу.

АРИСТОН (3-ий век до Р.Х.) — отменил физику и логику, утверждая, что первая выше нас, а вторая не для нас и одна только этика нас касается. Был Аристон лыс, и, говорят, умер он от солнечного удара.

АРИСТОТЕЛЬ — «самый преданный из учеников Платона, был шепеляв в разговоре, ноги имел худые, а глаза маленькие, но был приметен одеждою, перстнями и причёской» (Диоген Лаэртский).

АРКА — (в пер. с латинского — дуга) обычно полукруглый свод в проёме стены или между двумя столбами. В поэзии Федерико Гарсиа Лорки — знак смерти; («Сырая осока ветра/ и старческий шёпот тени/ под ветхою аркой ночи/ будили гул запустенья» (пер. А.Гелескула); (Видеть арку во сне — к суетливым встречам; находиться под ней — получишь надёжного покровителя.)

- АРКАДИЙ** — по-гречески означает человек из Аркадии; («Аркашка — букашка,/ В кармане таракашка» (дразнилка).)
- АРКАН** — обычно аркан набрасывают или же на нём тащат; («Он меня приволок на аркане,/ Не хотелось мне больше бухать./ Но плескалась водяра в стакане,/ И не смог я ему отказать» (песенка).); (Мне аркан отчего-то не снится, но сонники уверяют, что он говорит о том, что лицемерные люди расставляют на тебя сети.)
- АРКЕБУЗА** — ручное огнестрельное оружие 15 века. Заряжалась аркебуза с дула каменными или свинцовыми пулями. Пороховой заряд поджигался от руки через специальное отверстие. В просторечье иногда употребляется как синоним задницы; («... Перед ним дрожали все воры./ И нахававшись арбуза,/ Он палил из аркебузы,/ Задыхались даже комары» (песенка).)
- АРКТИКА** — белые ночи, чёрные дни — редко друг друга сменяют они.
- АРКТУР** — звезда влюблённых.
- АРМАГЕДДОН** — место страшного суда; («И он собрал их на место, называемое по-Еврейски Армагеддон» (Откровение Св. Иоана Богослова).)
- АРМАДИЛЛЫ** (броненосцы) — панцирообразные зверушки, проживающие в Южной и Центральной Америке. По версии Р.Киплинга, это смесь ежа и черепахи.
- АРМАНЬЯК** — отличается от коньяка отсутствием или очень незначительным наличием мыльного тона.
- АРМАТУРА** — прутки или волокна, положенные для укрепления материала или конструкции; наш скелет, например, вполне можно считать арматурой тела; («Сойдя в подземелье подвала,/ А может, Аидова царства?/ В замёрзшем куске арматуры/ Узнаешь корону Египта» (Е.Упорова).)
- АРМЕРИТТЕР** — это немецкое слово означает «бедный рыцарь»; армериттер готовится вот как: кусочки белого или чёрного хлеба поджариваются в масле на сковороде, такое блюдо мог делать благородный, пускай и бедный, человек, поскольку для столь элементарной стряпни не требовалась даже прислуга.
- АРМИЯ** — упорядоченный кретинизм (да не обидятся на меня военные, поскольку среди них много достаточно умных и душевных людей, но всё-таки армия, как структура — это кретинизм чистейшей воды, в качестве аргумента приведу почти невыдуманную историю: «Грядёт генеральская проверка. Полк готовится — стены покрасили в серый цвет, асфальт в чёрный, траву в зелёный и т.д. Приезжает генерал. Осматривает. Всё нравится. Вдруг видит на дереве забытое ведро из-под краски: «А это что такое?!» — «Это, товарищ генерал, локалатор», — отвечает нерастерявшийся старшина. «Да я вижу, что локалатор! Почему не покрашен?!»); (Если приснится армия — жди какого-нибудь насилия.)
- АРМСТРОНГ** — из всей плеяды Армстронгов хочется выделить двух: Луи Даниеля, по прозвищу Сатчмо, саксофониста, певца, короля джаза, и Нила, первого человека, ступившего на Луну 21 июля 1969 года.
- АРМЯК** — старинная крестьянская одежда, напоминающая халат, из толстого сукна; («Армячишко залатанный,/ И в душе тишина./ Он бредёт между хатами,/ Почернев от вина» (Е.Зальмин. «Деревенский рассказ»)).
- АРМЯНСКИЙ КОНЬЯК** — национальная гордость Армении, в последнее время с сильно подмоченной репутацией.
- АРМЯНСКОЕ РАДИО** — глубоко анекдотический и очень мудрый персонаж, что видно вот из такого, например, случая: Армянское радио спросили: «Что луч-

- ше: красивая жена, которая гуляет, или некрасивая, но верная?» Армянское радио ответило: «Лучше есть торт всем коллективом, чем говно в одиночку».
- АРНАУТ МАМИ** — главарь пиратов, захвативший однажды в плен самого Мигеля де Сервантеса.
- АРОМАТ** — напomaженный запах. (Чувствовать во сне аромат — наяву получить защиту.)
- АРОМАТ СТЕПИ** — вполне приличное вино; в добрые старые семидесятые о нём ходила песенка с грузинским акцентом Вахтанга Кикабидзе: «Вот и всё, что было, вот и всё, что было. Ты как хочешь это назови... Для кого-то просто — рубль девяносто, а кому-то Аромат степи...»
- АРРАИС** — начальник над гребцами галеры.
- АРРОБА** — равна 8 асурбам, а говоря языком СИ — 11,5 кг.
- АРТЕЛЬ** — «артель и рота, с перестановкою, как рожь и аржаной и др., одно и то же древнее слово от ротиться, обетовать, клясться, присягать; товарищество за круговой порукой, за клятвой, где все за одного, один за всех» (В.И.Даль); («Апосля работы вся артель/ Отправлялась к девочкам в бордель./ И вонючи, и чумазы./ Не боялись мы заразы./ Забираясь в мягкую постель» (песенка).)
- АРТЕМИЗИЯ** — сестра и жена царя Карию Мавзола Галикарнасского. Именно она построила первый мавзолей для погребения своего супруга, который стал одним из семи чудес света.
- АРТЕСОНАДО** — деревянный наборный потолок, как правило, изукрашенный резьбой или росписью; («Архитектурная соната, пришедшая к нам с Востока, из страны обугленных мавров.., и хочется ласкать губами это слово: ар-те-со-на-до, ар-те-со-на-до...»)
- АРТЕФАКТ** — 1. процесс или образование, не свойственное изучаемому объекту в норме и возникающее в ходе исследования; ну, например, Шампанское в состоянии закрытого покоя не имеет пузырьков, но стоит вам открыть его и приступить к изучению, как (особенно при нетерпении) всё оно в один миг может превратиться в шипучую пену; 2. последнее время часто используется для обозначения некоего художественного действия: написать стихи на песке, выложить голыми телами на красной площади неприличное слово и т.п.; 3. неизвестная штукавина в романе Клиффорда Саймака «Заповедник Гоблинов», доставшаяся Земле от прошлой Вселенной. В конце концов из неё вылутился очень хороший дракон.
- Артиллерия** — 1. пушки, пушкарни, пушкарные войска и вообще нечто гремящее, стреляющее, бьющее без разбору; («И такая в башке артиллерия./ Ох, ну если бы кто-нибудь знал.../ Я в такое густое похмелие/ Никогда ещё не впадал» (песенка).); 2. в переносном смысле — «пердѣж»; («После ужина «артиллеристы» устраивались поудобнее и начинали перестрелку. Гасев палил тонко с придыханием, очередями. Перов бахал основательно, одиночными, разрывными. Пионов бил с глушителем, «слышно, конечно, плоховато, — говорил он, — но зато так вонючее» (Модем Гирьянов. «Артиллеристы».); (Женщины уверяют, что артиллеристы сняты к мимолётным ласкам.)
- Артист** — далеко не каждый актёр бывает артистом, и артист очень часто не бывает актёром; (артист своего дела. У В.Шаламова, например, описан артист лопаты); (Артист снится к неожиданности.)
- Артишок** — искусство по-английски и внутренний удар — получим овощ сочный, земли и солнца дар (шарада).

АРТПОДГОТОВКА — «курс эстетики в вузе» (Юр.Юрьев).

АРУМ — (аронник) ядовитое растение, которое при высушивании (лишении влаги) теряет свои ядовитые качества и даже пригодно в пищу; («Разве просит арум/ У болота милостыни? — / Ночи дышат жаром,/ Тропиками гниlostными...») (Осип Мандельштам.).

АРУНА — колесничий бога Солнца в Риг-Ведах; («Возьми меня, о солнечный поток!/ Направь ладью Аруны на восток/ И в океан безбрежный голубой/ Возьми меня, возьми меня с собой!») (Рабиндранат Тагор, пер. Н.Подгоричани.).

АРФА — «музыкальный портрет дождя» (А.Бельмасов); (Увидишь во сне арфу — будешь утешен в несчастьи.).

АРХАИЗМ — слово, утонувшее в глубинах языка (иногда с камнем на шее лежат такие спящие красавицы!)

АРХАНГЕЛЬСК — «Раньше стоял один столб, на столбе доска с надписью: «А-р-х-а-н-г-е-л-ь-с-к». Народ ютился кругом столба. Домов не было, о них и не знали. Одни хвойными ветками прикрывались, другие в снег зарывались, зимой в звериные шкуры завёртывались. У меня был медведь. Утром я вытряхивал медведя из шкуры, сам залезал в шкуру. Тепло ходить в медвежьей шкуре, и мороз дело постороннее». (Степан Писахов. «Описание Архангельска заезжему человеку»).

АРХАТ — (на санскрите; на пали — Арахат) в буддизме — тот, в ком угасли асавы, кто освободился от всех привязанностей и достиг высшей свободы; («Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишён желаний. Такому даже боги завидуют» (Дхаммапада, пер. В.Топорова).)

АРХАТСТВО — состояние, позволяющее прервать цепь рождений и смертей, обусловленную кармой, согласно Метта-сутте, «это состояние сердца — лучшее в мире».

АРХЕЛАЙ (5-ый век до Р.Х.) — учитель Сократа, по кличке физик. Он утверждал, что есть две причины возникновения: тепло и холод, что живые существа возникли из ила, что справедливое и безобразное существует не по природе, а по установлению.

АРХЕОЛОГИЯ — наука, изучающая историю по откопанным предметам: черепкам, обломкам и пр.; («Он все углы облазил — и/ в Европе был, и в Азии —/ и вскоре раскопал свой идеал./ Но идеал связать не мог в археологии двух строк, — / и Федя его снова закопал». (В.Высоцкий. «Песня студентов-археологов»).

АРХИЕРЕЙСКИЕ СЛИВКИ — ром к чаю.

АРХИВ — интеллектуальная мина замедленного действия.

АРХИТЕКТУРА — и никакая это не застывшая музыка и не окаменевшая соната, это всего-навсего эволюционный рост камня (дерева, бетона).

АРШИН — треть сажени; длина руки от плеча; вольный шаг человека; 0,711 метра; («Вот идёт, словно пава;/ Вслед они, проглотивши аршин,/ По всей форме морского устава,/ Не сгибая коленей и спин» (Вас.Плоский. «Увольнение»)).

АРЫК — оросительный канал в Азии; («А афганец это брык,/ Опрокинулся в арык./ И со дна пускает пузыри./ Прибежали мы на крик,/ Но оттуда только пшик./ И теперь ори уж, не ори» (афганская песенка).)

АРЬЕРГАРД — как-то почему-то все уверены, что это задняя часть войска, но это не совсем точно. Задняя-то она задняя, но арьергардом становится только тогда, когда войско отступает, а ему, арьергарду, поручено прикрыть это самое

отступление. То есть, с точки зрения главных сил, она задняя, а с точки зрения боевых действий, самая что ни на есть передняя. (Любопытно было бы развить какой-нибудь стиль арьергардного искусства. Используя древние технологии, нагрузить вещи какой-нибудь современной тематикой: представьте греческую вазу, расписанную какими-нибудь даблоидами или стомаками... Лепота! Впрочем, арьергардное искусство уже существует: матрёшки из Сталиных и Ельциных — оно и есть.) (А ещё круче из Клинтона и Левински. Говорят, что наши предприимчивые соотечественники сколотили на таких матрёшках целое состояние в этой недалёкой и падкой на всякую чепуху Америке. (Примечание от 6.02.99).)

АС — Пушкин; (сидит Василь Иванович читает книжку, входит Петька: «Про что книжка, Василь Иванович?» — «Про лётчиков, ас Пушкин называется». — «А кто написал-то?» — «Да, чучмек какой-то — дед Гиз».)

АСАВА — специфический термин буддийской философии, который можно перевести как греховный помысел, греховное желание. Существует четыре вида асав: асава чувственности, асава повторных рождений (тяга к жизни), асава ложных взглядов и асава невежества.

АСЕССОР — в царской России должность восьмого класса, майорского чина; («А жена коллежского асессора/ Посмотрела томно на меня./ Я был пьян. Мне было очень весело./ И она сгорала от огня» (И.Солнцев. «Историческая песенка»)).

АСИЛКИ — богатыри-великаны, жившие в незапамятные времена. Они создавали реки, возводили горы, прорубали просеки в лесах. Возгордившись своей недюжинной силой, асилки посмели угрожать Богу, и были за это уничтожены. (Сурово, однако. Представьте себе ситуацию: какое-нибудь племя мумба-юмба начинает угрожать американцам, к примеру, а те берут ядерную бомбу и хре-е-нак, уничтожают их к чёртовой бабушке.)

АСИНДЕТОН — бессоюзие; например: «Купили мы бутылку водки, она была холодненькая, только из холодильника, выпили, конечно. Показалось мало, купили ещё две. Было дело...» (И.Вареев. «Собутыльники»).

АСИММЕТРИЯ — ошибается тот, кто думает, что это не симметрия! Достоверно известно, что ассиметрия — это симметрия первого порядка.

АСК — попрошайничество.

АСКАРИДЫ — наши животные сёстры; (Сидят на прямой кишке аскариды и беседуют. Сверху падает таблетка. «Ой, бабоньки, что ж это такое деется-то! Опять травюте! Ну вы, бабоньки, как хотите, а я завтра с первой же говяшкой уезжаю».); (Аскариды, как уверяют многие умники, сняты к новому знакомству.)

АСКОЛЬД — прославился в основном благодаря своей могиле.

АСКОМИНА — чаще бывает от лимона, но в принципе может быть от чего угодно. (Симпатична и ладно скроена./ Мы живём уж тринадцатый год./ Но набил от неё я аскомину./ Полный рот. Полный рот. (песенка).)

АСМОДЕЙ — злой дух, глава демонов. Не путать с Амадеем; («И тут выходит из дверей/ Глава нечистых — Асмодей./ Чернее ночи, гуще мрака/ У ног огромная собака» (Е.Зальмин. «Визит Асмодея»)).

АСПАРАГУС — другое название спаржи; бывает съедобный, бывает декоративный. («Аспарагус вянет на окне./ Посидим с тобою в тишине./ Что мне аспарагус, если ты/ Увядаешь, как твои цветы» (С.Огородников. «Идиллия»)).

- АСПЕКТ** — точка зрения, вид; («Рассмотрим дело в ином аспекте./ Мы не в постеле, а на проспекте./ Визжат сирены и тормоза./ А я целую твои глаза» (Вас. Плоский. «Перспектива после пива»)).
- АСПИДИСТРА** — многолетняя бесстебельная трава, семейства лилейных; (Чепуха, конечно, но каково звучание! Я бы с таким именем в приличное общество прийти постеснялся.)
- АСПИДНАЯ ДОСКА** — доска из аспиды или просто чёрная доска?; («Писала я на аспидной доске./ И на листочках вееров поблёклых./ И на речном и на морском песке./ Коньками по льду и кольцом на стёклах» (Марина Цветаева).)
- АССА** — 1. слово-универсум, по одноимённому фильму С.Соловьёва; 2. непереводимый кавказский возглас; (Заходят два кацо в ресторан. Один из них наклоняется за упавшей монетой. А второй пристраивается сзади и совершает мужеложество. «Винь!» — «Не вину!» — «Винь!» — «Не вину.» Тогда кацо вытаскивает саблю и... «Асса!(рубит за спиной) Официант, врача и штопор. Врача — ему. Штопор — мне».
- АССАМБЛЕЯ** — собрание; («Полярный ас, сам блея./ Пришёл на ассамблею./ Подпёр плечом косяк./ И закурил косяк.» (В.И.Терпкий. «Лётчик Ша»)).
- АССЕНИЗАЦИЯ** — это, ни много ни мало, оздоровление среды; (Вот такой случай произошёл однажды на ассенизаторской службе: Два говночиста чистят сортир. Старший спускается вниз и нагружает вёдра, а младший поднимает их на верёвке. Ведро зацепляется за край толчка и проливается на нижнего говночиста. Тот отряхивается и говорит: «Не-ет. Никогда тебе не быть главным говночистом!» Ассенизаторская проблема волнует не только людей, но и водолазов, причём водолазов, видимо, гораздо в большей степени, чем людей. «Раз или два в месяц, если необходимо и чаще, приезжает машина, водолазы зовут её просто: «говносососка». Вот она — видишь, открывается смотровое окошко и сётся рукав водолазу в лицо. Отсосёт нечистоты, и ты снова свободен и весел, полон творческих планов, любви и здоровья» Л.Тишков. «Водолазы»); (Видеть во сне ассенизаторов — к удаче.)
- АССИГНАЦИЯ** — название бумажных денег, ходивших в России с 1769 по 1849 год. «Он ассигнациями трубку раскуривает, богат и тороват» (В.И.Даль). После официальной отмены любые бумажные деньги продолжали называться ассигнациями. («Пригласил я её в ресторацию./ У меня ж ассигнаций мешок./ И сижу втихаря её мацаю./ В ожиданье телячьих кишок» (песенка, стилизованная под 20-е годы).); (Ассигнации сняты — к новостям.)
- АССИ-ЯХОЛА** — (Оцеола, Осцеола, ок.1803— 1838) вождь семинолов, лидер Семинольской войны 1835-1842 гг. во Флориде. Асси-Яхола был предательски схвачен во время переговоров о мире и заточён в военную тюрьму, «и умер в Форте Молтри буквально от «разбитого сердца». Его болезнь была вызвана тоской по свободе» (Уолт Уитмен).
- АСТАМАНЬЯНО** — какое-то итальянское словечко, скорее всего, ругательство.
- АСТЕРОИДЫ** — чаинки космоса.
- АСТИ СПУМАНТЕ** — итальянское мускатное, игристое вино, светло-жёлтого чуть-чуть золотистого цвета, с ароматом чайной розы, липы, акациевого мёда, обладает слегка сладковатым вкусом. Алк. 6-9%. Сах. 6-9%.
- АСТОРИЯ** — знаменитый московский ресторан, именно здесь Жеглов и Шарапов брали Фокса. (Кстати, после к/ф «Место встречи изменить нельзя» фраза: «В Астории поужинал» приобрела крылатость, так, Митьки, например, этой фра-

зой частенько дают объяснения по поводу безобразного внешнего вида или плохого самочувствия.

АСТРА — никотиновый цветник.

АСТРАГАЛ — архитектурный облом.

АСТРАХАНЬ — город, в котором Ани бояться буквы «А».

АСТРОЛОГИЯ — гороскопомания.

АСТРОНОМИЯ — высокая наука.

АСУРБА — 1/8 арробы.

АСФАЛЬТОВАЯ БОЛЕЗНЬ (АБ) — родная сестра столбняка: при столбняке человек обнимает столбы, а при АБ целуется с асфальтом.

АСФИКСИЯ — толково говоря, удушье; («— Пить вам вредно, Лев Исакыч.../ — Будто я этого не понимаю. Говорить мне это сейчас — всё равно, положим, что сказать венецианскому мавру, только что потрясённому содеянным, что сдавление дыхательного горла и трахеи может вызвать паралич дыхательного центра вследствие асфиксии» (Венедикт Ерофеев. «Вальпургиева ночь».); (Почувствовать во сне асфиксию — к очень тяжёлым событиям.)

АТАС — сухопутная полундра.

АТАТУЙ — ситуация, сопряжённая с какими-нибудь крайностями; («В нашем магазине/ Ну полный ататуй,/ Хоть покупай маслины/ И на закуску жуй» (песенка).)

АТИР — древнеегипетский ноябрь.

АТИЛЛА — легендарный вождь гуннов (V век); По уверению Данта, Атилла среди прочих тиранов варится в алом кипятке седьмого круга Ада; («Там под небесным гневом выю клонит/ И Атиллу, когда-то бич земли» (пер. М.Лозинского).)

АТИС —(аттис) фригийское божество, перекочевавшее впоследствии в Грецию. Однажды, зашедшись в безумии, Атис оскотил себя и от этого умер. Из крови этого бога прорастает весенняя зелень. Символом этого божества является сосна. («О Аттис Аттис бог прелестный и шальной/ Злорадных эльфов рог пел над твоей сосной...» (Гийом Аполлинер, пер. И.Кузнецовой).)

АТЛАНТИДА — «находилась на архипелаге островов, крупнейший и главнейший из которых по размерам напоминал Сицилию. Её населяла красная раса. То было рабовладельческое общество. Мировоззрение было политеистическим с огромным пластом магии. Пантеон и культ омрачались включённым в него демонопоклонством. Над этических представлениями атлантов довели образы беспощадных и алчных божеств, и в культе большую роль играло людоедство... Главный остров и окружавшие его мелкие погибли от ряда сейсмических катастроф» (Даниил Андреев. «Роза Мира».) По предсказаниям средневековых астрологов, Атлантида поднимется из пучин океана в третьем тысячелетии.

АТЛАНТЫ — опора неба; («Когда на сердце тяжесть/ И холодно в груди,/ К ступеням Эрмитажа/ Ты в сумерках приди./ Там без питья и хлеба,/ Забытые в веках,/ Атланты держат небо/ На каменных руках» (Городницкий).)

АТЛЕТИКА — система физических упражнений; бывает тяжёлая и лёгкая; («Раз зашёл один атлет/ В привокзальный туалет./ Унитаз, как гирию, поднимал./ Ну, а сколько он насрал!/ Я бы столько не набрал/ У себя за два десятка лет» (песенка уборщика туалета).)

АТМАН (санскрит), **АТТА** (пали) — этим понятием в древнеиндийской философии добуддийского периода обозначалась душа. Но с приходом Будды возникли серьёзные сомнения в существовании души, представления о которой противоречили бы закону кармы. Поэтому в буддизме атман обычно рассматривается не как душа, а как Я, которое, в свою очередь, также составляет серьёзную проблему. Будда боролся с ложным и поверхностным взглядом на сущность Я, отвергал реальность индивидуального Я и, главное, его постоянство. см. также Ан-атман.

АТОМ — (греч. неделимый) — об атоме у большинства людей довольно неверное представление. Будто бы вокруг ядра болтается несколько электронов — и это как бы и есть атом. На самом-то деле атом нечто совсем необъяснимое, если оно и вообще есть. Ближе к истине, пожалуй, будет сказать, что вокруг некоей точки происходит колыхание энергий, странным образом не расползающихся в стороны. (У физиков есть вот такая песенка про атом: «Возьмём обычный атом,/ Покроем его матом,/ И меченый а-том/ Получится на том»); Приведём также изящный комментарий В.Шинкарёва к слову атом, по поводу используемой фразы, цитируемой в настоящем словаре в статье «Алтарь мысли»: «Многие предметы состоят из атомов, в том числе пиво».

АТРИБУТ — нечто не отделимое от предмета, например: «И этот градус, трёх бутылок атрибут,/ Был натурально выпит прямо тут».

АТРИМПСС — литовский бог моря и вообще воды; (Слышите, как шуршат буквы о прибрежную гальку...)

АТТРАКЦИОН — (в переводе с французского притяжение) концертный номер, а также устройство для развлечения. Аттракцион по силам сделать и самому. Пришли к Вам, например, гости, а Вы не знаете, чем бы их занять? Очень просто, устройте для них аттракцион под названием «Тигр». Для этого все гости садятся за стол и выпивают по рюмке водки (или вина, это уже на ваш вкус), после этого Вы говорите: «Тигр пришёл», и все забираются под стол. «Тигр ушёл». Все вылезают и выпивают по рюмке водки. «Тигр пришёл», — все под стол. «Тигр ушёл», — рюмка водки. В конце концов кто-то уже не возвращается из-под стола. Выигрывает тот, кто последний остаётся за столом. По-моему, весьма интересный аттракцион. Мы в студенчестве практиковали, и было очень весело. Правда, многие утверждают, что это игра, а не аттракцион. Возражаю. В игре основная цель — выигрыш. В аттракционе — увеселение.

АТУ — «возьми», «гони» и т.п., в основном при общении с собаками, но не только, например: «В трибунах рёв, в трибунах вой:/ «Ату его! Он трус!'/ Буткеев лезет в ближний бой,/ А я к канатам жмусь» (В.Высоцкий).

АТЫ-БАТЫ — возможно, озвучание строевого шага, а может быть, и просто рифмушка. Известно из считалки: «Аты-баты — шли солдаты,/ Аты-баты — на базар./ Аты-баты — что купили?/ Аты-баты — самовар».

АТЬ — солдатское раз; («Ать-два — левой,/ Я солдат смелый./ С курами деруся — / Петуха боюсь»; «Ать-два — горе не беда».)

АУ — 1. озвученная потерянность; 2. на «ау» также ловят грибы и ягоды: «Аукаем,/ Приукаем: Нам бы ягод да грибков/ Из-под кочек и листков./ Грибков белых,/ Ягод спелых».

АУГРАБИС — водопад в Южной Африке на реке Оранжевая (высота 146 м); (Так и слышится в этом слове грохот прозрачных струй, подсвеченных восходящим солнцем.)

АУКУБА — золотое дерево; растение семейства кизиловых; (При этом слове мне представляется раскидистый кустарник с золотистым стволом и медно-жёлтыми листьями, усыянный вкраплениями красно-рубиновых ягод. А уж какой он на самом-то деле? Не знаю.)

АУРИЕ — буквально — «золотистое», светлое кишинёвское пиво. Плотность 15%. Алк. 2,8%.

АУСБРУХ — так (по-преимуществу в Венгрии) называется вино, выжатое из самых лучших и зрелых гроздий, снятых до общего сбора винограда. Самый высокий сорт Аусбрух-эссенция получают из сока, который вытек из винограда сам собой, без давления. (Вот бы хоть раз попробовать!)

АУСПИЦИИ — чтения птичьего полёта.

АУСТЕР — отрезвляющий коктейль; вот один из рецептов: в рюмку, предварительно смазанную подсолнечным маслом, вливается немного водки или джина, добавляется один желток и всё это густо посыпается красным и чёрным перцем.

АУСТЕРЛИЦ — известен своим пронзительным небом.

АУТОДАФЕ — (в переводе с испанского акт веры) ритуально-торжественное оглашение приговора инквизиции и сама казнь, главным образом, сожжение на костре; («Я вынес сам себе аутодафе,/ Моя душа сгорает на огне/ И, словно феникс, возрождается из пепла/ Густых грехов, расплавленных во мне» (Н.Изотин. «Аутодафе».); (Увидишь во сне своё собственное аутодафе — испытываешь несправедливости и обиды в реальной жизни.)

АУФИТЕРЗЕЙН — прощай, ядовито-зелёного цвета.

АФАНАСИЙ — 1. тверское пиво в эдаких шатровых бутылочках, названо, видимо, в честь Афанасия Никитина; (Этому пиву посвящены вот такие стишки: «Тверского Афанасия/ Вчера весь вечер квасили./ Когда же утром встали,/ То два ведра нассали».); 2. имя, по-гречески означающее бессмертие; («Афанасий — жопу красил!» (дразнилка).)

АФАНИМ — месяц у евреев, соответствующий зодиакальному знаку Весов.

АФЁРА — преступная поэтика бизнеса.

АФИКОМАН — кусочек спрятанной мацы; еврейские дети во время Седера обычно похищают его. Тому, кто возвращает афикоман главе семьи, положено вознаграждение в виде сладостей.

АФИША — так и шуршит, так шуршит на ветру, приглашая; («Афиша у входа гласила:/ «Сегодня над дымом труб/ На фоне, так сказать, атмосферы/ Покажет своё мастерство ЛЁТЧИК ТРУП» (Д.Кудряшов. «Занимательное аэро Ш-Ш-Ш-О-У-У-У лётчика ТРУПА и его друга ДИСПЕТЧЕРА».); (Видеть афишу во сне — к ложным известиям; если афиша цветная — к чему-то смешному; чёрная — к печали; если расклеиваешь — то быть тебе предметом сплетен; если срываешь — будет конфликт с властями.)

АФОН — святая гора и монашеская республика, в которой находится до 20 монастырей. Славится с далёкой древности. Ксеркс велел перерезать полуостров, где находится Афон, каналом. А архитектор Дипократ предложил впоследствии обрезать его таким образом, чтобы при виде сверху получился профиль Александра Великого.

АФОНЯ — имя и фильм; (Эпизод из этого фильма: на балконе стоит Леонов (артист и родственник, а вовсе не космонавт), а снизу кричит неопохмелённый Брондуков: «Родственник, слышь, родственник, мне Афоня рубль должен был».

— «Два», — подсказывает собутыльник. «ДВА!» — подтверждает Брондуков и икает.)

АФРИКА — земля слонов и бармалеев, а также прародина Пушкина.

АФФЕКТ — взрыв эмоций, возникающий на какой-нибудь сильный раздражитель; («От подобных стихов я вполне могу впасть в состояние аффекта, и это зачтётся, когда меня будут судить за ваше убийство. Такой поэт жить не должен. Это не просто издевательство над языком, а нечто гораздо более страшное» (Ю.Глосвер. «Поэтическая трагедия»)).

АФФРИКАТА — это такой звук, полученный притиранием взрывного (смычкового) и фрикативного (щелевого) элементов (например, «ч», «ц»); (Наверное, эти звуки пришли из Африки, где летают мухи це-це и бегают чумазы чертенята.)

АХАЛЯ — за супружескую неверность была проклята Гаутамой и превращена на десять тысяч лет в камень; («Сегодня на склоне дней/ Услышал я зов твой, земля,/ Припал к твоему материнскому лону,/ Где некогда ты сохраняла Ахалью,/ Покуда её не коснулись/ Стопы ног, смуглых и мягких,/ Как дурба-трава, и проснулась/ Ахалья для новой жизни» (Р.Тагор, пер. М.Зенкевича).)

АХИЛЛ — грек, по кличке Худая пятка.

АХИНЕЯ — «Вдох утреннего снежного налёта —/ Есть ерунда высокого полёта» (шарада).

АХОЙ — (от английского восклицания аhoу!) приветствие, выкрикиваемое с берега в адрес моряков на судне или при встрече кораблей друг с другом; (возможно, это выражение понравилось русским по аллюзиям с известным словом и анекдотом: «Идёт по каналу огромный Русский корабль, а навстречу маленькое заграничное судёнышко. Капитан кричит в мегафон: «Сворачивай на хой! Сворачивай». С судёнышка, естественно, кричат: «Ахой! Ахой!» Чувствуя, что они не понимают друг друга, Капитан вызывает на палубу полиглота боцмана. Далее происходит вот такой диалог. Боцман: «Шпрехен зи дойч?» — молчание. «Парле ву франсе?» — молчание. «Ду ю спик инглиш?» — «Оу, ес, ес» — «Сворачивай на хой! Сворачивай!»)

А ХО-ХО НЕ ХО-ХО — в том смысле, что зря губищу раскатал.

АХТАМАР — коньячная царица.

АХТИАР — татарское название Севастополя; (Не знаю значения этого слова, но чувствую, что в нём живёт какая-то мистика и тайна.)

АХУРАМАЗДА — повелитель света, высшее существо, создатель космического порядка.

АЧИГАН — «было время, когда все живые существа могли разговаривать. Но Ачиган возненавидел животных и однажды исчез, забрав их умение разговаривать» (Х.Л.Борхес. «Энциклопедия вымышленных существ»)).

АШАРХ — месяц, соответствующий знаку Рака в Индии; («В мокрых тенях ашарха — месяца длинных дождей/ Он будил меня песней...» (Р.Тагор, пер. В.Тушиновой).)

АШОКА — (санскрит а+сока — пламя) — дерево, растущее в Индии, с мелкими цветами красноватых оттенков. Оттенки эти меняются с возрастом дерева. Ашока считается священным, и в праздники из его цветов сплетают гирлянды. Есть поверье, что ашока расцветает от прикосновения ноги красивой женщины.

- АШОН** — молитвенный коврик; («Но ясно, зачем,/ От сует отрешён,/ Садится прохожий/ С тобой на ашон» (Р.Тагор, пер. С.Шервинского).)
- АШУГ** — (в пер. с тюркского влюблённый) кавказский бард.
- АШХАБАД** — по слухам, очень весёлый город, в подтверждение приведём куплет из песенки: «Весёлый город Ашхабад —/ Трусы на улицах пестреют./ Там слышен только один мат./ И солнце ярко жопы греет».
- АШШИН** — второй месяц осени в Индии, считается одним из лучших времён года, соответствует знаку Весов; («Праздник твой встречает пышно/ Красочный осенний цвет./ И на месяце ашшине/ Чадор праздничный надет» (Р.Тагор, пер. М.Зенкевича).)
- АШШУРБАНИПАЛ** (7-ой век до Р.Х.) — ассирийский царь, весьма любопытная личность, совмещавшая в себе и любовь к охоте, и к каким-то женским забавам. Вот как описывается гибель Ашшурбанапала: «Однажды воевода Арбацес увидел его прядущим нити в кругу бесстыдных женщин. И подумал он, что не годится, чтобы такой царь повелевал и владел множеством людей, если он сам хуже женщин, и сделал так, что царь и себя и всё богатство своё, возложив на столп каменный, спалил» (О причинах гибели царств); В музее Изобразительных искусств им. А.С.Пушкина есть огромный рельеф, изображающий охоту царя Ашшурбанипала, который вдохновил поэта Генадия Алексеева на замечательные стихи: «— Что за шум?! — Ашшурбанипал охотится./ Вот он стреляет из лука,/ И издыхающий лев ползёт по песку,/ волоча задние ноги».
- АЩЕ** — если, по-старорусски.
- АЭДЫ** — древнегреческие барды.
- АЭРОБИКА** — аэро она не потому, что занимаясь ею, нужно порхать, как бабочка, а потому, что за показатель здоровья берётся способность человека перемолоть определённое количество кислорода.
- АЭРОДРОМ** — грузинская кепка с большим козырьком.
- АЭРОПЛАН** — это такой славный небольшой самолётик. («У меня чудесный план. / Ты послушай: просто чудо — / Мастерим аэроплан / И летим скорей отсюда» (Елена Спирина. «Воздушная азбука»). А вот стишки, которые я прочёл на автобусной остановке в Петрово-Дальнем: «Если б было небо планом — / Я бы стал аэропланом».)
- АЮ-ДАГ** — медведь-гора, купающаяся в Чёрном море.
- АЮРВЕДА** — древний трактат по медицине, приписываемый Дхавантари. («В «Аюрведе» говорится: «Болезнь, порождённая нарушением равновесия между тремя основными субстанциями организма...» (Р.Тагор. «Почта», пер. И.Световидовой).)
- АЮШКИ** — дружелюбный и, к сожалению, умирающий отклик на чей-нибудь зов; (Причиной умирания служит обидный и уже устоявшийся ответ на этот отклик: «Иван!» — «Аюшки?» — «Поцелуй зад у заюшки». Или ещё более грубо).
- Б** — 1. тоже витамин; 2. пропавшая с трубы (в свежем варианте этой притчи-загадки события развиваются так: А и Б сидели на трубе, А уехал за границу, Б чихнул и лёг в больницу, кто остался на трубе? Т.е. Б смело можно назвать — оставшимся на трубе); (Вот что иногда бывает,/ Если «Б» вдруг пропадает./ Допустил наборщик Брак,/И из Брака вышел рак!/ Вместо Булочки вышла улочка!/ Вместо Белочки вышла елочка!/ Вместо балочки вышла Алочка!/А

из бани вышла Аня!/// Закричала коту я «Брысь!»/ На меня несётся рысь!/ «Б» пропала! Не беда!/ Выйдет вкусная еда.)

БАЙДАРКА — Помещик в Средней Азии,/ Торжественный презент,/ Машина по-английски./ Всё ж вместе — / Алюминий, резина и брезент (шарада); (Если приснится пустая байдарка — то тебе грозит печальное одиночество; если ты один в байдарке — к потере близкого человека; если вдвоём — тебя поманит новое любовное приключение; если плывёшь — испытаешь непостоянство; если перевернёшь — к опасности; причаливаешь к берегу — жди успеха.)

БАКЕНБАРДЫ — Сигнал для судна и певцы —/ Ищи их на мужском лице (шарада); (Бакенбарды снятся к деньгам и почёту.)

БАЛКОН — Сначала — вечер танцевальный,/ А следом — партия в игре./ Всё вместе — место для гулянья./ Что приторочено к стене (шарада); (Увидишь балкон во сне — удержишься на своём месте; если сорвался с балкона — то твои иллюзии рассыпятся.)

БАЛЮСТРАДА — Она между двух возгласов светила — / И вылилась в фигурные перила (шарада).

БАМБУК — 1. Автор потратил несколько лет на изучение этого удивительного растения. Им (совместно с А.Н.Полиловым) был изучен механизм разрушения звена бамбука. Оказалось, что при сжатии бамбук разрушается совершенно особым образом (по форме китайского фонарика, причём среди природных материалов это, пожалуй, уникальный случай). Учитывая этот новый вид разрушения, был объяснён закон изменения длины звена бамбука. А также показаны особенности разрушения бамбука при изгибе и кручении. 2. А вообще-то бамбук удивительно многогранное растение, не говоря уж о всяких удочках, постройках и т.п., как хороши маринованные ростки бамбука! Да под водочку-то! Или, допустим, казнить кого-нибудь надо, причём желательнее мучительно и долго, и тут, как известно, бамбук незаменим: кладёте жертву на росток бамбука, привязываете ей руки и ноги, и за ночь бамбучина прорастает свою жертву насквозь. Вот такая в нём сила. А тут прочитал в словаре Александра Щуплова и К°, что, оказывается, в московской тусовке бамбук это — «пустой человек, недотёпа, которого всё в нашем социуме напугает. Впрочем, себе на уме: сорвал обои и тем самым расширил квартиру; теперь когда чистит лук, рыдают соседи по лестничной площадке...» Обидно, конечно, за это благородное растение, но что поделаешь: из жизни слово не выкинешь!

БАРАНКА — Отделение в шкафу, имя пулемётчицы —/ Вот колечко круглое, скусать его хочется (шарада); (Баранки снятся — к каким-то запискам.)

БАРБАРИС — Место, где есть выпивка, возглас и крупа./ Вместе же название растения и плода (шарада).

БАРБАЦУЦА — ароматная смесь, состоящая на одну треть из водки, а на две трети из любого сока или лимонада. (Не путать с «отвёрткой», пропорции коей составляют фифти-фифти.)

БАРМАЛЕЙ — страшный африканский разбойник. А возник он следующим образом: прогуливались Корней Чуковский со своим другом художником по улице Бармалева. — А как ты думаешь, кто такой Бармалей?— спросил Чуковский.— Это такой страшный разбойник,— ответил художник. И тут же нарицал Бармалея. А Чуковский обессмертил его в своих сказках.

- БАРСУК** — 1. Там, где киряют жёны кобелей, — Таится зверь, живущий средь елей (шарада); 2. про этого зверя есть вот такая песенка: «Тихо в лесу,/ Только не спит барсук./ Яйца барсук повесил на сук,/ Вот и не спит барсук» (на мотив «На сопках Маньчжурии»); 3. знак зороастрийского календаря, соответствующий 1952, 1984, 2016 годам; («Барсук — хранитель древних кладов,/ Зарытых в собственной душе./ Хранитель старого уклада,/ Давно забытого уже»); (Барсук снится к ремонту, обустройству квартиры.)
- БЕГЕМОТ** — 1. Вид спорта, гласная, транжира —/ В зверушке этой много жира (шарада); 2. знаменитый кот из «Мастера и Маргариты»; (Бегемот (не кот) снится к чревоугодию, к эпикурейскому времяпровождению.)
- БЕЛКА** — 1. зверь орехогрыз и грибосущ; 2. белая горячка (delirium tremens), как правило, наступает от неумеренного увлечения алкоголем; 3. знак зороастрийского календаря, соответствующий 1948, 1980, 2012 годам; («Моя изменчивая вера,/ Как белка, скачет тут и там./ И Богом брошенная терра/ Её влечёт к своим брегам»); (Приснившаяся белка предвещает гостей.)
- БЕЛОМОРКАНАЛ** — 1. канал, на котором якобы морили белогвардейский элемент; 2. Беломор. Легендарные папиросы, которые стоили в добрые старые времена 25 копеек пачка, а в пачке целых 25 штук; («Я иду и курю Беломорканал,/ Светофор подмигнул, я его сломал,/ Мильцанер подошёл, за руку схватил,/ Я ему пилюлю отвесил, чтобы не вопил» (песенка).)
- БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ** — 1. персонаж конфеты «Мишка на Севере»; 2. знак зороастрийского календаря, соответствующий 1931, 1963, 1995 годам, мой год. (Белый медведь снится к дружбе, к жениху.)
- БЕРГАМОТ** — собственно, всего лишь сорт груши. Но как звучит!!! (Бергамот, как и груши вообще, снится к потерям.)
- БИДЕ** — великое изобретение цивилизации для мытья задницы и т.п.
- БЛАЖЬ** — дюже хорошо; («К ихнему начальнику, ну точно по повестке,/ Тоже баба прикатила. Наступила блажь./ Свадьба, милый, говорит, но только по-турецки,/ Свадьба, милый, говорит. Свадьба и шабаш!» (песенка).)
- БЛЕВАКО** — знаменитый защитник от акогольного и прочих отравлений. Вызвать адвоката Блевако — это, попросту говоря, плевануть. Адвокат Блевако очень отзывчив, его стоит лишь двумя пальчиками поманить, и он тут как тут. Особенно Блевако симпатизирует зелёной молодёжи. А к старикам идти иногда напрочь отказывается, требует, чтобы его поили тёплой солёной водой или же иной какой-нибудь гадостью. А бывает, что приходит без всякого вызова, так сказать, по зову сердца и зачастую в самый неподходящий момент. Про него есть поговорка: незванный Блевако хуже татарина.
- БЛЕДНЫЙ ВИД** — по преимуществу устраивают кандидатам в покойники; («Папа, это верно, что ты псих!/ Мы тебя в миг успокоим,/ Бледный вид тебе устроим./ Барахло разделим на троих» (песенка).); (Встречаются две вороны. «Ты что такая грустная?» — «Да так... взгрустнулось. А ты что такая бледная?» — «Да так...»); (Бледный вид снится к лёгкому недомоганию.)
- БЛИЗНЕЦЫ** — 1. соседи по утробе; 2. два соседних простых числа; 3. зодиакальное созвездие (Кастор и Полукс); («Братья по звёздному свету/ И по ночной тишине./ Они озаряют планету,/ Уснувшую в тягостном сне»); (Близнецы снятся к большому семейному торжеству.)
- БЛОХА** — существо прыгучее и кусачее; была подкована Левшой; («Выходят две блохи из бара, в дупелюгу пьяные. Одна другой говорит: — Ну, что пешком

пойдём или подождём собаку?» (шутка)); (Видеть блоху во сне — к получению денег; ловить — к неприятностям; если кусаются — к беде.)

БЛЮ ВОТЭ (blue water, голубая вода, англ.) — голубая кровь адвоката Блевако.

БЛЮХЕР — легендарный маршал. Вот, на наш взгляд, одна из самых любопытных легенд о нём: «Прибегает Петька к Чапаеву. — Василь Иванович, там телеграмма от голубого хера. — Сколько раз говорить тебе, Петька, фамилию Блюхер с английского не переводить».

БОБР — 1. поставщик шкур для воротников, которые серебрятся морозной пылью; 2. знак зороастрийского календаря, соответствующий 1945, 1977, 2009 годам; («Ваятель неги и уюта,/ Эпикурец и гурман,/ Вознёсший в степень абсолюта/ Нирваны сладостный дурман»).

БОЛЬ — и я в этом абсолютно убеждён, п р и в и л е г и я человека, ни камень, ни растение, ни насекомое, ни даже животное не чувствуют боли. Раздражение — да, опасность смерти — да, но не боль. Я уж не говорю об ангелах, демонах, прочей нечисти и тем более Боге. Не понимают они боль, хоть тресни. Боль бывает чепуховая: ранка, порез, зуб, удар и пр., а бывает Вселенская. Описать Вселенскую боль невозможно, её можно лишь испытать. (Боль во сне — к радости в жизни.)

БОРОДА — Лес, потом стихотворенье —/ Растёт она, но не растенье (шарада); (Видеть себя бородатым — к почёту и уважению.)

БОЧКА — 1. поворот самолёта через крыло; 2. сосуд, преимущественно для хранения вина и квашения капусты. В своё время этот сосуд породил достаточно много открытий в области математики. А случилось это так: господин Кеплер собрался было жениться и, стало быть, винца решил прикупить на свадьбу (а в те времена вино ещё покупали бочками), и вот закралось у господина Кеплера сомнение в том, что продавец правильно вычислил объём бочки. Некоторое время спустя появился на свет учёный трактат Иоганна Кеплера, имеющий, если мне не изменяет память, вот такое название: «Новая стереометрия винных бочек, преимущественно австрийских, как имеющих наилучшую форму и наиболее удобных для применения к ним кубической линейки». В этом трактате появились зачатки интегрального исчисления; 3. некий метафорический объект, употребляющийся в различных смыслах, например: «Родился я в бочке под забором,/ Крестили меня черти гвоздодёром,/ Старый дедушка горбатый подправлял меня лопатой,/ И назвал меня он шмокадёром» (песенка) или «Мой папаша пил, как бочка,/ И погиб он от вина,/ Он оставил крошку дочку,/ И зовут её — На-на» (песенка); (Пустая бочка снится — к ущербу и неприятностям; полная — наоборот, к прибыли.)

БРАК — все смыслы перечислять не будем, но (NB, молодожёны) хорошее дело браком не назовут. (Однако видеть во сне собственное бракосочетание — возвратиться к исполнению своих обязанностей.)

БРАКОНЬЕР — Светильник, скакун и старинная буква —/ Без спросу он ловит зверушек и уток (шарада).

БРЕГЕТ — Про него известно, что он недремлющий и что он обычно прозванивает обед.

БЫК — 1. несчастная мишень для злых тореадоров; очень разносторонняя и могучая натура, неоднократно обыгранная в фольклоре. (Приведём несколько анекдотов про быков: а) Спускаются с гор два быка — старый и молодой. Молодой увидел неподалёку тёлочку. — «Давай. Подбежим. Отымеем. И уж потом

пойдём щипать траву». — «Не торопись, малыш». Видят коровку. — «Ну, давай. Хоть вот эту. По-быстренькому отыеем. А после пойдём щипать траву». — «Не торопись, малыш». Видят двух коров. — «Ну, давай же. Пойдём. Отыеем этих коров. А потом уже будем щипать траву». — «Не торопись, малыш. Сейчас мы спустимся в долину. Отыеем всё стадо. А потом уж будем спокойно щипать траву»; б) Старый бык-производитель ослаб, и хозяин купил для осеменения молодого. Когда его привели в стадо, старый тут же стал рыть копытом землю, реветь и всячески выказывать своё недовольство и агрессивность. «Ну, чего ты выпендриваешься, — сказала молодая тёлка, — у тебя же уже давно не стоит». — «Да, но я же должен показать ему, что я не корова!»; в) Молоденький бычок спрашивает у своего отца: «Папа, папа, а что это там такое голубое-голубое? — «Это, сынок, называется речка, в ней течёт вкусная и чистая вода». — «Папа, папа, а что это там такое зелёное-зелёное?» — «Это, сынок, называется луга, на них растёт вкусная сочная трава». — «Папа, но почему же мы стоим здесь по шею в дерьме и никуда не идём?» — «А вот это, сынок, называется — Родина». Ну, вот ещё песенка такая была про первую женщину-космонавта: «Валентина Терешкова захотела молока./ Побежала под корову, а попала под быка./ Тянет быку за сиски, просит быку молока./ А из быкиной сиски льётся мутная река». И детский стишок: «Корова, корова./ Скажи мне два слова./ — Му-у! — раздался грозный рык./ — Не корова я, а бык»; 2. знак китайского гороскопа, соответствующий 1985, 1997, 2009 годам; («А он упрям и работающ./ Отличный семьянин./ А я же пьян, ленив, гулящ./ Не мне равняться с ним»); (Увидеть быка во сне — к ссоре; но если он преследует вас — к получению наследства.)

БЭРИМОР — дворецкий Баскервильей, прославлен знаменитым диалогом из к/ф «Собака Баскервильей»: «— Что это, Бэримор? — Это там, сэр!»

В — моя любимая буква (подробнее смотри роман-стих ВВ, том первый настоящего собрания сочинений); (А теперь стихи: «Вот что иногда бывает, / Если буква «В» всплывает:// Было: «Ася, Алик Анну бросил!»/ Всплыло: «Вася валик в ванну бросил!»// Были: жареные раки./ Всплыли: жареные враки! // Написать хотел я оду./ Получил одну лишь воду».)

ВЕРА — вера такой же дар или талант, как и способность к художественному творчеству. Это также в определённой степени дополнительный орагн чувств, некое внутреннее духовное зрение. Следует отличать производные от этого слова глаголы «Верить» и «Веровать». Верить можно людям, а веровать только в высшие сущности. (Ну, это — с небес на Землю. Песня (трагическая): «Вот и верь после этого людям./ Я ему отдалась при луне./ А он взял мои девичьи груди / И узлом завязал на спине» (автор неизвестен).)

ВЕПРЬ — 1. зверь. Не путать с кабаном, кабан по сравнению с вепрем, всё одно что поросёнок по сравнению с кабаном; 2. знак зороастрийского календаря (1935, 67, 99), сейчас, кстати сказать, год вепря. Ангел-хранитель этого года Ветранга, то есть Победа; (Стих: «Дикий мир, несущийся, как вепрь, / Не нашедший в зарослях дороги. / Мир не видит боковую дверь, / Где лежат божественные слог».)

ВИП — вери импотент пёрсон.

ВОЛК — 1. зверь — символ свободы; («Волки мы — хороша наша волчая жизнь. / Вы собаки, и жизнь вам собачья» (В.Высоцкий).); (Если тебе приснился волк, то где-то близко твой враг.); 2. знак зороастрийского календаря (1941, 73, 2005).

Ангел-хранитель людей, родившихся в этот год — Рамман (Сила); (Стих: «Волк — скрытой силы носитель, / Странник безумных ночей, / Сменивший свою обитель / На вольную жизнь степей».)

ВЫКИДЫШ — творческая работа, получившая низкую оценку автора.

Г — буква конного шага. (Вот что иногда случается, / Если буква «Г» теряется: // Была гроза и розга, / Осталась только роза. // Где были глаз и гром, / Осталась лаз и ром. // А девочку Галинку / Теперь зовут Алинка!)

ГОЛУБЫЕ ЕЛИ — ёлки не зелёные и почти без запаха; («Голубые ели... и пили». (К сожалению, не помню автора этой, хотя и глупой, но замечательной шутки.); Кстати, о голубых. Есть, между прочим, существенное различие между пидорасом (не педерастом, а именно пидорасом) и геем. Пидорас среди геев — это нечто вроде шлюхи, потаскушки, он может подставлять свою задницу безо всякого желания: из страха (это обычно бывает на зоне или в армии), из-за денег, из-за наркотиков и т.п. Есть вот такой анекдотец на эту тему: «Приходит мужик в Гей-клуб записываться. «Вы знаете, я гей и хотел бы вступить в ваш клуб». — «О, конечно, конечно, какие проблемы, сейчас мы заполним клубную карточку. Вы, наверное, артист?» — «Нет». — «Режиссёр?» — «Нет». — «Художник?» — «Да нет же, я слесарь». — «О батенька, ну тогда вы, похоже, не гей, а просто-напросто пидорас». А вот ещё стишок на эту тему: «Я сижу один в пустой квартире. / На полу валяется рубашка. / До чего ж пустынно в этом мире. / Но сейчас ко мне придёт Наташка. / Чем мы будем с нею заниматься, / Знаю только я и дядя Вася. / Это я его зову Наташка, / Потому что мы с ним — пидорасы».

ГРАВИЦАПА — деталь, при помощи которой пепелац может перемещаться через космос.

Д — добрая буква. («Порою вот что происходит, / Когда к нам буква «Д» приходит: // «Д» пришла — сломалась рама. / Получилась, братцы, — драма. // «Д» пришла, и страшный вор / Убежал гулять во двор. // «Д» пришла, и из-за рака / Разгорелась в доме драка».)

ДЕЛЬФИН — 1. «Буква, древо, скандинав — / По морю несётся вплавь (шарада); 2. знак зороастрийского календаря (1934, 66, 98), ангел-хранитель людей, родившихся в эти года, Воху-Ман (Благая Мысль); (Стих: «Таинственный житель подводного мира, / Иногда зависающий над волной. / Я такой же, как ты, — беззаботный задира, / Утонувший в стихах со своей глубиной...»)

ДЕФЛЕКСИЯ — см. Аблаут.

ДИРИЖАБЛЬ — «Ну, сколько же можно о Дирижабле!» — скажете вы. И я отвечу: «Сколько нужно, столько и можно». Может, мне просто стихи захотелось процитировать. Очень хорошей, между прочим, поэтессы. Елены, можно сказать, Спириной. Из самой что ни на есть Воздушной азбуки. Вот и процитирую: «Наступила я на грабли — / И лечу на Дирижабле... / Третий день уже лечу. / Не сходить ли мне к врачу?» (Ну что, понравилось?)

ДОПИНГ — в переводе с латинского «давать», как понятие возникает в начале XX века, в то время этим словом обозначался напиток из коньяка, рома, корицы, яичных желтков и чего-то ещё, который давали жокеи лошадям перед скачками.

Е — буква есть твою. (Вот и стишок про неё: «У Егора и енота / Есть своя гора и нота!»)

ЕВРОПА — единственный из континентов, который начинается не на «А».

Ё — тоже одна из моих любимиц. Буква «Ё» не имеет прототипа в кириллице, она введена в алфавит русским писателем и просветителем Н.М. Карамзиным в декабре 1797 года, но долгое время не получала широкого распространения (в словаре Даля, например, «Ё» в отдельную букву не выделяется, а используется как вариация буквы «Е»). Окончательно «Ё» закреплена в алфавите декретом Советской власти в декабре 1917 (числа 1,9,7 оказались для «Ё» счастливыми, и, кстати, в декабре 1997 года в Москве отмечался праздник буквы «Ё», устроенный «Ё-программой»). (А теперь истории про эту букву: «Ё» сменялась с буквой «А», / Получилась ерунда! // Вот такая: /// Вместо: «Пёс Дружок унёс ёлочку!» / Вышло: «Пас Дружок у нас Алочку!» // Вместо: «Ёж нёс овёс» / Вышло: «Аж нас о вас». // Вместо: «Орёл» / Вышло: «Орал». // Вместо: «Котёл» / Вышло: «Кот ал».)

Ё-МОЁ — этот эрзац известного выражения пришёл к нам из китайского: во время дружбы с Китаем китайских лидеров часто показывали по телевизору, и из их речи постоянно несло ё-моё, что в переводе с китайского означает: «имеет место быть» или что-то в этом роде.

Ж — буква жизни; (Стихи: «На дне запруды кто-то жил, / Но «Ж» всплыла, осталась ил. /// Шесть палок встретились, И ВОТ: / Возникла «Ж», возник «ЖИ-ВОТ».)

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА — см. Алогизм. (Анекдот: «Едет дамочка в трамвае. Заходит мужик и говорит: «Подвинься, рыбонька». Дамочка думает: «Рыбонька — значит рыба. Рыба — значит плавает. Плавает — значит щука. Щука — значит кусается. Кусается — значит собака. Собака — значит сука....» — «Граждане! Он меня блядью обозвал!»)

З — заздравная буква; (Стихи: «З» пришла, и верь, не верь, / Появился в строчке «ЗВЕРЬ». // Буковку «З» обнаружила ИНА, / Глядь, появилась откуда-то ЗИНА».)

ЗГА — такая штука, которой обычно не видно, хотя Даль уверяет, что это тень, потёмки, темнота, и тогда не очень понятно, как это тьма и не видно. (В одном из вариантов либретто к опере Глинки «Жизнь за царя» есть такие строки: «Куда ты завёл нас? Не видно ни зги! / Идите за мной, не еб...те мозги!»)

И — интересная буква, союзная; (Стишок для неё: «В Волгу буква «И» упала, / «ИВОЛГА» из «Волги» стала».)

ИПОХОНДРИЯ — «Она, Фимка, завсегда на закате делается. — Отчего же на закате? — От глупых сомнений, Фимка! Смотрит человек на солнышко и думает: взойдёт оно завтра или не взойдёт?» (из к/ф «Формула любви»).

Й — «Й» (и краткое) была введена в 1735 году Российской Академией наук и до реформы 1917 года в счёт букв не включалась. («Й» пошла на словостройку, / И из сока вышла сойка, / А из кока вышла койка, / А из лака вышла лайка, / А из мака вышла майка, / И из бака вышла байка!)

К — клёвая буква; (Стихи: «Букву «К» отбросил крот — / Нет крота, остался рот. // Букву «К» откинул краб — / Краба нет, остался раб. // Буква «К» упала с крана — / Крана нет, осталась рана».)

КАЙФ — 1. состояние протяжного наслаждения, которое ещё нужно словить; 2. наркотик; («Не пойман, не кайф!» (А.Битов).)

КАКТУС — помесь дыни с репейником. (Если видишь во сне кактус — ты поддаёшься дурному влиянию.)

- КИН-ДЗА-ДЗА** — фильм, поистине ставший галактикой (режиссёр Данелия, сценарий совместно с Резо Габриадзе).
- КОДЕКС НАПОЛЕОНА** — тюремное наказание за супружескую измену во Франции, введённое в 1804 году; отменён 1 марта 1994 г. (Во, дурковали люди!)
- КОЖА** — 1. женская: «Женская кожа — одна из драгоценностей человечества. Кожа, нежная кожа — парадоксальное явление природы...» (к/ф «Секрет вишнёвения», реж. А. Черных); (Если приснится гладкая и шелковистая кожа — то жди исполнения желаний, особенно в необычных, творческих делах.)
- КОМАРЫ** — братья по крови. (Убить комара во сне — знак везения.)
- КУ** — все остальные слова в галактике Кин-дза-дза.
- КУРВАТУРА** — Сволота на шахматной фигуре — / Даст кривизну в архитектуре. (шарада); А вообще-то это такое едва заметное специально сделанное искривление некоторых частей здания для придания последнему большей пластичности и выразительности.
- КЦ** — спичка, платёжное средство в галактике Кин-дза-дза.
- КЮ** — допустимое ругательство в галактике Кин-дза-дза.
- Л** — ленивая буква; (Вот о ней: «Л» бултыхнулась в исток — / Выплыл из него листок. // «Л» ушла — распался лад — / Начался крошечный ад. // Вышла «Л» — распалась кладка, // И осталась только кадка».)
- ЛАНЬ** — 1. Как-то язык не поворачивается назвать её зверем или животным, а может быть, лань — птица? А что, пожалуй, и птица; 2. знак авестийского календаря (1923, 55, 87), ангел-хранитель у родившихся в этот год — Арта (Правда); (Этот стих про лань я посвятил своей дочери — Машеньке, родившейся в 1987: «Так не по-детски грациозна, / Так не по-взрослому горда. / Её мечта почти серьёзна. / Её душа уже тверда».)
- ЛЕБЕДЬ** — 1. птица, пордившая лебединою песню и Лебединое озеро и танец маленьких лебедей; 2. генерал, породивший генеральский образ; 3. знак зороастрийского календаря (1928, 1960, 1992 гг.), породивший вот такие стихи: «Лебединая белая истина / Отражается в шёпоте вод... / В ней таится подстрочная мистика, / И лишь магам открыт её код». (Если приснится лебедь (птица) — то вскоре будет успех, слава, счастье в супружестве; плывущий лебедь — к разлуке; лебединое озеро — предстоит непрочный брак.)
- ЛИЧКА** — личная охрана VIPa, см. Телки.
- ЛИС** — 1. красивый, хитрый зверь; 2. знак зороастрийского календаря (1933, 65, 97). Ангел-хранитель — Вата (Ветер); (Стих: «Старый лис, держащий нос на ветер, / Уходящий к запаху вечности... / Как много их на том и этом свете, / Кормящихся за счёт своих конечностей».)
- ЛОПУХ** — Ло-пух. Удивительно, что лопухами называют простофиль, дурачков и т.п. Вот уж поистине бессилие внутренней силы слова. Ведь какая в нём, чёрт возьми, скрыта музыка: «Ло» — как нежный колокольчик — Лолита. Ложечка в стакане. Лошадки цокот по булыжной мостовой. И «пух» — пушистое звучанье. Тоска июньских тополей...
- ЛОШАДЬ** — 1. Ну, про лошадей можно говорить часами. О мастьях, об упряжи, о скачках. Кстати, как выяснилось, сегодня народ очень слабо разбирается, что собственно такое масть. Объясню: масть — это сочетание цвета шкуры и нависа (навис — это грива и хвост). Например, тёмно-рыжий с чёрным нависом — это гнедой, светло-рыжий с чёрным нависом — саврасый, светло-жёлтый с чёрным нависом — буланый, рыжий с беловатым нависом — игрений, сме-

шанной масти (бело-рыжая, серая с примесью) — чалый, двухцветный (в больших белых пятнах, или наоборот, тёмных по светлому) — пегий, искрасна-коричневый с нависом более тёмного тона — бурый, вороной с подпалинами — караковый, рыжий в прожелть с чуть-чуть более светлым нависом — каурый, желтоватый с белёсым нависом — соловый, серый в мышастых пятнах — фарфоровый, рыже-бурый или буро-чёрный — муругий, гнедой с желтоватыми подпалинами — мухортый. (Лошадь во сне — символизирует Судьбу.); 2. знак зороастрийского календаря (1925, 57, 89). Ангел-хранитель у родившихся в год лошади — Митра (Око Божье); (Этот стих я посвятил своему сыну Женечке, родившемуся в 1989 году: «Конь бежит, запрокинув голову... / Так июньский беспечный ливень, / Туч разрезав свинец и олово, / Замирает в просвете синем...»)

М — мощная буква; (Про неё: «Если «М» уйдёт из «мира», / То останется лишь Ира, / Если же уйдёт из «мрака», / То оставит только рака».)

МАК — красивое, но дико опасное растение. Вот такой стишок про него прочитал сегодня на подъездной стенке: «Кто вкусил слезу мака, / Такая кака. / Будет плакать всю жизнь от рака». А вообще-то у нас в подъезде кто-то занимается антинаркотической пропагандой. Например, этажом выше я прочитал: «На ложь, на подлость, на обман — / Способен каждый наркоман». И я подумал: «Наверное, это должно быть достаточно действенно. Ну, уж по крайней мере сильнее, чем мрачная реклама по телевизору». И тогда я ничтоже сумняшеся вывел на стенке свежесочинённые стишки, стилизуя их под подъездную литературу: «Будешь кушать наркоту — / В миг окажешься в гробу». И ещё один: «Один герой наелся героина — / Теперь он не герой, а героиня». Дописав этот стишок, я решил нарисовать сцену гомосексуального насилия, чтобы было понятнее, о чём речь... Вот за этим занятием и застала меня одна добропорядочная старушка. (И хрена ли по лестницам шастать, когда лифт есть?). Шуму, конечно, было много. Сначала. А потом, как ни странно, она поняла. И я не удивлюсь, если в скором времени застану эту милую женщину за писанием каких-нибудь добрых слоганов, типа: «Не плюй на пол, а то поскользнёшься и нае...ся»; «Окурки на пол не кидай — родной подъезд не засерай» и т.д. и т.п.

МАНГУСТ — 1. зверушка по имени Рики-Тики-Тави; 2. знак зороастрийского календаря, соответствующий 1940, 1972, 2004 гг. Вот стих об этом знаке: «Мангуст, как молния, мелькает, / Бесстрашен ловкий змеелов. / Вот так со смертью играет / И сочинитель вещей слов».

МИНЬЕТ — Хотя всюду принято писать «минет», мне кажется такое правописание неправильным, поскольку на слух всё-таки «миньет». Не путать с миньон, хотя оба слова французских корней, но миньон — форма лампочки, а миньет — форма секса. (Об этой путанице есть старый детский анекдот: «Встречаются два мужика и рассказывают про вчерашние похождения. «Ну, как твоя?» — «О, моя — ничтяк, а твоя?» — «Да чёрт её знает, странная какая-то. Лампочки ест». — «Как это?» — «Да не знаю, стоим в подъезде, она и говорит: «Вань, выкрути лампочку, я в рот возьму...»); (Н-да. А теперь стишок (трагический): «Боже мой, как ей не прослезиться, / Принимая за щеку миньет, / Поэтому что, может получиться, / На сегодня это весь её обед» (автора я не знаю, дошло из уст в уста).

МУДЯВУШКА — Выхожу сегодня из дома, спускаюсь по лестнице и вдруг вижу на стене незнакомое слово «мудявушка». И так тепло стало на душе. Надо же, думаю: «Не мудак, не мудила, не мудозвон, а му-дя-вушка...»

- МУФЛОН** — 1. зверь такой; 2. знак зороастрийского календаря (1939, 71, 2003). Ангел-хранитель — Фраваша (Предки); (Стих: «Одиноким муфлон, высекающий искры из камня, / Среди горных дорог выбирающий ощупью путь... / На болезнь восхождения он когда-то нарвался случайно / И не может с тех пор на равнины свои повернуть».)
- Н** — нежная буква; (Стихи с её участием: «Даже с буквой «Н» Егорка — / Это мальчик, а НЕ ГОРКА».)
- О** — округлая буква; (Вокруг неё: «С буквой «О» из сока / Вырастет «осока». / А простая крошка / Станет вдруг крошкой».)
- ОБМОРОЖЕННЫЕ** — на милицейском жаргоне люди, способные в целях выполнения профессионального долга спать с трупом.
- ОДАЛАРЫ** — скалы в море неподалёку от Гурзуфа, которые очень хотелось занять Шалапину.
- ОЛЕНЬ** — 1. вот песенка про него (поётся на мотив «На сопках Маньчжурии»): «Тихо в лесу, только не спит олень. / Яйца олень просунул по пень, / Вот и не спит олень»; (Увидишь оленя во сне — познакомишься с умным человеком.); 2. знак зороастрийского календаря (1938, 70, 2002). Ангел-хранитель — Ахура-Мазда (Творец); (Стих: «Промелькнуть быстроногим оленем, / Чтоб запомнился только бег, / Чтоб остались лишь зыбкие тени / Вместо грубых дорожных вех».)
- ОРЁЛ** — 1. император птиц. (Вот такой прикол существует: Допустим, встречаются два человека, один у другого что-то спрашивает, а тот в ответ: «Орёл с говном не разговаривает». — «Вот как! Ну, я полетел».); (Орёл снится — к успеху во всех делах.); 2. знак зороастрийского календаря (1932, 1964, 1996) Стихи про этот тотем: «Горд и задумчиво светел, / Небом пронзённый насквозь, / На нашей земной планете / Над бездной парящий гость».
- П** — половинчатая буква (она делит алфавит пополам); (Правдивые истории про букву «П»: «Буква «П» пошла на луг — / И прошёл по луку плуг. // Села «П» на ластик — / Получился пластик. // «П» залезла в улей — / Выскочила пулей».)
- ПАРФЮМЕРИЯ** — любой напиток, снабжённый вредными добавками; наиболее употребительны: тройной одеколон, огуречный лосьон, шипр, сирень и т.п. (основной критерий здесь дешевизна); некоторые снобы, особенно барышни, используют эти спиртовые настои снаружи, дабы сбить с тела естественный запах. В любом случае, как верно замечено в к/ф «Секрет виноделия» (реж. Андрей Черных): «Чрезмерное увлечение парфюмерией к хорошим результатам приводит редко».
- ПАТАФИЗИКА** — исключительно малоизвестная и редкоизучаемая наука об исключениях и воображаемых решениях, которую изобрёл в своё время французский писатель Альфред Жари (Jarry). Эта наука, впрочем, имела своих учеников и последователей. Существовал настоящий «Патафизический колледж», членами которого были: Жак Превер, Рене Клер, Борис Виан, Хулио Кортасар и др.
- ПАУК** — 1. вопреки распространённому заблуждению паук — это не насекомое, а членистоногое класса паукообразных. Характерно, что у пауков восемь ног, а у насекомых (взрослых, а не личинок), как правило, — шесть. (Паук во сне символизирует опасного друга. Если убьёшь — победишь врага.); 2. знак зороастрийского календаря (1911, 43, 75). Ангел-хранитель Вайну (Великая Пустота); (Стихи: «На пустоту накинув сети, / Пространство вылепил паук. / И в наркотическом балете / К нему спешат десятки мух».)

- ПАЦАК** — человек, вызывающий загорание зелёной лампочки в галактике Кин-дза-дза.
- ПЖ** — правитель планеты Глюк в галактике Кин-дза-дза; (Би: «Это не дирижабль. Это последний выдох господина ПЖ». Скрипач: «Ерунда какая. Как один человек мог столько надышать перед смертью?!» Би: «Ты что, с ума сошёл? Господин ПЖ жив».)
- ПЕПЕЛАЦ** — (в пер. с грузинского бабочка) средство передвижения на планете Глюк галактики Кин-дза-дза (автор проекта Тэжик).
- ПЕТУХ** — 1. от слова петь (певец); (Анекдот: «Купила хозяйка нового петушка. Он в первый же день всех курочек перетоптал и свалился без сил, лежит в пыли — помирает. А на дереве сидит ворона. Думает: «Петух. Эк притомился-то. Похоже, что сдох. Может пойти глаза выклевать». Тут к молодому подходит старый петух: «Эй, вставай! Чо развалился-то?» — «Тише ты, кретин, — ворону спугнёшь...»); (Петух во сне символизирует вестника измены.); 2. знак зороастрийского календаря (1918, 50, 82). Ангел-хранитель — Сраоша (Благовестие); (Стих: «Ветшает с криком петуха / Густая сила темноты, / И мысль, прозрачна и легка, / Ложится в белые листы».)
- ПОФИГИСТ** — человек, которому всё по фигу; (Корреспондент берёт интервью у члена общества пофигистов: «Скажите, а Вы ушли бы из общества за миллион долларов?» — «Конечно!» — «Но как же так? Ведь общество...» — «А мне по фигу ваше общество!»)
- ПРИВЕТ** — слово, произошедшее от весьма странного корня «вет» (ответ, навет, завет). Кстати, весьма вероятно, что «свет» имеет тот же корень. (Вот такой есть детский анекдотик: «Договорились подружки на работе сообщать о сексуальных подвигах своих мужей количеством сказанных приветов. Приходит первая: «Привет. Привет». Приходит вторая: «При-вет». Третья: «При... то есть, здравствуйте». Наконец вбегает четвёртая, самая молоденькая: «Привет, привет, привет, привет и утром два привета.»); 2. Быть с приветом, то есть быть с отклонениями, быть придурком, и тогда строка Афанасия Фета выглядит весьма забавно: «Я пришёл к тебе с приветом...»
- ПРИВЫЧКА** — ещё одно слово со странным корнем «вык» (привыкать, отвыкать, навыв), и что за корень такой? Никто не знает. Может, оно вообще состоит только из приставок и суффиксов? А что, это было бы весьма символично. Поскольку она всего лишь вторая натура, то какие же в ней корни? Кстати, кавычки не однокоренное ли с привычкой слово? (А теперь фольклор: 1. «Ужинать — дурная привычка» (у Даля прочитал, между прочим); 2. «Есть шофёрская привычка — / Забирать у друга спички. / Мы по ней друг друга узнаём... (шофёрская песенка); 3. «Притомился с непривычки, / Выпил полведра водички / И солёной коркой закусил, / А потом пришли сестрички, / Налетели, словно птички, / Я, конечно, их уд(о)влетворил» (блатная песенка).)
- ПРОМЫШЛЕННОСТЬ** — это слово ввёл в обиход Карамзин, который этим очень гордился.
- ПШЕНО** — маленький рис; (Кроме шуток, совершенно реальная история: Один вьетнамец, работая на нашей стройке, шибко тосковал по рису, которого в столовой почему-то долго не давали. «Ну, что, Фам, опять риса не было?» — спрашивает его участливый знакомый. — «Была, но только маленькая-маленькая». Так вьетнамец впервые в жизни увидел пшено.)
- Р** — рокошущая буква; (Вот работа буквы: «Букву «Р» возьмёт ОСА — / И получится РОСА. // «Р» отправилась ТУДА — / Пригодилась для ТРУДА».)

- РАЙСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ** — 1. создание альтернативных словарей (см. также Адская работа); 2. Баунти.
- РЕБЕФИНГ** — перерождение; это когда царевна превращалась в лягушку или в лебедя, Иванушка — в козлёночка, людоед мог превращаться в кого угодно и, став мышкой, был съеден котом в сапогах и т.п.; Из исторических примеров известно, что индийский раджа Читора Мегхасинх (14 в.) неоднократно превращался в льва, китайская императрица Цыси (1835-1909) обращалась лисой, князь Игорь превращался в волка. А вот пример из нашего времени, о котором свидетельствует А.Перфильев: «Зимой 1996 года мне довелось увидеть, как в течение 15-20 минут опытный шаман из Иванова Игорь Варнаков обратил дюжину уважаемых учёных и психотерапевтов в зверей, рыб, птиц и пресмыкающихся».
- С** — сюсюкающая буква; (С-сброс буквы: «Был, ребята, я **СКОТОМ** — / «С» отбросил, стал **КОТОМ**. // Был денёчек **СНЕЖНЫЙ**, / А без «С» стал **НЕЖНЫЙ**. // Сочинил я **СТИХ**, / А без «С» стал **ТИХ**».)
- САШЕ** — старое название шоссе; («Я говорю сейчас словами теми, что только раз рождаются в душе. Жужжит пчела на старой хризантеме, так душно пахнет старое саше» (А.Ахматова).)
- СЕКРЕТ ВИНОДЕЛИЯ** — из одноимённого фильма Андрея Черных: «Вино должно обладать не только тонким ароматом и вкусом, но быть волнительно для сердца. Этот романтический букет вина нельзя отследить лабораторным способом, и только влюблённый винодел способен изготовить такое вино».
- СКОНТОРИТЬСЯ** — 1. собраться вместе, объединиться (употребляется в среде бизнесменов); 2. превратиться в конторскую крысу. Не думать ни о чём, кроме заработка (в среде художников).
- СЛОН** — 1. животное (срок беременности 22 месяца); (Слон снится к возвышению в жизни.); 2. знак зороастрийского календаря (1956, 1988, 2020). Стихи об этом тотеме: Могучий слон проходит не спеша / Сквозь джунгли человеческих мельканий, / Сквозь бурелом нелепых антраша / В свою страну возвышенных мечтаний».
- СОКОЛ** — 1. птица. (Летающий сокол снится к обману.); 2. знак зороастрийского календаря (1937, 69, 2001). Ангел-хранитель — Хваршат (Солнце); (Стих: «Ясный сокол с солнечной душой... / Для него, из синей вышины, / Мир совсем становится иной, / И земные хлопоты смешны».)
- СТРАХОВАНИЕ** — подкладывание подушек под все места, где есть вероятность упасть; (Приходит мужик в Госстрах: «Девушка, застрахерьте, меня». — «Ну, что ж вы так выражаетесь, здесь всё-таки дамы». — «А что, ваше застрахуйте лучше, что ли?»)
- Т** — такая буква; (Т-творенье: «Всё случилось где-то **ТАМ**, / Тузик «Т» тихонько **АМ**. // «Т» досталось за **ТРУДЫ** / Десять тысяч тонн **РУДЫ**».)
- ТЕЛЕФОН** — посредник, который за весьма скромную плату соглашается передать ваши слова нужному адресату; (Ночь. Звонок. «Алло, это 362-412?» — «Вы что, обалдели? Да у меня вообще нет телефона!»); (Телефон снится к сомнительному успеху.)
- ТЕЛКИ** — телохранители, поскольку подразумевается, что у них нет мозгов (см. Личка).
- ТЕРСА ОХРУПЧИЛАСЬ** — Мне рассказывали, как появился на свет этот фразеологизм: «— Вот, блин, совсем стул рассыпался, — сказала одна девушка, с

горечью рассмаривая сыпавшийся из сиденья поролон. — Терса охрупчилась, — подвёл итог физическому процессу один умный малый». И с тех пор это выражение стало обозначать крайнюю степень изношенности, как физической, так и духовной.

ТОПЛЕС — открытый верх модели (в смысле манекенщицы).

ТРАК — (track) большие противные грузовики с хромированными выхлопными трубами, на которых ездит Арнольд Шварценеггер в боевиках типа «Терминатор-2»; (В быту используется для перевозок большого количества бензина и свежемороженых продуктов, как то куриные окорочка.)

ТРИ МУШКЕТЁРА — необычайно привлекательные, но с точки зрения современной морали сугубо отрицательные молодые люди. Про Арамиса даже и говорить не стоит, он недалеко ушёл от мольеровского Тартюфа. Портос ради титула женится на старухе. Самый благородный из них, Атос, топит в пруду свою молодую жену только потому, что увидел в ней клеймо на плече. И других, Д'Артаньян, тоже гусь ещё тот. Под чужой личиной забирается в постель к бедной миледи, используя для этих целей соблазнённую им служанку, мрак!

ТЯКУ-ГЯКУ — в переводе с японского: быстро-быстро.

У — убогая буква; (У-устройство: «У» придёт — и слово «РОК»/ Превращается в «УРОК». // «У» выходит из УГЛА, / Уж тут недолго до ГОЛА».)

УЖ — 1. неядовитая змея. (Вот хоть и старый, но очень показательный анекдот про ужа: «Сидят два грузина, пьют виноградное вино, закусывают козым сыром и ведут философские беседы: «Самый страшный звер — это уж. Уж пилзёт, пилзёт и всё пижирает на своём пути: бумага, резинка, тряпка...» — «Не-е, самый страшный звер — это цапел. Вот уж пилзёт, пилзёт и всё пижирает на своём пути: бумага, резинка, тряпка. Но встречает его цапел и пожирает вместе с резинка, бумажка, тряпка». — «Не-е самый страшный звер — это уж: уж пилзёт, пилзёт и всё пижирает на своём пути: бумага, резинка, тряпка, встречает его цапел и пожирает вместе с резинка, бумажка, тряпка, но уж ви-полза-ет через жопу цапела и пилзёт дальше, и всё пижирает на своём пути». — «Не— самый страшный звер — это цапел: вот уж пилзёт, пилзёт и всё пижирает на своём пути: бумага, резинка, тряпка, встречает его цапел и пожирает вместе с резинка, бумажка, тряпка, собирается выползть через зад, а цапел — жопа к стенке, жопа к стенке...»); (Уж для больных снится к выздоровлению.) 2. знак зороастрийского календаря (1944, 1976, 2008) . Вот стих о нём: «Он проскользнёт, как уж в воде, / Лишь память о себе оставив... / Он гениален. И нигде / Не признаёт житейских правил».

УРА — победный клич, позаимствован у татаро-монголов, «ур» по-тюркски означает «бей», с этим кличем бросались на Русь воины Чингис-Хана. (Конечно, согласно академической версии, по гипотезе Фоменко (разумеется, более здравомыслящей), воины Чингис-Хана тоже были русские, но только пограничники.)

Ф — феерическая буква; (Ф-фокусы: «Ф» сумеет «лаг» и «лот» / Превратит во «флаг» и «флот». // Букву «ф» придвинул рак, / Получил заморский фрак.)

ФЕВРАЛЬ — Железный вун — месяц-говорун (шарада; Fe— железо); («Февраль. Достать чернил и плакать, писать о феврале навзрыд, когда грохочущая слякоть весною чёрною горит... » (Б.Пастернак); Нужно отметить, что в ту пору конец февраля равнялся середине марта, т.е. весна. «Ты запрокидываешь голову — Затем, что ты гордец и враль. Какого спутника весёлого привёл мне нынешний февраль...» (Марина Цветаева об Осипе Мандельштаме); А вооб-

ще, хороший месяц, много снега на дворе, снег на крышах на деревьях и т.п. Люди в доме топят печи, в небо дым идёт столбом (кажется, Маршак).

ФИЛИН — 1. Филин-птица к пожару снится; 2. Знак зороастрийского календаря (1968, 2000, 2032); Стихи: «Филин — хозяин сиреновой ночи, / Мой невечерний брат. / Ты ловишь мышей. Я — хватаю строчки. / И оба кружим впотьмах».

Х — как известно, в старославянской азбуке эта буква называлась «Хер», эта буква использовалась в качестве эвфемизма более грубого слова, а после и сама стала синонимичным ругательством. («Херовые» стихи: «Буква «Х» ушла из ХРАМА — / В нём осталась только РАМА. // «Х» ушла из ХЛАМА — / Появилась ЛАМА. // Вышла «Х» из ХОДА — / Получилась ОДА. // Стал без «Х» ХВАЛИТЬСЯ — / И пришлось ВАЛИТЬСЯ».)

Ц — цепляющая буква; (Целенаправленный стишок: «Ц» на ЕЛЬ, / Из неё устроил ЦЕЛЬ».)

ЦЕПЕЛИН — «Ну, сколько же можно о цеппелинах, о дирижаблях!» — скажете вы. И я отвечу: «Сколько нужно, столько и можно». Может, мне просто стихи захотелось процитировать. Очень хорошей, между прочим, поэтессы. Елены, можно сказать, Спириной. Из самой что ни на есть Воздушной азбуки. Вот и процитирую: «Мы достали пластилин / И слепили цеппелин. / Я скажу любой зануде: / Не взлетит — целее будет». (Ну что, понравилось?) (Сравни: Дирижабль».)

Ч — что за буква! (Чепуховые стихи: «Буква «Ч» ушла на ЧАС, / Без неё остался АС. // «Ч» упала с ЧЁЛКИ / На макушку ЁЛКИ. // Влезла «Ч» на АРКУ, / Захватила ЧАРКУ». А вот ещё, но уже не мои, а народные: «Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж чрезвычайно чисто четырнадцать часов».

ЧАТЛАНИН — человек, вызывающий загорание оранжевой лампочки в галактике Кин-дза-дза. («Я всем скажу, до чего довёл планету этот придурок ПЖ — пацаки чатланам на голову сели!»)

ЧАТЛЫ — мелкие деньги на планете Глюк в галактике Кин-дза-дза.

ЧК — пишется без мягкого знака, и очень даже понятно, почему. Потому что там работал Железный Феликс и прочие стальные люди.

Ш — шепелявая буква; («Ша»-ловливые стихи: «Ухватила «Ш» топор, / Стал он штопором с тех пор. // «Ш» поймала УТКУ, / Не всерьёз, а в ШУТКУ».)

Щ — щедрая буква; (Щекотливый стишок: «Щ» пришла на ЁЛКУ, / Превратилась в ЩЁЛКУ».)

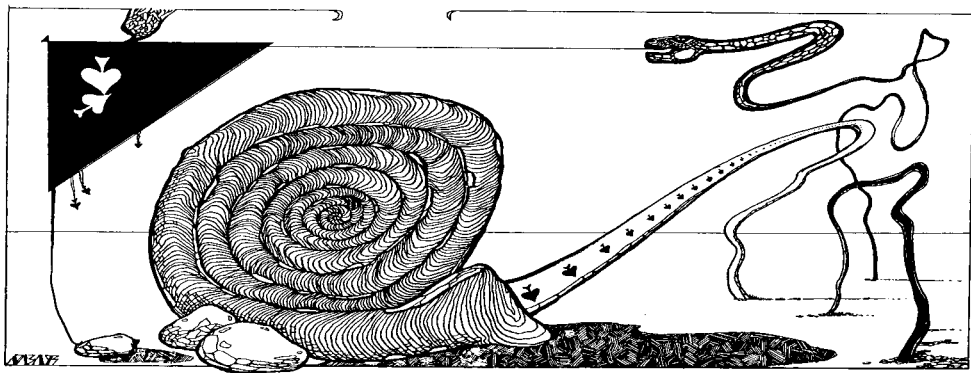
Э — это буква; (Э-поз: ««Э» нашла подъёмный КРАН / И устроила ЭКРАН. // Лежала, не мешала большая КИПА «Ж», / Их буква «Э» собрала, чтоб сделать ЭКИПАЖ».)

Ю — юродивая буква; (Ю-пою: «С буквой «Ю» и МОР ужасный / Станет ЮМО-Ром прекрасным».)

Я — буква-местоимение; (Я-помя: «Я» пристала, вот БЕДА. / Появился ЯБЕДА. // На КОРЬ Напала буква «Я». / «Пусть будет ЯКОРЬ из тебя!» // С буквой «Я» из ГОДА / ЯГОД ждёт природа».)

ЯМА — в переводе с японского гора. Например, Фудзияма означает гора Фудзи. (Яма (в русском смысле) снится к опасности.)

ИСТОРИЯ БУКВЫ

Из путеводителя:

Историко-философский трактат «История буквы» писался в 1992-93-94 гг. Первая часть трактата, посвящённая букве «А», была опубликована в моей книге «Излишняя жизнь» в 1994 году. Части, посвящённые буквам «Б» и «В», вошли в комментарии к первому тому настоящего собрания сочинений. И таким образом вся божественная троица первобукв уже нашла своё печатное пристанище. История остальных букв оказалась, конечно же, запущена, и где же ей ещё не приютиться, как в этом самом языческом заповеднике?

Я — или предисловие, написанное год спустя.

пятница

*«Я» — ключевая буква этого текста.
(ключ шифра)*

Разумеется, это не научный трактат. Может быть, это гипотеза, претендующая на возможность? Отнюдь нет. Ничего такого в материально существующем мире не происходило. И не происходило никогда.

Этот текст — есть одна развёрнутая на двенадцать лепестков метафора, в центре которой сосредоточено моё Я.

Параметры Вселенского Хаоса соразмерны космическим исканиям человеческого сознания. И та История Буквы, что разместилась ниже, на нескольких машинописных листах, это попытка изложить историю становления азбучных истин, откристаллизовавшихся из шизофренических блужданий по закоулкам взбаламученного сознания.

Первые три Буквы проецируют раскрытие и становление внутренней бесконечности из сумятицы перенасыщенного коктейля сознания и ощущения. А — реорганизация Хаоса, Б — пробуждение Мысли, В — рождение Духа.

Следующие семь букв описывают отношение к социуму, в который заброшено моё высокородное Я и в котором казалось бы совсем несуразные и заваливающие люди приоткрывают тебе новые, случайно оброненные и прекрасные истины.

И наконец, все остальные Буквы символизируют знания, накопленные в результате намеренного изучения достижений мировой культуры. И хотя по объёму они превосходят изначальные Буквы более чем вдвое, по значимости они намного уступают любой из предшествующих Букв.

Февраль 1994 года

А — первая буква, или самоорганизация Хаоса.

*Сначала, если ты знаешь, научи, что такое альфа,
и тогда мы поверим тебе о бете.
(Евангелие Детства)*

См. Михаил Погарский «Излишняя жизнь»/ Нижний Новгород 1994/ стр. 14-19.

Б — вторая буква, или зарождение мысли.

август

*Сказав «А», нужно говорить «Б».
(мысль)*

* * *

Всю жизнь он мечтал о роскошной женщине, а ему доставалась одна литературная слава. И наконец он стал так известен, что роскошные дамы стали осаждают его домоганиями, но увы, к тому времени он уже был импотентом и хотел написать хотя бы одну строку, достойную гения...

Он перерастал свои романы быстрее, чем успевал занести их в блокнот, и новый роман всегда начинал с середины предшествующего или не начинал его вовсе.

И было трудно написать классический роман на пустом месте, но ещё труднее было писать его на том месте, которое занято.

И невозможно открыть только первую букву, но как открыть вторую, если уже есть первая?

* * *

Неблагодарное это дело — выдавать истины. Она (истина) тебе доверилась, пришла на зов тоскующей души, открыла сокровенные вуали, интимные подробности своей домашней жизни, а ты взял да и выдал её. И есть ты после этого: фуэта из-под ногтей; писатель-предатель; человек-рифма; продолжение пера, за строкою бегущее... И: «то не кровь в тебе бушует, а чернила плещутся, то не бес тобой шельмует, шельма с тобой шепчется».

* * *

Ты возомнил себя открывателем... Ошибочка вышла. Ты, брат, разливатель! И глаз твой нетрезв, а рука дрожит...

Купи себе верблюжье одеяло, укутайся с головой и нюхай свистящее во все дырки, но не выдавай свой бздёх за игру на кларнете. Даже глухой не поверит тебе, ибо он сможет почуять запах дерьма за твоим силным треском.

* * *

Если ты заперт в своём застиранном белом свете, то никогда тебе не преподнесут в подарок звёздное небо.

Если бы ты был Богом, то ты никогда бы не стал им.

Безобразия и бесподобия в тебе куда больше, чем этого самого образа и подобия.

* * *

Ну, и отвяжитесь вы со своими придирками. Я претендую как минимум на Вселенную. Вселенную, в которой поселился.

И бред каурого жеребца никогда не будет понят сивой кобылой, ибо она хочет сена, а он помешан на беге.

* * *

Привычка давать звёздам имена — дурная привычка.

Привычка ходить по планете — дурная привычка.

Привычка жить — вообще чёрти что.

А вот привычки писать стихи — не бывает.

* * *

Новое слово в низвержении привычек. Солёный пот пресноводных рыб. Море. Пять стаканов портвейна по местным обычаям — норма. Выход в пространство —

это всего-навсего выход в пространство. Корень зла не существовал никогда. Зато это дерево дало много плодов.

Ответ затруднителен по причине, не стоящей никакого труда.

Плюнь в чернильницу, и твою слюну будут вырубать топором. Не рубят.

* * *

Увлекательное путешествие в чужой тетради. Где дерзновение перемешано с мерзостью, ролик с ролью, а чернила с чернью.

Черновые наброски непрошенной мысли.

Борьба свету и тани за потерянный мячик.

Выход в рухнувшую тень.

В середину мяча, что казался упругим.

* * *

См. далее 1-й том настоящего собрания сочинений, стр. 32 (эпиграф).

* * *

См. далее 1-й том настоящего собрания сочинений, стр. 145-146.

В — третья буква, или рождение Духа.

сентябрь

А и Б сложились по рублю,

Не хватило каждой по нулю.

(песня)

На троих хорошо соображать и молиться.

(почти пословица)

См. далее 1-й том настоящего собрания сочинений, стр. 96-97.

Г — четвёртая буква, или несчастный Случай.

октябрь

Глупо быть глупым, но ещё глупее не быть им.

(избитая мудрость)

Буква «Г» была сработана не Божественным провидением, не хаотическим Случаем и не завихрением Вселенной.

Букву эту сработал святой великомученик Дидим Иуда Гаврил, который ранним утром того приснопамятного дня мастерил в своём дворике виселицу, собираясь простодушно повесить на ней непутёвую свою жену Гавриноиху за то, что она намазала жгучим перцем свою нежную грудь и Дидим Иуда обжёг чувственные губы свои, пытаясь разделить утреннюю трапезу со своим годовалым сыном.

Смастерив подходящую виселицу, святой великомученик представил, как его непутёвая жёнушка будет покачиваться на осеннем ветру и никогда уже не сможет обжечь ему губы своей нежной грудью. Представив всё это, несказанно обрадовался Дидим Иуда Гаврил, и рот его сам собой расплылся в счастливой улыбке. «Гы-гы-гы! — сказал Дидим Иуда. — Ужо тебе достанется! Гы-гы-гы!»

А жена его, полюбопытствовав, чему это там радуется её обожаемый идиот-муженёк, тут же смекнула, в чём дело, и понеслась по деревне, рассказывая, что её благоверный супруг, Святой великомученик Дидим Иуда Гаврил, придумал четвёртую Букву, под названием «Гы», и изваял её с дубовой добросовестностью.

Тут же собрался народ подивиться на диво рук человеческих, и... на всякий случай повесил на новой Букве её непорочного мастера, чтобы другим неповадно было вмешиваться в дела Провиденья, Хаоса и Творчества буквы.

А «Гы» так и осталась «гы», а так просто не повесишь, не убьёшь.

Д — пятая буква, или приближение к дерьму.

ноябрь

Дикие нравы до добра не доводят. Так и случилось.

(воспоминания плотника Д.)

Дурной пример — поразителен! Поражённый народ сплошь и рядом засел за буквотворчество. Да только без толку всё не было. Ничего нового придумать пораждённый народ не мог. Гыкали, акали, бекали, вякали — ничего не получалось. То есть совсем ни-че-го!

Один только Добрыня Дорофеев буквотворчеством не занимался, а, наоборот, всё больше сортиры строил.

И вот однажды устроил Добрыня новый сортир для роскошной женщины Двойры. Хороший сортир, с белотёсаным порошком, с ямой в человеческий рост и с очком вполне подходящих размеров. Дверь токма прибить ему оставалось, и закончен бы был нужничок для роскошной женщины Двойры. Да вот незадача — уронил Добрыня в сортирную яму инструмент свой незатейный. Полез было достать да...

*Да призадумался, а голова его в очке торчала.
На ту беду из дома Двойра вышла
И говорит ему: «Зачем ты там, Добрыня?»
«Да вот», — хотел сказать Добрыня,
Но в буквах с пернугу запутался,
И только «Д» проговорить сумел.*

*Хоть и глупа была не в шутку Двойра,
Но эту букву распознать сумела...
И, как сорока, весть в деревню понесла.
Ну, а Добрыня, вспомнив о Гавриле,
В свои штаны порядком наложил
И с грузом тем в бега скорей подался...
И уж сортиры он не строит с этих пор.*

Е — шестая буква, или брага и братья декабрь

*Если и есть в этом мире что-то, то не каждому оно в руки даётся.
(Размытое Размышление)*

Ёлы-палы, сказало население Земли. Кто сочинит шестую букву, того ни вешать, ни тем более убивать мы не будем. Всё одно от напасти — куды деваться? Ежели завелся в умах энтот букво-вирус, то никаким огнём его не повыжжешь. И воотще, мол, то — есть прерогатива Господа нашего за помощь себе, самому и расплачиваться. А потому живите, не притворяйтесь, разводите буквы, хоть и не доведут они до добра, но и лиха авось не накличут.

Вот такие были настроения в том пятибуквенном мире, в далёкие времена, когда до седьмого неба было рукой подать, а до седьмого пота и киркой не достучаться.

Люди тогда были всё больше философы, великомученики и сортиростроители. Любили повесить кого-нибудь в одночасье или, наоборот, с дуру поставить на ноги. Все носили в том мире красные штаны и кудрявые головы, а после обеда чесали живот черепаховым гребнем.

И только Емельян и Егорий Ершовы животы свои не чесали, а по обыкновению пили в то дремотно-послеобеденное время хмельной напиток из пророщённой пшеницы. Так и говорили: «Пшли, это, пшеничкой поджакрепимся...»

И вот однажды до того они этой самой пшеничкой наподжакреплялись, что брат Егорий в порыве своей братской любви и нетерпении сердца закусил очередную корчагу хмельной пшенички большим и указательным пальцем бедолажного брата Емельяна. «Е-е-е-е-е!» — заверещал в дикой боли братан Емеля и понёсся стремглав по деревне, справедливо опасаясь за судьбу оставшихся от закуски пальцев. «Е-е-е-е-е!» — верещал (а, пожалуй, что и вешал) Емеля и мчался сквозь удивлённых жителей, выставив вперёд окровавленную руку.

А народ-то, конечно, сразу заприметил в знаке том шестую столь долгоисканную букву. И отвесил низкий поклон святым и непорочным алкоголикам Егорию и Емельяну.

На дерьме и крови были замешаны первые неуклюжие буквы, сочинённые человеком, уподобившим, в гордыне своей, самого себя Великому Хаосу.

Ё — седьмая буква, или лёд и сплёвень.

январь

Был бы пар, будут и припарки.

(поговорка)

После шестого буквооткрытия мир человеческий, можно сказать, что букваль-но спился. То есть даже, можно сказать, запил по-чёрному, надеясь в пьяном запале открыть ну хоть ещё одну букву.

Но всё гениальное не повторяется дважды. И все потуги расширить мир шестибуквия приводили лишь к сблёву и прочим выворачивающим непотребствам.

Токмо старый егерь Антип не пил по идейным соображениям, а пил просто так, по старой привычке. И вот, будучи по привычке своей зело нетрезв, подошёл он к идейно-пьяной компании, рассматривавшей протянутую руку святого Емельяна трёхпалого и плотоядно примерявшейся к оставшимся пальцам. И тут егерь Антип, сильно осерчав на идейных, ловко послал два плевка над Емелиным обгрызком, которые по причине лютого мороза обледенели в полёте и, провисев с полсекунды в воздухе, упали на Землю с серебристым рассыпчатым звоном. «Тьфу на вас, Ё-моё!» — заявил идейным своё слово Антип. И тогда все вокруг поняли, что Ё и действительно его...

Вот она, славь-то житейская, не к тому приходит, кто трудами праведными, не щадя живота своего, к ней шёл, а к тому, кто живот не щадил по иным причинам и просто в время плюнуть сумел на людское пустое маение.

Ж — восьмая буква, или жил-был жлоб.

февраль

Символы разбросаны по миру.

Лишь сумеи их разгадать, прохожий.

(вздых)

Мир тогда был так молод, что семь считалось последним числом, и после открытия буквы «Ё» алфавит был впервые закрыт. Люди праздновали победу! Закрывателя Антипа носили на руках, и он плевал с ручного верхотурья на все четыре световые стороны. А почитатели его собирали раритетные плевочки и прятали их в холодильниках. Всемирное помешательство достигло своего апогея. Пили не только старики и малые дети, но и вполне серьёзные зрелые люди. Всем казалось, что счастье не за горами, но вот оно — возьми и потрогай. А хочешь — нарисуй. Все семь букв твои. И четыре из них, куда ни плюнь, а своим братом-землянином в трудах и ратных подвигах воздобыты. Человечество, мол, впервые превзошло божество, ну, хоть не на вес, а поштучно. Однако же всё равно есть, чем гордиться. И оно гордилось в детском безумии своём, празднуя закрытие мирового алфавита.

Не до праздника было лишь жлобу Жержору. Было у того жлоба его огромное жлобское горе, которое не скрасит никакой тебе самый что ни на есть алфавитный праздник. Да и до празднику ли тому, у кого елда достаёт аккурат до самого полу, и всякая, ну даже самая роскошная, женщина опасается жлобскую елду не что-то там чего-то, но даже ручкой потрогать. Поди как тут станет не грустно? Вот и опостылела нашему Жержору его жлобская жизнь в этом мире. Ввалил он себе на плечи бочонок крепкой пшеничной водки, сунул в карман маковую росинку и пошёл от мира сего — анахоретствовать в дикую пустыню Гоби. Беседовал он там с птицами, водку пил, аки пёс, не закрывая глаз и видя отражение своё на дне бочонка, а похоть свою лютую жлобскую утолял, оплодотворяя дикую пустыню

Гоби. И вот на восьмой день своей отшельмовской жизни жлоб Жержор нажрался до положения риз и, вылизывая остатки в дубовом бочонке, опрокинул его на округлый бок, да так и уснул головой в нём оставшись, руки-ноги поразбросав, а елду свою, аки струночку, в направлении севера уложив. И приснилось ему, горемыке елдоприисному, что заправил он свой окаянный отросток синеглазой верблядице аж по самые уши. А она, кокетка такая, улыбается ему своей саблезубой улыбкой и горбиком эдак призывно помахивает. «Жоп-ля-ля-ля!», — заорал во всю опустевшую бочку жлоб Жержор от невыразимой сладости своего пустынного сна. И проходящий мимо в тот момент караван с корицами, гвоздями и прочей мелкой шелухой узрив на гобийском песке косолапый символ из шести расхождений, громобочно оглашающий всю пустыню горячим выкриком «Ж». Догадливый караван тут же смекнул, в чём, собственно, дело, и тут же разнёс сию великую весть по всей теперь уже восьмибуквенной поднебесной.

Вот так, среди жёлтых песков, была не только составлена восьмая буква, но и превышено последнее, по тем временам, число.

А жлоб Жержор был канонизирован и награждён пожизненно стадом синеглазых верблядиц.

З — девятая буква, или замурзанные звёзды.

март

Зачем, зачем ты сердце мне разбила?

(ПРичитыние)

Разбитое, набок упавшее сердце.

(герменевтическое толкование буквы «З»)

Апосля тех великих событий честной народ окончательно свихнулся. Каждый пятый уходил осеменять пустыню Гоби, каждый четвёртый плевал во все стороны, каждый третий огрызлся на пальцы своих собратьев, каждый второй залезал в сортиры и каждый первый собирался повесить свою жену. В общем, старались люди. Но, естественно, без урода не обошлось. Штатный урод Зипуня Заикнутый ничем таким богоугодным не занимался, а всё больше в носу ковырялся да вилками по воде писал.

И случилось же такое, что как-то раз перепутал Зипуня Заикнутый по уродству своему и недоумию волны берега и волны воды, да и завместо того, чтобы, как обычно, вилками по воде писать, накрутил на песчаных волнах дюже знатную закорюку, похожую на разбитое сердце, сел рядом со своим бестолковым художеством и заплакал. Нюни, как говорится, распустил. Горько и обидно стало Зипуне за ошибку свою, а как вспомнил он о ратных подвигах человечества на пути освоения буквы и знака, то зарыдал пуще прежнего, да не просто зарыдал, а с призывюкиванием: «Зю-зю-зю!» — вопит. — «Зю-зю-зю!» — и слёзы свои идиотские на брег песчаный и пустой роняет. Собрался тут народ, смотрит — и вправду «Зю».

Ах ты, мама дорогая! Тоже мне, урод, а туда же! И ладно бы кто! А то ведь — фантик от какашки, жопа с трещинкой, и вот поди ж ты! Девятую букву выдумал. Ну уж, куды деваться теперь-то? Быть тебе, Зипуня, замурзанным буквородком.

И, Й — десятая буква, или идиома идиотизма.

апрель, май

Колоть дрова? Неслыханное дело!

(неслыханная прибаутка)

После таких делов Мир стал малёк того. Помутился. Все, как один, перестали притворяться нормальными. Произошло великое увеличение лямых, кривых и придурков. Если раньше каждый второй был придурок, а каждый третий лямой, то теперь в каждом первом уживался и лямой, и придурок, и ещё сочинитель буквы. Все они пускали друг другу пыль в глаза, писали против ветра, смешили разных непутёвых кур и вилками взрыхлили весь городской пляж в поисках зарытых

сокровищ первой азбуки. Ходили они запylённые, обоссанные, с мозолями на глазах и вилками на боку и детей своих с самого детства обучали дорожному их сердцу лямому промыслу.

А надо сказать, что в те нелёгкие времена у лямого придурка Аристарха жили приблудные сиротки-близнецы по прозванию два Ивана. Были эти сиротки до того дурные, что даже всеобщей дури и вселенской блажи не подчинялись, а жили совсем своей идиотской жизнью: кололи дрова, топили печь, ходили по воду, варили кашу и кормили своего приёмного отца Аристарха. Пляж они вилками не взрыхляли. Пыль в глаза не пускали. Писали исключительно в сортир. И втихомолку посмеивались над курами и остальными придурками.

Однажды поутру кололи они, как обычно, буковые поленья для печки, а может быть, просто для развлечения. И случилось так, что одно полешко расщепилось надвое с тонкой косой щепочкой соединения. «И», — сказала половина двух Иванов, занёсши топор над головой. «Й», — добавил он, проставив мимолётный удар над новолущенной буквой. «А ведь ты, брат, две буквы придумал», — сказала ему вторая половина.

И слух о деяниях ивановых разнёсся по всему придурочному миру со скоростью кирпича, пущенного незнамо кем. А мир опять прикинулся нормальным и был восстановлен.

Все остальные буквы, или глас Глаголов.

шопь

Остатки сладки.

(не очень верное наблюдение)

Все остальные буквы было решено сочинить общим голосованием, когда рак на горе свистнет. И для этой высокой цели специально был выделен смышлёный хлопец с абсолютным слухом по прозванию то ли Кирилл Мефодьев, то ли Глагол Глагольев, то ли ещё почему как, что, впрочем, неважно.

Так вот, этот самый Глагол Кириллов сидел себе во дворе и слушал, слушал, слушал и больше ничего. Тут как раз рак свистнул. Кирилл быстернько вскочил, написал все остальные буквы и ушёл спать.

По ту сторону азбуки, или послесловие.

суббота

Мол, лучшие бы молчали.

(совет)

Много воды утекло с тех пор. Менялись шрифты и азбуки. Глаголица становилась Кириллицей, а Кириллица впадала в ересь гражданского шрифта. Некоторые буквы отменялись декретами, а какие-то просто временем. Происходили необратимые изменения вечносопливой носоглотки, и с умершими буквами умирали звуки. Мир грубел и хирел. Азбука тощала и нищала. Но божественным стержнем светились в ней три изначальные буквы, вышедшие из Великого хаоса мысли и духа. И загадочным смехом излучались шесть одинарных и одна двойная, созданные святыми придурками по неразумению и бесовской толковости их. И твёрдо стояли на ногах все остальные буквы, сработанные смышлёным хлопцем Глаголом.

Что уготовано им в грядущем? Какие транскастрофы? Об этом наша история, как и всегда, умалчивает.

ЗДАНИЕ СЛОВЕСНОСТИ

*Жанры, стили, фигуры речи,
кирпичики здания изящной словесности.*

Из путеводителя: Это был один из очередных грандиозных планов: построить эдакое нетрадиционное здание Изящной словесности. Где о каждом элементе этой самой словесности будет сказано нечто новое, свежее, нестандартное. Конечно же, надолго меня не хватило и буква «А» оказалась, как всегда, наиболее полной (не скажу окончательной). Всё это писалось и собиралось в разное время, кусочками, начиная, пожалуй, года с 1990-го. Поэтому разностилье и эклектика являются составной частью этой так и недостроенной постройки. Но, как уже говорилось, руины всегда интереснее цельного здания, а тем более литературные руины...

АКРОСТИХ —

*«А если нам стихотвореньё
Кропать в особенном порядке,
Рисуя им на первых буквах
Отдельно созданное слово?
Се будет дивное твореньё —
Торчком поставленная фраза!
И называться будет это,
Хоть и стихом, но всё же акро!»*

(из цикла «Вольности и формальности»)

«Краегранесие, краестрочие, иначе акростих (от *ακροξ*, — край и *στιχοξ* — стих, строка), есть начальные буквы в песнопениях, из которых букв составлено одно или многия речения. Так, канон мясопустной недели имеет на греческом языке в начальных буквах троичных и Богородичных тропарей следующее краестрочие (акростих): «недостойного Фёдора». Находятся и в славянских канонах краестрочия, например, в каноне с. Дмитрию Царевичу Краегранесие: «Хвалю славу Царевича Дмитрия».

(Словарь названий молитвословий песнопений церковных)

АЛЛЕГОРИЯ — иначе сказать, иносказание.

АЛЛЮЗИЯ — образ, штрих, движение, навевающие мысли о чём-то уже известном или смутно знакомом. Иллюзия незримого присутствия далеко отстоящего текста.

АЛЛИТЕРАЦИЯ — повторение одинаковых или однородных согласных в стихе, иногда в прозе. И.Ю. уверяет, что «аллитерация сигнализирует о неуверенности авторов в том, что он хотел сказать в этом месте текста» (Телеги & Гномы). В возражение приведём пример из собственных сочинений: «Шалунишка буква «Ш»/ Ночевала в шалаше,/ Да всю ночь шалфей шуршал —/ Спать шалунье не давал» (М.Погарский. «Азбука»). Комментарии, я думаю, излишни.

АМПЛИФИКАЦИЯ — (букв. расширение) это такая фигура литературного стиля, осуществляющая нагнетание синонимических тропов или повторение однородных слов. Например: «Я целый день вчера бухал,/ Дубасил, квасил и кирыл./ Надрался в лоск, в дымину, в мат,/ Чему сейчас не очень рад» (песенка).

АМФИБОЛИЯ — (в пер. с греческого двусмысленность) фраза, допускающая двойное толкование. Например: «Стакан для спирта, который стоит в столе».

АНАГРАММА — слово или фраза, образованная перестановкой букв. Например: «Спаниель — Апельсин»; или «О, портвейны с утра должно — Словно рота, пей ты дружно».

АМФИБРАХИЙ — это означает, растолковывая греческий, с двух сторон краткий; приведём пример: «Как ныне собирается стих-амфибра/ Создать вековое творенье./ Пусть слоги и рифмы, как дождь из ведра,/ Обрушатся в стихотворенье» (из цикла «Меченые метры»).

АНАЛОГИЯ — связь вещей, не обладающая логической цепочкой. Смутно похоже, но из другой области. («Вот, к примеру, не плачу налоги я,/ И тому есть, братцы, аналогия:/ Так не платят птицы за пролёт.../ А моя-то жисть — она высокая,/ Я летаю сверху вниз, не охая,/ И со мной не охает народ». (Не знаю, откуда я знаю эту песню, что-то слышал, но, может, и сам придумал, не суть важно, поскольку она хоть и глупая, но зато поучительная.)

АНАПЕСТ — стихотворный размер с ударением на третьем слоге; («Если пасмурен стих, если рифма бела,/ Если ветер средь строчек бушует,/ Я анапестом выжгу своё сердце дотла,/ Пусть оно третьим слогом тоскует» (из цикла «Меченые метры»).

АНАФОРА — (в пер. с греческого вынесение вверх) стилистическая фигура, повторение начальных звуков, слов, фраз и т.п. Например: «Выпью водки, выпью пива —/ Ничего мне нипочём./ Выпью водки, выпью пива/ И прилягу в грязь лицом».

АНЕКДОТЫ — витамины от будничной серости; анекдоты бывают: пошлые, политические и не смешные; самые короткие анекдоты состоят из двух-трёх слов,

например: негр загорает, колобок повесился, баня — через дорогу раздевалка, парихмахерская для лысых, кино для слепых, радио для глухих и т.п. Самые длинные анекдоты занимают целые тома. Например, существует жанр романа-анекдота.

АПОКРИФ — то, что не принято в канон, не признано боговдохновенным. Апокрифы продолжают появляться и поныне. Одни из наиболее симпатичных, появившихся за последнее время, это «Апокрифы Феогнида», сделанные Н.Л.Уперсом.

АРХЕПОЭТИКА —

*«Первобытный забытый падеж,
Странный мир без ещё окончаний...
Человечество вне одежд
И поэзия без признаний...
Незатейливых сотня слов:
Есть, охотиться, видеть небо...
Мир не стар, но уже не нов.
Он не стал, но и как бы не был...»*

(из цикла «Археология поэтического слова»)

АССОНАНС — «К ассонансу ассонанс — Будет, скажем, аргомак».

АФОРИЗМ — 1. это фраза, дающая фору трактату и всегда выигрывающая в забеге на спринтерскую дистанцию; 2. это сознательная афёра, приводящая к формальному измельчению текста. Наикратчайший афоризм придуман Козьмой Прутковым, и поскольку он состоит всего-навсего из 3-х (трёх) букв, мы приведём его безо всяких сокращений: «Бди!». Многие краткословы неоднократно пытались побить рекорд великого мастера, придумывая всевозможные: «Ва!», «Во!», «О!» и т.п., но нам кажутся все эти эксперименты пустопорожними, хотя, разумеется, заслуживает внимания вот такой афоризм: «!», но в этом случае следует, видимо, идти до логического предела и остановиться на следующем варианте.

БРЕД — «Траектория Большого Бреда — это прямая линия или даже точка, спрессовавшая в себе всю сеть мировых событий. Остановить и даже просто уловить Большой Бред неимоверно трудно, можно лишь почувствовать его легчайшее прикосновение в те невесомые промельки жизни, когда пространство и время перестают существовать» (из сочинений Лаэрта Делирия, 13-й век до старой эры). «Однажды некий сумасшедший Ювелир построил квантовое зеркальце для сына, соединив в неразрушимый треугольник три разноцветных, разноликих кварка... И вот мальчишка развлекался тем, что запускал в маренговое небо тончайших зайчиков от иллюзорных звёзд... Случилось так, что в фокус зеркала (случайно) попал тот самый невечерний бред... Среди философов бытует убеждение, что весь наш мир как раз и есть то самое отраженье Большого Бреда в квантовом зеркале, которым играет маленький мальчик».

(из книги «Ювелирная техника бреда»)

БРЕХНЯ — тончайший жанр, как правило, устного творчества. Искусный брехун просто незаменим в скученных местах вынужденной неподвижности: больницах, тюрьмах, лагерях.

БРОШЮРА — «Брошюра — это аморфное состояние слова, брошенное в водоворот жизни и либо тающее от её жара и протекающее сквозь пальцы человечества, либо застывающее от холода времени и становящееся памятником литературы».

(из книги «Издания и здания»)

БУКВА — «С дерева покрикивает жаба. / Три плюс три — равняется пяти. / Это слово — слов основа и оправа, / Без чего ему никак не произойти».

(из книги «Шаровидные шарады»)

«Буква — это абстрактная форма. Отдельная буква, стоящая сама по себе, подобна одинокому звуку в музыке. Теоретически буква может рассматриваться отвлечённо, независимо от других, но своё подлинное звучание она приобретает только в связи с другими, практически буква — часть алфавита, которому она принадлежит, или часть композиции, в которой она участвует. Рисуя форму буквы, художник должен прежде всего подчеркнуть её изначальную конструкцию, на основе которой и возможны различные варианты».

(из книги И. Птаховой «Простая красота буквы»)

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ — «Визуальная поэзия — это маргинальная область европейской литературы и графики, но сердцевина поэтической традиции Китая, Японии и Кореи».

(из книги Ле Марконье «Графство Графики»)

ГАЗЕТА — «Газета — это газообразное состояние слова, подвластное текущему ветру событий, возникающее от испарений жизни и разлетающееся в прах под прессом перемен».

(из книги «Издания и здания»)

ДАКТИЛЬ — «Вырыта дактилем рифма глубокая. / Вымыта стилем строка. / Сильное место укажем, не охая. / Выстроим стих на века».

(из цикла «Меченые метры»)

ДРАЗНИЛКА — «Раз, дразня дразнилку вилок, съел дразнильщик слов опилки! Чуть-чуть не поперхнулся» (из книги «Устатворения»).

ЖУРНАЛ — «Журнал — это жидкообразное состояние слова, журчащее, подобно ручью, разрастающемуся от впадений новых источников, пересыхающему в засушливое время. И освежающее родную речь».

(из книги «Издания и здания»)

ЗАКЛИНАНИЕ — «Доподлинно известно, что если написать слово «абракадабра» одиннадцать раз в треугольном порядке, используя вместо чернил молоко только что родившей семнадцатилетней женщины, то все злые демоны тотчас исчезнут из дома. Однако мало кто знает (и на это есть свои причины), что если написать то же самое слово, но 16 раз, выстраивая из него квадрат и взяв для записи менструальную кровь 66-летней девственницы, то из глубин квадрата вырвется ящерокрылый кадавр, пожирающий своего создателя. И спастись от него можно лишь при помощи 18-кратной абракадабры, написанной спермой молодого отца (причём лучше всего, если это будет брат той, чья кровь породила кадавра). Кстати, кадавра можно приручить, если не поставить в 18-й абракадабре последней «А» и держать ящерокрылого монстра под страхом изгнания. Однако нужно быть предельно осторожным, ибо стоит сперме забелковаться или протухнуть, как она тут же потеряет кадавродержашую силу. Другой безотказный способ подружиться с кадавром — это предложить ему тройную дозу мескалина. Но иногда после этого кадавр превращается в обычную галлюцинацию».

(из книги «Кровавые клинья заклятий»)

ЗАМЫСЕЛ — «У одного Великого Поэта родился грандиозный замысел. Но поэт был весел и беспутен, и его расхристанная жизнь всё время мешала воплощению замысла. И как-то раз он поделился своими задумками со своим собра-

том — Великим Прозаиком. Прозаик так загорелся этими сумбурными поэтическими наметками, что потратил на их воплощение всю свою бесконечную жизнь... А у поэта возник ещё один замысел, причём не менее грандиозный, а потом ещё и ещё, и ещё... Он жонглировал ими, как осенними яблоками, он бросал их, словно водородные бомбы, на тот, первоначальный, что когда-то отдал Прозаику... Он постоянно твердил о сухости исполнения и о том, что Прозаик делает его замысел слишком уж правильным, а потому и слишком скучным. Он убеждал Прозаика приняться за что-то другое, а этот Замысел оставить самому себе — пусть развивается по собственным законам. Он говорил, что к старости и сам попытается что-нибудь воплотить — перевести субстанцию своей мысли в реальность, но не сейчас... Сейчас его влекут другие, ещё не пришедшие, но уже гениальные замыслы...

И, между прочим, персонажи Замысла окрестили Великого Поэта — Демоном зла, а Прозаик получил имя — Создателя».

(из книги «Экспериментальные исследования скорости мысли»)

ЗАУМЬ — «Она нежным громом врывается в говор и, освежив его звонким сиянием, уходит восвояси».

(из книги «Дзинь. Дзн. За»)

«Транслингвистический поток / изрядно-вычурных ворчаний, / как свежеречевой глоток / гремуче-пенистой Шампани!»

(из книги «На пределе лингвистики»)

ИДИОМА — «Идиома — это идиотическое словосочетание, признанное нормальным».

(из книги «Иди ты!»)

КНИГА — «Книга — это твёрдое состояние слова, высеченное на века и неподвластное забвению, но иногда сгорающее в огне непонимания».

(из книги «Издания и здания»)

КОМПЛИМЕНТ — «Ежели барышня белокура и синеока, то надлежит произносить хвалу хрупкую, томную, витиеватую, а ежели барышня, наоборот, черно-волосая и черноокая, то надобно говорить горячо, рьяно и немного сумбурно».

(из книги «Приклады како пишутся комплименты»)

ЛИСТ — «Лист..., листок..., невидимая связь бумажных листов и листьев дерева — очевидна. И точно так же, как невозможно найти на одном дереве двух одинаковых листьев, невозможно найти и двух одинаковых рукописных листов... Печатный лист — это нонсенс. Печатный лист так же далёк от рукописного текста, как искусственные цветы далеки от живых. Печатный лист — это всего лишь слабый эрзац рукописи, всего лишь бледная репродукция с яркого оригинала... И однако же печатный лист, при всей своей многотиражности, имеет в каждом конкретном случае неповторимый аромат прочтения. А следовательно, и в нём таятся ростки скрытой жизни. В этом и заключена та странность и притягательность печатного листа. То подспудное дыхание засохшей мумифицированной жизни, перекочевавшей из физической реальности на территорию свободного сознания».

(из книги A.N. G. «Blade of sheet»).

МЕМУАРЫ — «Me-e!», «My-y!», «A-a!», «P-ry!»). Вот, собственно, и всё, к чему сводится большинство мемуаров. Однако читать это звероподобное творчество безусловно интересно и поучительно. Одним из первых примеров мемуаристической прозы была «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции». Это поистине блестящее произведение до сих пор остаётся вершиной этого занятого жанра.

(из книги «Муары на тексте»)

МЕТАФОРА — «По необъятным просторам метагалактики, сотканной из слов и откровений, металась неуловимая летучая Метафора — праматерь всех языковых изысков и тропов. Иногда она оседала в капельках чернил, дрожащих на самом остром пера у того или иного гениального поэта, но так ни разу и не сорвалась».

Кто знает, что произойдёт, когда она сорвётся? Возможно, мир насквозь преобразится и перейдёт в иное измерение. А может, просто увлажнит слеза какую-то простуженную душу. Хотя, естественно, вне всяческих сомнений, сии события почти равновелики».

(из книги «Рождение Метафоры»)

МИФ — «Миф — это Мысль и Фантазия, Мистика и Философия, Мораль и Феерия, Метафизика и Фантазмагория, Мировоззрение и Фиглярство».

(из книги «Замкнутое множество мифологии»)

МОЛИТВА — «В Библии досконально объясняется, как нужно молиться, но ни разу не упомянуто, а зачем? Предназначение молитвы покрыто утренним туманом неясности. Молитвы с благодарностью унизительны для Бога. Молитвы с просьбами унизительны для просящего. Молитвы с жалобами вообще не лезут ни в какие ворота. Единственный смысл, который может иметь молитва, это — объяснение в Любви. Но настоящая Любовь не терпит частых озвучаний, и любое объяснение — это шаг к угасанию любви. Впрочем, мне сейчас пришла мысль, что молитва — это просто воспоминание о Господе, подобно телефонному звонку своим старым родителям. И тогда это хорошо».

(из книги «Квадрат мнимой единицы»)

«Кто молится только устами, а об уме небрежёт, тот молится воздуху: бог уму внемлет».

(из сочинений Нила Сорского)

МОРФОЛОГИЯ — «Если хотя бы нанемного отвлечься от скучных школьных определений, то сколько поэзии и скрытого смысла таится в названии каждой части речи! Существительное — то, что существует, самая суть языка, хоть и склоняемая, но непреклонная сущность. Прилагательное — то, что к чему-то приложено, приложение, избыточная составляющая языка. Глагол — глаголящий, то есть говорящий, объясняющий, а что тут, собственно, происходит. Гладь времени, спряжение голого пространства. Местоимение — вместо имени взятое. Местоимение может иметь лицо, а может быть безликим. Наречие — наречённое. Причастие — причастное к чему-либо. Деепричастие — действующее причастие. Союз — то, что соединяет. Предлог — то, что предваряет. Междометие — ещё не слово, но уже идущее к нему. Языкова метка. Числительное — числа в языке. И, наконец, частица — кусочек, учащающий язык».

(из книги «Морфологическое море»)

ОБЪЯВЛЕНИЕ — Внимание всем постам Мечты! Сегодня объявлен всеобщий миг открытых дверей. Пьяных и сумасшедших не задерживать. Поэтов и влюблённых потчевать шампанским. Прекрасным дамам преподносить цветы и звёзды. Космонавтам и детям дарить бумеранги. Дикарей и коммерсантов угощать блестящей денежкой. Навигаторов и менестрелей одаривать свежим ветром. Всем и каждому по стаканчику лунной сонаты. Дозволить желающим погладить холодную вечность.

Не пропустите этот редчайший миг. Короткий миг, вместивший бесконечность.

(из книги «Проявление внутренней сущности объявления»)

ОКОЛЕСИЦА — «Где-то на шестом краю света в дремучем непроходимом лесу стояла хижина. И в ней без всякой задней мысли издревле обитала демоническая сущность. Она умела играть на флейте и нести околесицу. В благодарность за это шестикрылые бабочки, коих там было больше, чем листьев в лесу, устраивали для сущности тень от горячего солнца и поили её вином из колокольчиков и васильков. Пьяная сущность добрела, и околесица у неё получалась наваристой и гуще, а флейта звучала всё задушевней. Тогда и бабочки кружились быстрее в своём пленительно-порхающем балете, и васильковое вино становилось крепче.

В конце концов дремуче-демоническая сущность напилась до последнего предельного полёта, и околесица её стугилась в запятую, которая с тех самых давних пор блуждает в языках и предложеньях. И многие великие поэты в ней ощущают запах васильков».

(из книги «Окололесная околесица»)

ПАЛИНДРОМ — «Лавра ела да и пела. Муза поила. Чепуху пиит умно дарил. Се дар. А вон слов уловка. Как волу вол снова рад, если рад он мути и пуху печали. О паз ума, лепи, а дале — аврал».

(из книги «Обратимость как жанр»)

ПОСЛОВИЦА — «Пословица — это трещина языка, заполненная опьяняющим смыслом».

(из книги «После следствия»)

ПРЕДЛОЖЕНИЕ — «В немецком языке предложение «satz» — это набор, комплект, быть может, скачок от бессмысленного набора слов к осмысленной фразе; в английском языке «sentence» — это приговор, изречение, сентенция, а в русском — это призыв, предлог, предложение...» «Язык — отражение характера народа».

(из книг: «Предложный падеж» и «Язык. Язычество. Языкознание»)

ПРЕДИСЛОВИЕ — «Если в начале было слово, то предисловия быть не может».

(из книги «Камера хранения»)

«Но вопреки очевидностям предисловия существуют. Однако вполне понятно, что они предваряют Слово лишь при прочтении, но никогда при написании. Собственно, очень похоже на то, что человечество до сих пор не прочитало того изначального Слова, а всё ещё листает предисловие».

(из книги «Приручение слова»)

РЕЦЕНЗИЯ — «Рецензия — это разрез рукописи в рамках отведённого ценза».

(из книги «Труды беспечного рецензента»)

РЕЧЬ-I — «Река» ли произошла от «речи», «Речь» ли от «реки» — это неважно. Важно, что их связывают неразрывные узы. Наблюдая течение реки, можно постичь всё мироздание. Наблюдая движение речи, можно постичь течение реки»

(из книги «Ре-троспектива речи»)

«Глаголанию же сила таковая некая есть»

(из повести о Варлааме и Иоасафе)

РЕЧЬ-II — Речь не в смысле потока, а в смысле жанра. Среди таких речей известны: 1) Призывные; 2) Благодарственные; 3) Поминальные; 4) Отчётные; 5) Программные; 6) Поздравительные; 7) Пламенные; 8) Отвязные (в том смысле, чтобы отделаться, отвязаться, но и также оторваться, расслабиться) и вот эти-то речи, как правило, и заслуживают определённого внимания, а всё остальное — так, документация.

РОД — «В философском смысле род — наиболее значительная характеристика языка. Деление слов по родам отражает мировоззрение нации. Ибо все предметы и явления мира можно отнести или к «Инь» или к «Ян», или к тёмному женскому роду, или к светлому мужскому. Если же явление не вписывается в рамки заданного деления, то оно относится к среднему или к общему роду. Есть нации, которые вообще не желают делить мир по подобным признакам — таковы англичане. Есть и такие, которые вводят дополнительную категорию, нечто вроде «детскости», и тем самым получают деление на 6 родов (таковы, кажется, чеченцы)». «Род — родина слова, и отказываться от него — всё равно что отказываться от Родины».

(из книг «Родословная слова» и «Радость рода»)

РОМАН — «Обычным заблуждением академической филологии является мнение, что будто бы одной из основных характеристик романа является достаточно большой объём. Мы же полагаем, что это далеко не так. В качестве примера приведём роман, состоящий из четырёх слов. Допустим, такой: «Луна вставала на дыбы». А для пояснения романной сущности этого текста произведём доскональный РАЗБОР РОМАНА:

Структурологический анализ романа показывает, что роман имеет четыре слова, три пробела, восемнадцать букв и один знак препинания. То есть в нём задействованы магические числа: 1 — основа всего, 3 — триединая сущность, 4 — основание тверди и $18 = 9 + 9$ — двойное полное описание мира. Кроме того, роман имеет 5 букв «А», 1 — «У» и две «Ы», что говорит об определённой А-открытости текста и, если можно так выразиться, Ы-двухкрылости и У-уединённости. Согласные буквы располагаются в следующей иерархии: «Л» — 2 раза, «Н» — 2 раза, «В» — 2 раза, «С» — 1, «Т» — 1, «Д» — 1, «Б» — 1. То есть тройная сдвоенность и учетверённая единичность. Отметим, что использованы только твёрдые согласные, что говорит о незыблемости и непоколебимости текста. Далее заметим, что четыре согласных сонорные и шесть шумные, то есть опять $4 + 6$, из шумных две глухие и четыре звонкие. Стало быть, в согласовании Романа шум преобладает над голосом и звон над приглушённостью. Можно сказать, что шумовая часть романа превышает сонорную на два глухих звука.

История написания этого Романа покрыта густым слоем мрака, и вся научная общественность до сих пор ведёт споры о том, а роман ли это? На наш взгляд, романная сущность представленного текста не вызывает никаких сомнений, и весь вопрос собственно лишь в том, а, собственно, про что? Именно это мы сейчас и попытаемся прояснить.

Основной конфликт этого четырёхсловного романа возникает между глубинным внутренним содержанием слова «Луна» и тем узким контекстом, в который оно в данном случае включено. Лу-на. Луч, упавший на... Или это лучина с потерянными расщеплением. Или это поседельный лунь женского рода. Или зеркальная лужа, в которой жижеобразная «Ж» по неверным законам зеркальных отражений переименована в небесную «Н». Или это бескрайние луга, покрытые инеем, который отдал им свою леденящую «Н». Или это двояковогнутая лупа, направленная на Солнце... Эти и множество других лунотворных оттенков заключены во внутреннем звучании героини Романа. Кроме того, за своё историческое существование слово «Луна» обросло множеством вторичных полутонов. Каждому, кто хоть раз впивывал в себя эти четыре возвышен-

ных звука: [Л], [У], [Н], [А], вспоминается и Лунная соната, и морские приливы, и луноходы, и лунатики, и печальные поляны, и вой собак, и демон Воглеа, и богиня Селена, и лунный камень, и кратеры, и терминатор, и лунный календарь, и Лунапарк, и кафе на Ломоносовском проспекте, и множество других лунных образов, привнесённых в текст историей и культурой.

Героиня Романа превышает и, можно даже сказать, выпадает из предложенного контекста. На первый взгляд, это допущение вообще кажется абсурдным и невозможным. Что значит вставала на дыбы? Луна, простите, не конь, не лань и не буйвол (хотя весьма соблазнительно провести параллель, что, мол, Луна — это звуковая полукровка, произведённая от буйвола и лани; мы отвернёмся от этого порочного и глубоко неверного, на наш взгляд, пути). Можно, конечно, пойти на поводу у литературного конюха (простите, критика) У., утверждающего, что Луна — это просто-напросто кличка лошади и нечего, мол, тут разводить туры на колёсах. Но если это так, то где, простите, Роман? Это уже, извините, не роман никакой, а простая фраза из конской жизни... Гораздо интереснее, на наш взгляд, точка зрения литературоеда (простите, веда) N, предположившего, Луна — это не героиня, а героин романа. Сам же Роман не что иное как героининовый глюк. И якобы только под воздействием героини надлежит читать, а вернее, рассматривать подобные галлюциногенные Романы. Весьма заманчива и гипотеза фиголога (простите, филолога) Ю., по мнению которого, вставшая на дыбы Луна — это тонкая поэтическая метафора, отражающая грядущий коллапс цивилизации. Очень любопытен взгляд еленолога (простите, селенолога) А., высказывавшего догадку, что вся кутерьма, возникшая вокруг романа, произошла из-за ошибки при типографском наборе. А в авторской редакции (к сожалению, утерянной рукописи) текст выглядел следующим образом: «Луна вставала над ыбы». Где Ыбы, по объяснению А., — это некое безымянное местечко, условная прародина автора. Нельзя не упомянуть и о наиболее популярной сейчас точке зрения, впервые высказанной Междунетчиком (простите, Интернетчиком) К., заявившим, что роман построен по принципу гипертекста и каждое его слово следует читать не последовательно, но сквозь гиперпровалы, идущие от каждого слова вглубь компьютера, к сожалению, мол, все эти гиперцепочки сейчас утеряны и имеем якобы не роман, а лишь приборную доску романа. Конечно, эту гипотезу опровергнуть довольно трудно, но нам кажется, что если бы это было так, то это было бы слишком просто. Гораздо интереснее, как нам кажется, соображение постлуноградного умника П.Л., уверенного в том, что Роман строился не по словосочетательным законам, а исключительно из принципов звуковой гармонии. И мы не откажем себе в удовольствии процитировать довольно близкий к нашему пониманию взгляд: «Это великое произведение звукового искусства написано на заумном языке, подобно знаменитому кручёновскому «Дыр бул щыл». И не следует искать в этом романе скрытых междусловных смыслов. Его надлежит слушать, как музыку, или же смотреть на него, как на Чёрный квадрат Каземира Малевича. Отвлечитесь на секунду от ваших ничтожных повседневных забот и безраздельно отдайтесь в нежные руки поистине великого искусства. Его звуки убаюкают ваше утомлённое сердце, его образы унесут вас в заоблачные дали, его энергия всколыхнёт вашу задремавшую душу. Не спрашивайте у искусства, что вам делать? Достаточно того, что оно разбудило вас и вывело из этой ущербоной спячки...»

Естественно, как и любое великое произведение искусства, Роман оброс множеством спекуляций и подтасовок. Причём зачастую весьма и весьма талантливых. О некоторых из них мы считаем уместным здесь упомянуть. Наиболее, пожалуй, ярким на этом спекулятивном фоне выглядит предположение У.Н., заявившего, что Роман есть не что иное, как чистой воды плагиат из ненаписанного Бодлера. У.Н. якобы достоверно известно (из источников, которые он по каким-то причинам вынужден скрывать), что великий Садовод зла собирался в своё время написать стихотворение под названием «Подводное плавание», где должны были быть нижеследующие строки:

*Луна вставала на дыбы,
луна вставала!
Качались пьяные столбы
у сеновала!
И косяками фонари
метали лампы!
Писали отроки в ночи
свои эстампы!*

Неизвестный же автор, подслушав по неким мистическим каналам ненаписанный стих Бодлера, ничтоже сумняшеся отхватил у него осьмушку строфы и выдал за собственный роман. Слов нет, стихи, без сомнения, любопытны, даже если это всего-навсего подтасовка У.Н. Но избыточность, как это часто бывает, полностью убивает всю глубину и тайну, которые заключены в Романае.

Другая известная спекуляция, являющаяся явным перепевом псевдотеорий У.Н., высказана искусствоведам Л.А.. Автор, мол, стянул свой сюжет у... кого бы вы думали? У Кукрыниксов, у которых якобы есть (или был) некий черновой набросок плаката с текстом: «Страна вставала на дыбы! А что в то время делал ты?» Автор заменил страну на Луну и т.д. и т.п. (Ахинея, конечно, полная, но всё же занятная.) Мы бы посоветовали этому кукры-умнику выпустить в свет новый плакат со слоганом: «А ты надывал что-то про луну?!»

Разумеется, после выхода Романа в свет у неизвестного автора появилось великое множество эпигонов. Все эти блёклые: «Солнце вставало на дыбы»; «Луна плясала впуски»; «Венера отползала раком», конечно же, и яйца выеденного не стоят. Всё это так же не имеет смысла, как рисовать после Чёрного квадрата чёрные круги и белые треугольники.

Теперь скажем несколько слов о второстепенных персонажах, выписанных неизвестным автором с большой любовью и заранее продуманной расплывчатостью. «Луна вставала...» Заметьте, не встала, а вставала. Не говоря уж о явном ритмическом превосходстве второго над первым, здесь ещё заключён огромный пласт зыбкой неопределённости: что же происходило с Луной? Вставала ли она на дыбы каждое изо дня в день (или из ночи в ночь), делая это в качестве утренней (или вечерней) физзарядки, или же она вставала в том смысле, пыталась (начинала) вставать? (вставала, вставала да не встала!), или здесь подчеркнут процесс, длительное прошедшее время, переходной этап от начала вставания до его завершения? Сиё, разумеется, неизвестно и так навсегда и останется неразгаданным. Следующая загадочная синтагма-персонаж «на дыбы»... Дыбь, дыбы, дыба... что же такое всё-таки случилось с нашей Луной: попала в рябь небесной дымки, осуществила скачок через космический

барьер, попала в пытку неизвестных притяжений? Опять всё та же чарующая неопределённость...

Роман вызывает у нас смутные образы лунного бунта, неподчинение железной власти строгой орбиты, выход из-под узды господ Бога. Вслед за П.Л мы призываем вас: дышите его полуночным запахом, пейте его астральную влагу, впитывайте кожей бездонный космический смысл. И тогда вы, быть может, поймёте, что в мире есть что-то ещё помимо утренних газет и сладких булочек».

(из книги «Скрытая часть внутренней филологии»)

СЛОВАРЬ — Собственно, их было двое: один был рабом языка, другой, наоборот, Господином. Благодаря одному язык был создан, благодаря другому сохранился. Потом... пришла откуда-то ватага чуть-чуть подвыпивших поэтов. Она перевернула весь словарь и водрузила его с ног на... крылья. И именно тогда слова научились летать. Язык оброс крылатыми фразами.

(из книги «Словно словесность»)

СЛОВО — «Среди этимологов школы А.С. Швеца одно время бытовало мнение, что корень существительного «слово» не «слов», а «лов». Предполагалось, что в архаичные времена, когда ещё не всем вещам и понятиям были даны названия, существовала особая каста «ловцов звуков». Посвящённые во внутренние законы воздействия звукоряда на человеческое восприятие ловцы звуков вылавливали из белого шума окружающей среды подходящее звуковое сочетание для того или иного понятия или предмета. И таким образом «слово» — это не что иное, как словленный звук».

(из книги «Вторая логика этимологии»)

«Небо и Земля мимо идти, словеса же моя не мимо идти».

(из повести о Варлааме и Иосафе)

СТИХОТВОРЕНИЕ — «Собственно, творение, подвластное не разуму, но стихии. И это его коренное отличие от других поэтических опытов».

(из книги «Стихия стиха»)

*«Оно вырвалось из вагонного тамбура,
Из недолгого оцепенения души,
Из бесконечной цепи случайностей,
Из самых глубин утомлённого сердца.
Оно ворвалось в упругие сруи
Ветра и духа железной дороги,
Неуклюже прокатилось по насыпи
И зацепилось за телеграфные провода.
Оно стряхнуло телеграфных воробьёв,
И эти птицы вдруг сложились в ноты,
А провода служили нотным станом...
И эту музыку бродячий менестрель
Исполнил на ступенчатой свирели...
Стихи и музыка слились в едином танце,
И Мир на сотню звуков стал богаче».*

(черновые наброски для книги «Слова на ветер»)

СТРОКА — «Однажды строка пронзила чуть приоткрывшееся сердце человека и нанесла ему смертоносную рану. Человек умирал мучительно и долго, и вместе с этим ежедневным умиранием струилось в нём рождение поэта».

(из книги «Строительство текста»)

СЧИТАЛКА — «Слово за' словом плетётся — текст по ниточке ведётся. Предложений плотный ряд — бьёт в пространство наугад».

(из книги «Обознатушки»)

ТАЙНОПИСЬ — «Помимо обычного письма существует множество иных способов выражения мысли, духовных поисков и метаний. Наиболее таинственный и загадочный из них — музыка. Естественно, что музыка выходит за рамки изящной словесности, но однако, поскольку она скрытым образом присутствует во всех текстах и является частью тайнописи, то мы посчитали себя не вправе обойти музыку своим вниманием.

Музыка — это абсолютная тайна. Тайна навсегда. И все досужие вымыслы о её происхождении и развитии — струны порванной не стоят. И никакой такой эволюции музыка не подвергалась. Конечно, она кочевала по самым разным инструментам, и, конечно, эти инструменты усложнялись и улучшались, но та Музыка, что единожды зазвучала в человеческом сердце, уже тогда не имела ни одной фальшивой ноты. И все отважные попытки передать её языком струн, молоточков и медных труб лишь изредка приближали к той Музыке, которая теперь уже почти забыта...

Другой скрытый способ воспроизведения Музыки — это текст. Ибо каждое слово обладает своей собственной музыкальной насыщенностью, и каждое предложение может быть уподоблено музыкальной фразе, и любой художественный текст должен звучать не только смысловыми, но и музыкальными единицами. (Негармоничный в музыкальном смысле текст тоже издаёт некий шум, но это именно шум, а не музыка. Речь здесь идёт не о стихотворных ритмах, которые легко ложатся на некую мелодию и из стихов превращаются в арию или песню, это соответствие всего лишь частный случай, который просто наиболее заметен. Речь идёт о том, что у каждого звука языка существует неразрывная связь с музыкальным звуком и каждое слово звучит своим неповторимым аккордом. И как случайный набор музыкальных звуков — не есть аккорд, так и случайный набор звуков языка — не есть слово. Конечно, существуют и некие языковые монстры, порождающие музыкальные диссонансы, но такие словообразования, как правило, недолговечны. Внутреннюю музыку языка дано услышать далеко не каждому, точно так же, как далеко не все видят цветовую наполненность звуков... И, разумеется, восприятие этой музыки для каждого человека различно. Мы намеренно не приводим здесь своего слышания слов и предложений, тем более, что наши познания в области нотной грамоты колеблются в окрестностях нулевого диапазона.

Помимо музыки существует и множество других способов тайнописи, например, абстрактная живопись. Каждый звук помимо своего музыкального содержания имеет собственную цветовую гамму и собственную геометрическую поверхность. Используя эти соответствия, можно писать пятнами цвета точно так же, как обычными буквами. Подобно музыкальному восприятию, цветовые и геометрические соответствия строятся сугубо индивидуально. И в вырожденном случае (кстати, самом распространённом) звуки соответствуют цвету и форме шрифта, которым они в данный момент передаются. Но в выс-

ших проявлениях цвето-геометрическое восприятие звука происходит не на уровне органов чувств, а при помощи внутреннего надсознательного зрения и слуха.

И раз уж речь зашла о языковых ощущениях, то необходимо добавить, что каждый звук обладает ещё и своим вкусом, и своим запахом, и своей внутренней температурой, и упругостью, и шершавостью, и вязкостью. Эти внутренние качества звуков также воспринимаются надсознательными органами чувств, показания которых, кстати, далеко не каждый способен зарегистрировать.

Но возвернёмся к тайнописи. Скрытые письмена по сути своей окружают нас повсеместно. Знаки повторяют и дублируют себя на тысячи разных ладов и вариаций. И каждый читает в них что-то своё, главное, единственное... Для меня этот герменевтический текст звучит примерно следующим образом: «Вам ниспослана Жизнь, и это величайший дар, недоступный бессмертным. Так берите её. Пейте до дна её искристый хмель! Мир полон непредсказуемой радости. Жизнь удивительна и прекрасна! Дышите этой радостью и удивляйтесь! Буйствуйте, горите, будьте безрассудными детьми! И научитесь в конце концов Летать и Любить!»

(из книги «Язык. Язычество. Языкознание»)

«И всё-таки не удержимся от искушения и хотя бы в самом грубом приближении попробуем передать наше видение лингвистических звуков. При этом сразу заметим, что речь идёт о восприятии абстрактных (чистых) звуков (или их простейших сочетаний), которые вызывают у нас, например, ничем не окружённые прописные гласные буквы. Звук произнесённый всегда наполняется внешней высотой, тембром, длительностью и множеством других привнесённых нюансов. Кроме того, для каждого человека восприятие чистого звука изменяется в зависимости от окружающего контекста, времени и обстановки. Так все нижеприведённые характеристики составлены ранним июльским утром 1995 года на высоком лесистом берегу верхнего Дона, где автор восседал в старом плетёном кресле, закутавшись в шерстяной плед. Итак:

- А** — густо-красный, имеет форму трёхмерного параболического конуса, упругий, бархатистый, горячий, вкус терпко-сладкий, запах напоминает аромат роз, соответствует ноте «до» первой октавы.
- Е** — коричнево-жёлтый, похож на полуплоскость, рассыпчатый, тёплый, вкус кисло-сладкий, аромат близок к запаху цветущей липы, соответствует ноте «ре» первой октавы.
- Ё** — цвет — маренго, форма — морской ёж, шершавый, жёсткий, очень холодный, вкус напоминает горький миндаль, обладает ароматом мускуса, соответствует ноте «до» второй октавы.
- И** — пронзительно-синий, форма напоминает лёгкое волнение на безграничной глади океана, жидкий, прохладный, кислый, пахнет фиалками, соответствует ноте «ми» первой октавы.
- О** — голубой, круглый, упругий, гладкий, чуть-чуть теплее, чем «И», солёный, пахнет заболоченным озером, соответствует ноте «соль» первой октавы.
- У** — нежно-зелёный, цилиндрический, упругий, гладкий, теплее «О», но холоднее «Е», по вкусу и запаху напоминает мускат, соответствует ноте «фа» первой октавы.
- Ы** — розовый, вязкий, эллипсоид, немного холоднее «У», но теплее «О», вкус лимонной цедры, пахнет жасмином, соответствует ми-бемоль первой октавы.

Э — песочно-жёлтый, форма — овальная лепёшка, мягкий, пластичный, маслянистый, чуть-чуть холоднее, чем «Е», приторно-сладкий, пахнет свежим сеном, соответствует ре-бемоль первой октавы.

Ю — фиолетовый конус из колючей шерсти, холодный, вкус жгучего перца, пахнет прелью, соответствует фа-диез первой октавы.

Я — ярко-оранжевый, по форме напоминает конический пучок лучей, на ощупь похож на кедровые иглы, очень горячий, имеет вкус и запах кофейного ликёра, соответствует ноте «ля» первой октавы.

(из книги «Новые пересечения»)

«Дятел, отстукивающий на птичьей азбуке Морзе; короеды, рисующие свои иероглифы на старой сосне; нежное звучание вечерней зари; невесомые симфонии ласкового ветерка; детская песенка — эти и тысячи подобных знаков и символов настойчиво стучатся в наше сердце и разум».

(из книги «Стихи на песке»)

ТЕКСТ — «Мастер одушевления текста на этот раз был в недоумении. Он исчерпал все известные ему приёмы, но текст по-прежнему оставался мёртвым. Мастер пробовал переставлять слова и знаки препинания, переводил текст на все известные ему языки, нагружал его мелодией и ритмом, заменял все слова начала на гипонимы, потом на гиперонимы, а в конце концов на антонимы, но всё было тщетно. Текст упрямо не хотел раскрывать свою тонкую душу... И тогда, впервые потерпев неудачу, Мастер передал этот текст Уусу (Учителю, убивающему слова), справедливо полагая, что смерть смерти порождает жизнь. Уус набросился на слова, как голодный пёс на парное мясо. Он вставлял в них уменьшительные суффиксы и сюсюкающие слоги, напыщенные приставки и напудренные ударения, он разбивал их дефисами и многоточиями, набирал готическим курсивом и предпринимал разбивку, пытался перемешивать шрифты и смещать интерлиньяжи, делал внесистемные переносы и вносил никчёмные комментарии... Но слова оставались мёртвыми и не хотели умирать вторично. Исчерпав все доступные ему возможности, Уус отдал этот текст Магистру подстрочного смысла, в надежде, что он сумеет разгадать загадку этого странного текста.

Магистр применил все ведомые ему способы дешифровки и проникновения в ауру окружающую строки. Он читал через букву и через две, и через трижды две... Он пытался дышать воздухом звуков, он вытягивал гласные и съедал согласные, он составлял цветовую и вкусовую гамму всех слогов, но ни на шаг не приблизился к разгадке... И тогда седые мэтры Изыщной словесности отправились к языческому волхву, отдав ему на рассмотрение листок, испещрённый сухими словами.

И старый маг, дождавшись полнолуния, приступил к своему волхвованию и колдовству...; Он пропитывал лист соком одолень-травы и соборинова древа, смазывал его кирпичным и тополиным маслом, капал кровью молодого горностая и помётом белой кукушки, смотрел на текст сквозь лал и чёрный яхонт... И наконец побеждённый волхв съёг этот текст и рассеял пепел от неживших слов по холодному ветру...

Однако текст сохранился в памяти. И каждый из мэтров, вернувшись домой, воссоздал его буква к букве с каллиграфической точностью всех неясностей и исправлений. Восстановленный текст ещё долго томился под спудом времени... И потом тысячелетия спустя над этим непрочитанным гипотетическим

письмом ломали голову доктора лингвистики и языкознания, знатоки герменевтики и структурного анализа, философы и писатели, учёные и поэты... А загадка по-прежнему оставалась загадкой...

Но вот однажды маленькая синеглазая девочка с длинными косичками взяла листок с непокорёнными словами и сложила из него бумажный самолётик. Она запустила его прямо в лицо беспокойного весеннего ветра, и самолётик навеки умчался в своё бесконечное небо...

(из книги «Ностратическое письмо»)

ТОЧКА — «Точки... Видимо, их ставят не в конце..., а так... на распутье».

(из книги «Препоны и препинания»)

ФИЛОЛОГИЯ ИЗМЕНЁННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ — «Значительно менее объяснимы некоторые процессы, зарегистрированные нами в наиболее труднодоступных зонах поля сознания. Немногочисленные люди, добивавшиеся до них, обычно жаловались на какие-то сбои ритма мышления и общее ощущение подавленности, а наши тексты как бы зашкаливали, регистрируя то разрывы, то немотивированные «перескоки» в цепочках данных. Возникает впечатление, что в этих зонах происходят спонтанные преобразования самого рельефа, возникают трещины и провалы».

«По общему мнению учёных мужей древности, которых нельзя упрекнуть в недооценке сложности предмета, говорить о нём можно много и с пользой. Другое дело — что говорить следовало до известного предела — далее начиналась область сложной и тонкой деятельности, которую греки условно называли учением о безмолвии. При упоминании о нём загорались глаза таких тонких ценителей, как Прокл или Ямвлих. Но они же были бы очень удивлены, если бы мы обратились к безмолвию, не исчерпав возможности речи.

Для этой цели мы предложили особую дисциплину — филологию изменённых состояний сознания, введением в проблематику которой послужили несложные наблюдения, о которых говорилось выше. По-видимому, реконструированное по их данным поле сознания представляет собой нечто большее, чем просто научную фикцию. Иначе прогнозы протекания изменений сознания у конкретных людей, вынесенные на основании его структуры, не оправдывались бы. Между тем, по мнению независимых наблюдателей, они сбывались с удовлетворительной вероятностью. В языке же, как мы помним, поле сознания отражается в виде ряда «глубинных языков».

Следовательно, в первую очередь нашего внимания заслуживают тексты, состоящие из ряда слоёв, каждый из которых построен по особенным, только ему присущим правилам.

Задача может представляться схоластической или даже утопичной. Но это не так. Наша культура располагает такими «многослойными» текстами; только в силу её небрежения они вытеснены на самую периферию».

(из книги Дмитрия Спивака «Матрицы: пятая проза?»)

ХМЕЛЬ — «Глоток золотистого виноградного вина веселит сердце, опьяняет душу и освежает восприятие мира. Но и глоток искромётной поэзии точно также веселит сердце, опьяняет душу и освежает восприятие мира. Душа алчет света, сердце алчет песни, разум спешит постичь мир. Поэзия и алкоголь утоляют духовную жажду. Поэтому хмель — это тоже фигура речи».

(из книги «Стилистика хмеля»)

ХОРЕЙ — (от греч. Trochaïos, букв. обозначающее бегущий) «Слоги по слову гуляют / И размерчик подгоняют, / Он бежит себе в стихах / На хорейных парусах».
(из цикла «Меченые метры»)

ХОРИЯМБ — «Метр перепутанный был он — / От хориямба был рождён».
(из цикла «Меченые метры»)

ЦИТАТА — «Цитата — это мостик, соединяющий твою словесную постройку со словесной постройкой твоих друзей».

(из книги В. Леженина «Цена цитаты»)

ЧАСТИЦА — «Вызывает внутреннее удивление и первичное неприятие тот факт, что столь привычные нам слова «Пожалуйста» и «Спасибо» являются частицами. Согласно одной из гипотез, «Пожалуйста» надо считать наречием, а «Спасибо» частицей, и это тогда это имеет некий логический смысл, ибо, говоря «спасибо», мы как бы отдаём частичку себя, произнося же «пожалуйста», мы как бы нарекаем, подчёркиваем значимость просьбы или вежливость ответа. Тут не лишне порассуждать и о происхождении сих важных слов. «Спасибо» — явно произошло от словосочетания Спаси Бог, стало частью этого сочетания. Происхождение слова «пожалуйста» более туманно. Возможно, это сокращение ответа «Спасибо некрасиво, пожалуй сто рубликов за услугу». Но скорее всего оно произошло от корня жалость. Пожалейте, сделайте по жалости».

(из книги «Часное мнение в частности о частицах»)

ЧЕТЫРЁХКНИЖИЕ — «Первую книгу написал Тот, который знал буквы. Вторую книгу написала жена бога Тота — Та, постигшая междубуквия. Третью написала их дочь — Она, которой подвластны слова. А четвёртую сын богини Оны и бога Тота — Он, различающий точки. Первая книга называлась «Твёрникоборнео», что в переводе с Того языка означает — Тем, кому дадена власть над словами, и единственный, кто смог её прочитать, была богиня Она. Вторая книга была озаглавлена «Киерногрёца», что означало — Для тех, кто увидит точки, и её прочитал бог Он. Третья книга носила заголовок «Онгудикама», то есть — Тому, кто проникает сквозь буквы, и эту книгу прочитала богиня Та. И последняя книга имела название «.....», которое не имеет аналогов в современных языках. Эта книга до сих пор не прочитана. И даже бог Он не знает, о чём в ней говорится. Четырёхкнижие хранится под панцирем огромной черепахи, на которой стоят шесть слонов, тех самых, на которых почитается Земля».

(из книги «Новые переводы с Того языка»)

ШРИФТ — «Иногда (как правило, с похмелья) возникает состояние БОЛЬШОГО ШРИФТА. Что это такое, объяснить достаточно сложно, да и, пожалуй, что ни к чему. Говоря синонимически: хочется писать крупно».

(из книги «Шрифтовое решение. Похмельный синдром»)

ШАРАДА — «Мяч из антонима рая — / Ты разрешишь, в слова играя».

(из книги «Шаровидные скопления в галактике слова»)

ЯМБ — «Ласкает воздух стих высокий, / На ямбах обретая покой, — / То пишет нам поэт далёкий, / Пометив чётный слог рукой».

(из цикла «Меченые метры»)

ПОСТОЯЛЬЦЫ СЛОВЕСНОСТИ

*Писатели, поэты, языковые монстры
и другие постояльцы здания изящной словесности.*

Из путеводителя.

Так и не dokonчив само здание словесности, я начал его заселять постояльцами всех времён и народов. Выбор их отнюдь не избранен, но абсолютно случаен. И даже принципиально случаен. Ибо мне кажется, что в доме Изящной словесности места должны раздаваться не по ранжиру, не по заслугам, не по симпатиям домовладельца, а исходя единственно из ничего. По великому закону: «Просто так».

АБЕЛЯР — отец концептуализма; совратитель своей ученицы Элоизы. (По всему виду — хороший был человек.)

АБУЛАФИЯ — средневековый каббалист; («Слово надо прожжёвывать медленно-медленно, растворяя его, следующее слово можешь вымолвить, если позволишь ему растопиться на языке, и при этом надо тоже быть внимательным, чтобы не брызнуть слюной на платье, потому что, если хотя бы одна буква испарится, порвётся нить, которая должна была связать тебя с высшими сефирот. Вот чему посвятил свою жизнь Абрахам Абулафия... Мистическая логика, мир букв и вовлечение их в круговорот бесконечных перестановок — это мир красоты и блаженства, наука комбинирования — это музыка мысли» Умберто Эко. «Маятник Фуко»). Вот он какой, Абрамка-то Абулафия, а все думали, что козюлька.

АВВАКУМ — (в переводе с еврейского — любовь божия) речь, собственно, пойдёт о протопопе Аввакуме (1620-1682 гг.); вождь раскольников и старообрядцев, оставил после себя обширное литературное наследие. Проведший значительную часть жизни в заточении Аввакум относился ко всем жизненным перипетиям с юмором и иронией. Вот как, например, он описывает Пустозёрскую земляную тюрьму: «Покои большие и у меня и у старца... где пьём и едим, тут и лайно испражняем, да складше на лопату,— и в окошко!.. Мне видится, и у царя — тово, Алексея Михайловича, нет такого покоя»; (Про Аввакума есть вот такие стихи: «Соблазнял его бес- красавец:/ Ан,— отдай же за веру палец./ Ан, — отвечивал Авабсю, — На — возьми же и шуйцу всю» (А.Кавадеев. «Русская азбука»)).

АВЕЛЬЯНЕДА — псевдоним автора, написавшего поддельную вторую часть «Дон Кихота» (ну и псевдонимы у них, надо сказать).

АВЕРРОЭС — (Ибн Рушд, 1126-1198) арабский учёный, написавший комментарии к Аристотелю; («История знает не много таких прекрасных и возвышенных фактов, как этот подвиг врача-араба, посвятившего себя мыслям человека, от которого его отделяли 14 веков» (Х.Л.Борхес. «Поиски Аверроэса»)). Борхес вряд ли читал «Новую хронологию» Фоменко и поэтому, конечно, не знает, что Аверроэс если и не был современником Аристотеля, то уж вряд ли их отделяло более чем два поколения.

АВЕРЧЕНКО АРКАДИЙ — король смеха в России начала 20-ого века. «Явился — Он, с могучим словом «Ave»./ И развенчал всех наших королей./ Он был как вихрь. Влюблённый в жизнь и солнце./ Здоровый телом, сильный, молодой./ Он нас пьянил, врываясь к нам в оконце./ И ослеплял, блестя меж нас звездой» (В.Князев). Лучшими его вещами являются для меня «Шутка мецената» и «Подходцев и двое других», в них, помимо тонкого юмора, скрыт пронзительный лиризм и нежная поэзия.

АКСАКОВ — вообще говоря, было много Аксаковых, но нас интересует именно тот, который написал «Заметки об ужении рыбы» и пр., про этого почтенного помещика ходила история, описанная Псевдо-Хармсом и позаимствованная впоследствии Шолоховым: «Как известно, Аксаков был страстным рыболовом, а Пушкин с Гоголем повадился у него крючки отгрызть и менять их у деревенских мальчишек на землянику. Вот раз Гоголь занырнул за крючком да и зацепился за него прямо правой губой. Аксаков вытащил Гоголя и очень, говорят, рассердился: крючок отобрал, ногами топал, удилище об коленку сломал, а потом взял ружьё и пошёл охотиться на уток-гоголей, чтобы хоть чем-нибудь большому Гоголю насолить. А Пушкин, говорят, над ними долго смеялся и даже стишок написал: «Вчера Аксаков-аксакал/ На уду Гоголя поймал».

АЙГИ ГЕННАДИЙ — чувашский поэт, которого иногда называют Малларме с Волги. Чтобы почувствовать всю прелесть его поэзии, нужно обладать чутким слухом и тонкой душой. А стихи — хорошо бы каждое на отдельном листе. Но не удержимся и приведём одно из них: Заголовок — «ПОЛЕ ВЕСНОЙ», стихи — «Там чудо покрывает ум». Или вот ещё: «Отдаляющиеся леса: вариация» — «Иногда фортепьянно они громоздились, вырывалось сонатоподобие — изуродованное концертностью веток».

АКУТОГАВА РЮНОСКЭ (1892-1927) — японский классик. Вот одно из моих любимых высказываний Акутагавы: «Жизнь похожа на коробку спичек. Смешно относиться к ней серьёзно, но если относиться к ней не серьёзно, то можно за это жестоко поплатиться»; («Максим Петра, как мальчика, мог бить/ Наследьем классиков./ Ударил в рыло Хокусаем./ двухтомником Акутагавы/ по хребтине дал» (Вл.Шинкарёв. «Максим и Фёдор»)).

АЛЕШКОВСКИЙ ЮЗ — писатель; «Не с романа начал Алешковский, а сразу с памятника литературы. С помощью советской истории столетия развития языка оказались спрессованы в десятилетия, и за пятнадцать лет в одном «отдельно взятом за жопу» Алешковском советский язык прошёл своё литературное развитие от песни до рыцарского романа, и советская литература наконец родилась!» (Андрей Битов. «Памятник литературы как жанр»); («Але-гоп, и катит юзом/ Грузовик литературы./ Это Алешковским Юзом/ Создан памятник культуры».)

АЛЕКСЕЕВ ГЕННАДИЙ — художник, архитектор и очень хороший поэт; (Вот одно из его стихотворений: «Накатило./ обдало./ ударило./ захлестнуло./ перевернуло вверх тормашками./ завертело./ швырнуло в сторону./ прокатилось над головой/ и умчалось./ Стою./ отряхиваюсь./ Доволен — страшно./ Редко накачивает».)

АЛКЕЙ — «Алкей взалкал любви Сапфо, / Но постыдился ей сказать об этом. / И поэтесса не заметила его. / Вот как хреново скромным быть поэтом».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

АНАКРЕОН — «Анакреон, Анакреон — / Немного нам оставил он».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

АНДРОНИК — «Стихами сатурнийского размера / Он на латынь переводил Гомера».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

АННЕНСКИЙ ИНОКЕНТИЙ — «последний из царскосельских лебедей» (Н.Гумилёв).

АППОЛИНЕР — гость алкоголей и владелец бестиария.

АПУХТИН (Алексей Иванович, 1840-1893) — «литературный Обломов»; поэт и игрок, но послабее Некрасова; Вот какой анекдот по этому поводу якобы рассказал Даниил Хармс: «Апухтин слишком азартно играл в карты и, следуя советам Некрасова, частенько крапил их. Его нещадно били, мазали дёгтем и катали в перьях, таскали по улице за ноги, сдавали в полицию и ссылали. Если бы не стихи, ему бы ни за что не выкрутиться».

АРЕТИНО ПЬЕТРО (1492-1556) — «Один из величайших поэтов Возрождения.

Сильные мира сего заискивали перед Аретино, ибо он имел обыкновение писать ежегодно стих, освещающий мировые деяния, в котором мог подпортить репутацию тому или другому вельможе. Сам Аретино подмочил своё положение, написав 16 весьма фривольных сонетов к не менее фривольным гравюрам. Оригиналы этих гравюр до сих пор всплывают на свет божий, но оказываются почти всегда подделками».

(из книги «Бессмертная ария Аретино»)

«Средневековый поэт Аретино, конечно же, был отъявленный шутник и похабник. И, если можно так выразиться, крепко забижал просвещённых монархов во всех концах и началах Европы. Все монархи шибко его боялись и изо всех сил старались вести себя хорошо, дабы не попасться под злой язык бессовестного похабника Аретино.

Умер Аретино, как известно, от смеха, что весьма поучительно и символично, ибо как сказано: «Кто к нам с ним того-с, тот от него и того-с». А произошло это знаменательное событие вот как: Аретино сидел в своём любимом кресле-качалке, потягивая португальский портвейн и слушая о скандале, который учинили его престарелые шлюхи-сёстры. История и в самом деле была очень смешная, но о чём, сейчас, конечно же, уже никто не помнит, как говорится, дело кануло в лету и утонуло. Однако доподлинно известно, что весельчак Аретино ржал над ней, как довольный жеребец, увидевший большую стаю страстных кобылиц. Он, можно сказать, до того досмеялся, что перевернулся вместе с креслом и тюкнулся правым виском аккурат о мраморный угол. И почил, как водится, с дурацкой улыбкой счастья на онемевшем лице.

Такой вот, стало быть, из этого нравственный вывод».

(из книги «Байки от Аристарха»)

АРИСТАРХ — Личность загадочная и почти что сумасшедшая. С самого детства Аристарх очень много читал. Можно сказать, что он просто был помешан на этом самом чтении, а в конце концов, похоже, и в самом деле немножко свихнулся. В голове его образовалась изрядная каша, но нить беседы он никогда не теряет, хотя и никому, как правило, не отдаёт. Почти что все его монологи (байки, анекдоты, рассказы) носят явно спекулятивный характер, несмотря на то что они строятся из вполне реальных фактов. Эти монологи — хороший пример того, как коряво и даже смешно может выглядеть плохо причёсанная информация. Хотя безусловно, что эмоциональный окрас хорошо известных фактов, привнесённый в монологи Аристархом, не удалил, но, наоборот, приблизил их к этой вечно ускользающей истине.

АРИСТОФАН — «Он в философии профан, но, в облаках витая, / Сократа вздумал поносить, с говном его мешая».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

АРЦЫБАШЕВ — друг Толстого; про него ходит вот такая легенда: «Арцыбашев на протяжении многих лет был очень дружен с Толстым и, как говорят, постоянно оказывал на него дурное влияние. Однако сам Арцыбашев ни за что не хотел признаваться, что подговаривал Толстого отказаться от имени и не ходить в церковь».

(Псевдо-Хармс)

АРХИЛОХ — «Как говорится, Архилох / Был чрезмерно сильный лох./ Хотя и чтился он, как Бог, / От воронья потом подох».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

АФАНАСИЙ НИКИТИН (13-й век) — писатель, или скорее описатель, рассказавший, как он за три моря ходил, из Твери аж в Индийскую землю, и видевший там, между прочим, вот такие чудеса: «А жёны их со своими мужьями спят днём, а ночью ходят к приезжим чужестранцам да спят с ними... да кормят и поят купцов, чтобы их любили, а любят купцов людей белых, потому что люди их страны очень черны».

АХМАТОВА — женщина, поставившая мат всем бабьим «ахам» и из поэтессы выросшая до поэта.

БАТЮШКОВ и М. — «Давным-давно спрашивать «сколько времени» было весьма неприличным. За такой вопрос вполне могли и в морду двинуть. Очень некультурно считалось упоминать о времени. Время, сами понимаете, существо эфемерное и «сколько» его быть не может. Как говорится — немеряно. А если вам так уж необходимо было определиться насчёт личной встречи или, допустим, обеда, то нужно было спросить: «Который час?» «Который час» — это уже прилично, тут уже в морду не давали, конечно. Тут, сами понимаете, нюанс неопределённости, эдакой протяжённости, присутствует. Некая степенность и вальяжность... Поэт Батюшков даже помешался на этом. Ага. Так и жил маленько помешанным: всё «который час» спрашивал. Спросит, посмотрит в потолок, что-то там в уме посчитает, прикинет, как говорится. И сам себе отвечает: «Вечность». И что характерно: никогда почти не ошибался. А поэт Мандельштам не понимал Батюшкова, он его противным обзывал и ещё спесивым. Может, завидовал?»

(из книги «Байки от Аристарха»)

БИТОВ — Чем меня особенно покоряет Битов, так это своей какой-то детской любознательностью и неугасаемым интересом ко всем проявлениям жизни. Вот сейчас, например, обрабатывает под джаз черновики Пушкина и до того увлечён этим, что просто любо дорого смотреть. А вообще-то о Битове можно писать без усталости, настолько в нём много всего. И это трудно, потому что так не просто выбрать и с чего-то начать...

БЛОК — «Поэт Блок специально писал слова «желтый» и «чорный» через букву «о», резонно полагая, что так получается символичнее. А дети химиков, по преимуществу женщины, конечно, ничего этого не знали и за глаза считали Блока неграмотным. Детям химиков гораздо больше нравились профессорские сынки вроде Бориса Бугаева, которые в своей собственной фамилии делали до десяти (sic!) ошибок, потому что писали её через «е», «л», «ы», «й» и потому считались шибко грамотными».

(из книги «Байки от Аристарха»)

(By the way, Аристарх глубоко заблуждается в отношении отношения Любови Дмитриевны к творчеству своего мужа. Как раз творчество-то она и понимала и боготворила, а её роман с Андреем Белым был просто шалостью, вполне позволительной для жены поэта) (прим. составителя.)

ВЕРГИЛИЙ — «Представим себе, что Эней сошёлся бы в поединке с Одиссеем. Исход этого единоборства у меня не вызывает никаких сомнений. Хитростью ли, силой ли, но Одиссей безусловно одержит верх. Вот таково же соотношение талантов Вергилия и Гомера... Но, впрочем, в искусстве, разумеется, все равны. И эти рассуждения о величине талантов не имеют никакого смысла».

(из книги «Размышления Аристарха»)

ГЕСИОД — «Он бросил в мир полтысячи стихов / И вывел родословную богов».

(из цикла «Греческие огрехи»)

ГНЕДИЧ — «Поэт Гнедич одним глазом довольно плохо видел, можно даже сказать, что он им вообще ни черта не видел. Зато другим, конечно, видел маленько. И даже маленько читать умел. Ага. А вот греческий человек Гомер, тот вообще ничего не видел. И от нечего делать стихи, конечно, писал. Ага.

Сядет он, это самое, у моря, шум его, так сказать, слушает, ну и конечно, стихи пишет. О героях там, о Богах разных, ну и вообще. Ага. Довольно много он их со-слепо-то понаписал. А Гнедич, тот, конечно, подглядел эти стихи. Ведь одним-то он глазом маленько видел. А Пушкин, тот вообще довольно неплохо видел, но он добрый был и притворялся, что по-греческому он не умеет видеть. И тогда попросил, конечно, Гнедича рассказать, чего там, мол, и как? Гнедич обрадовался и стал рассказывать. Вот, собственно, и всё».

(из книги «Байки от Аристарха»)

ГОМЕР — «Гомер — это Одиссей, открывший новые литературные горизонты и научивший людей гомерическому смеху».

(из книги «Размышления Аристарха»)

ГОРАЦИЙ — «Гораций всем показывал язык / И этим памятник себе воздвиг».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

ГРИГОРЬЕВ и П. — «Так уж вышло, что у Аполлона Григорьева была семиструнная подруга. Он, конечно, с ней разговоры разговаривал, особенно когда лунной ночью приключался у него всепоглощающий пожар души. Такой вот уж он и был отчаянный. Любитель муз, так сказать».

(из книги «Байки от Аристарха»)

ЕВРИПИД — «Жил-был на свете Еврипид — / Он офигенный был поит».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ЗОИЛ — «Зоил ругался на Гомера / И стал для критиков примером».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ИВИК — «Ивик, сгорев, подобно звёздам, блестящим в небе, сумел остаться журавлиной песней и т.д.»

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ИГНАТЬЕВ — «Вот пример того, что яркая смерть далеко не всегда способствует карьере поэта. Так, поэт и критик начала века Игнатьев умер весьма неординарной и вызывающей смертью (перезал себе горло, аккурат в свой свадебный вечер), однако завесу неизвестности вокруг себя всё-таки разорвать не сумел».

(из книги «Карьер карьеры»)

КАТОН — «Жил-был один Катон, / Марк Порций звался он./ И знал он толк во всём / И потому давать советы был весьма горазд».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

КАТУЛЛ — «Он пел. Любил. И ни во что не ставил ворчание надменных стариков».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ — «Флейта человека — полая бамбуковая трубка. Но что такое флейта неба? Флейта неба — это десять тысяч разных голосов!» Китайская литература — это и есть флейта неба. И каждый поэт вносит в её песнь свой неповторимый голос. Если европейскую словесность можно уподобить концерту, состоящему из сольных выступлений, то словесность Китая — это многоголосый, но слаженный хор. Однако же «речь — это не просто выдыхание воздуха. Каждому говорящему есть что сказать, хотя то, что говорит он, крайне неопределённо. Впрочем, разреженность в словах — это самопроизвольная реальность, на которую смотришь не видя, слушаешь не слыша и ухватываешь не удерживая». Поэзия — это поиски тончайших духов, скрытых в природе вещей. А «если бы не было стихов и вина, горы и воды были бы безжизненным сочинением».

(из книг «Катакомбы Китая» и «Катарсис Китая»)

КОРТАСАР — «Кортасар — это невесомый мост, связавший не только Южную Америку и Францию, но ещё и Россию...» «Кортасар, потрясающий мастер второстепенностей, сумевший показать, что движение улитки или цветение гриба иногда гораздо важнее мировых катаклизмов. И попыток изменения

социальных порядков». «Кортасар доводит саморефлексию до предела, до того лимита, при котором зеркало внутреннего рефлексора начинает саморазрушаться, изображение плывёт и ломается, раздвоение становится не девиацией, но нормальной реальностью. Герой начинает двоиться, троиться, превращаться в электронное облако...» «На первый взгляд абсурдные поступки героев Кортасара вдруг становятся единственно возможными, если ты выходишь из жёсткого мира борьбы за существование и попадаешь в стихию игры, в стихию приближения к самому себе». «Сверхэрудированность Кортасара не давит и не напрягает. Через несколько страниц ты начинаешь понимать, что эта гиперэрудированность его героев необходима лишь для сравнения с женским чистым и незамутнённым восприятием».

(из статей «Интеллектуальное корсарство Кортасара»,

«Ну хули, Хулио!», «Классик игры в классики», «Расцветающий гриб»).

КРАТИН — «Уподоблю Кратина отцу Бутылки, мужу комедии и любовнику богини Пьянства, ибо...»

(из книги «Размышления Аристарха»)

КУРЕЛЛА — «Он пешкой был в большой игре, / Писал роман об этом. / Секретарём стал СЕПЭГэ, / Поставив мат поэтам».

(из цикла «Европейские ереси»)

ЛЕРМОНТОВ — «Понятное дело, что Михаил Лермонтов был немного помешанным. Поэт как никак. Да он и сам об этом догадывался и даже сознавался, что без ума от тройственных созвучий и влажных рифм на букву «Ю». Да и то сказать: такая буква...»

(из книги «Байки от Аристарха»)

ЛУКИАН — «Лукиан смеялся над богами / И ходил с немывтыми ногами».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ЛУКРЕЦИЙ КАР — «Был мудр и стар / Лукреций Кар / И о природе вещи знал».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

МАРЦИАЛ — «Был остроумен Марциал / И садик малый насаждал».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

МЕНАНДР — «В тени декоративных олеандр / Писал свои комедии Менандр».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

МЕНИП — «Смеялся, умничал, лукавил — / И ничего нам не оставил».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОЭЗИИ — «Пушкин был немного абиссинцем, Жуковский — турком, Вяземский — ирландцем, Баратынский и Ходасевич — поляками, Лермонтов — отчасти шотландцем, Блок и Волошин — немцами, Пастернак, Мандельштам и Бродский — евреями...

Кстати. P.S. Басё был японцем, Су Ши — китайцем, а Омар Хайям — персом».

(из книги «Размышления Аристарха»)

ОВИДИЙ — «С профессором любви произошла метаморфоза — / И вместо эроса на душу пала скорби доза».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

ПАВИЧ — «В своей последней книге Милорад Павич использовал в написании своей фамилии Постоянную Планку, как бы указывая на то, что в его произведениях эту постоянную также можно поставить во главу угла. Беспрецедентная постоянная, связавшая Энергию с частотой волны и впервые позволившая говорить о квантовании энергии. Постоянная Планка загадочным образом пронизывает все книги великого серба, и потоки древней энергии выходят из них квантовыми порциями, напрямую зависящими от чувствительности восприятия».

(из эссе «Обратная сторона Милорада Павича»)

ПЕТРОНИЙ — «Над пухом римских беззаконий / Смеялся весело Петроний...»
(из цикла «Ремарки про Рим»)

ПИНДАР — «Гурман изысканных сравнений, / Так величаво воспаривший над строфой, / Он пиндарический был гений, / Да просто пиндар! (бог с тобой)».
(из цикла «Грецкие огрехи»)

ПИНДЕМОНТЕ — «Сентиментальный Пиндемонте / Фата Моргану сочинил, / Что растворилась в Чёрном понте / Иль с понтом кто-то растворил».
(из цикла «Европейские ереси»)

ПЛАВТ — «Жил человек по имени Тит Марций Плавт — / И был он гениальный сценограф. / В его спектакли-буффонады — / И зрители включиться были рады».
(из цикла «Ремарки про Рим»)

ПЛАТОН — «Самый первый академик / И учёный гомосек, / Победитель всех полемик / И ценитель всех утех».
(из цикла «Грецкие огрехи»)

ПРОПЕРЦИЙ — «Любви не купишь за сестерций, / Пускай ты даже Секст Проперций».
(из цикла «Ремарки про Рим»)

ПУШКИН — «Александр Пушкин очень хорошо умел из пистолета стрелять. Он, можно смело сказать, был просто АСом этого дела. Он мог, например, с десяти шагов с закрытым глазом в погреб попасть без промаха. Хотя удивляться тут нечему, потому как он почти каждое утро в этот погреб стрелял по 120 раз и натренировался, конечно. Так натренировался, что ему казался и сам чёрт не братом. А тем паче Рылеев. Что-то они там туда-сюда, и давай, говорит, стреляться. Еле-еле отговорили. И то верно, Рылеев, конечно, не погреб. В него с десяти-то шагов можно и промахнуться».
(из книги «Байки от Аристарха»).

«Не дела определяют посмертную славу, а всего лишь фамилия. Почему, например, Пушкин стал знаменит? Исключительно благодаря склонности фамилии к словообразованию. Ни одна другая фамилия не позволит вам произвести существительное, подобное «пушкиноведению». Из Толстого может выйти разве что «толстовство». Из Достоевского «достоевщина». Из Гоголя «гоголь-моголь». Только Ленин сумел Пушкина обскакать и то потому, что псевдоним себе взял, а с таким псевдонимом ни много ни мало — «лениниана». Но на псевдониме-то не больно долго продержись».

(из книги «Размышления Аристарха»)

ШЛЯПА ПУШКИНА

Как известно, у Пушкина была шляпа. Такая вся из себя высокая и чёрная. По-научному шляпа называлась цилиндр. И поэтому Пушкин любил о себе говаривать: «Я пока что одноцилиндровый Пушкин. Но ничего, накоплю денег, куплю ещё одну шляпу и стану двухцилиндровым. Потому как по нашим дорогам с одним-то цилиндром не пройти, не проехать».

Но тем не менее Пушкин часто разгуливал по округе, имея всего-навсего один цилиндр.

Обычно Пушкин надевал свой цилиндр на голову, но иногда, забывшись, собирал в него грибы и другие посторонние предметы.

Однажды в их деревню приехал фокусник и показал, как из шляпы нужно вытаскивать зайцев, голубей и прочую разную живность.

И тогда Пушкин тоже попробовал использовать шляпу в полезных целях. Он специально писал какое-нибудь плохое стихотворение и бросал его в шляпу, рассчитывая вытащить из неё настоящий шедевр. Однако этот фокус выходил довольно редко, зато обратный получался совсем неплохо. Если в шляпу бросить вполне хорошие и гладкие стихи, то обратно их можно было достать все помятые, скомканные, а иногда даже и рваные. (Так впервые Пушкин научился делать рваные рифмы.)

В общем, шляпа стала у него настоящим помощником. Случалось, что он заказывал ей даже вольные переводы с латинского. Бросит туда, например, «Памятник» поэта Горация, а вытащит уже Памятник для себя и причём не просто какой-нибудь, а самый что ни на есть нерукотворный. И то сказать: откуда ж у шляпы руки.

Иногда Пушкин заглядывал в пустую шляпу и спрашивал: «Пушкин! Где ты? Где ты? Пушкин!» А потом, нахлобучив шляпу по самые уши, отвечал: «Ага, нашёлся!»

Вот такая была шляпа у Пушкина, и все ему, конечно, завидовали.

(из книги «Вещи Пушкина»)

САПФО — «Сапфо не любила Алкея и с ним не впадала во грех, / Ей нравился тот, кто слушал её нежнострунный голос и переливчатый смех».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

СЕНЕКА — «Он утверждал, что века от века / Смерть пожирает человека».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

СОЛОН — «Солоноватый стих Солона — / Всего лишь выжимки его законов».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

СОФОКЛ — «Я так думаю, попадись Софокл на приём к Зигмунду Фрейду, тот наверняка бы нашёл у него Эдипов комплекс».

(из книги «Размышления Аристарха»)

ТИБУЛЛ — «Певец домашнего уюта, / Он был далёк от абсолюта».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

ТИРТЕЙ — «Пускай он был убог и хром, / Но мог возвышенным стихом / Вершить победу над врагом».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ТРЕДИАКОВСКИЙ и К°. — «Поэт Тредиаковский почти всегда хорохорился и даже стихи решил исключительно хореем писать. А Ломоносов, тот хотя и был на женщину похож, однако под Тредиаковского всё больше ямбом подкапывался. Тогда приходит к ним смурной Сумароков и говорит: «Айда на 143-м псалме драться. Кто проиграет, тот и козёл!». Ну, Тредиаковский, как обычно, с хореем пошёл на псалом-то, а Сумароков с Ломоносовым — те знай свои ямбы кропают. Ага. Ну, скинулись по рублику, обмыли, конечно, это дело и давай псалмы распевать. Каждый на свой лад старается — рулады выводит. Да только ни фига хорошего у них почему-то не выходит. Думают, может сели не так? Или, может, размер не тот? А тут мимо них как раз Иван Барков идёт. Пьяну-ущий, просто ужас. Они к нему, конечно, наперегонки кинулись и говорят: «Слышь, Вань, не в службу, а в дружбу — каким размером 143-й псалом переводить?» А Барков сплюнул, конечно, и отвечает: «Да хучь бы и анапестом, а всё равно козлы».

(из книги «Байки от Аристарха»)

(Attention: составитель оставляет за собой право не соглашаться с мнением своих корреспондентов)

ФЕОГНИД — «Мыслитель мирный. В основном / Писал для друга Кирна он».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ФЕТ — «Афанасий Фет был очень похож на еврея, и почему-то его это очень огорчало. Хотя тогда, конечно, времена были такие, для евреев не сильно, скажем, важные. А тем более Фет ещё и незаконнорожденный был, что ему тоже не очень нравилось. Два этих обстоятельства делали существование поэта ну просто невыносимым, и на 73-м году жизни его ангельское терпение наконец кончилось и он решил заняться самоубиванием. Но ему, конечно, секретарша помешала, и тогда Фет, назло ей, тут же умер от разрыва сердца. Такой уж был человек».

(из книги «Байки от Аристарха»)

ФИЦДЖЕРАЛЬД и Х° — «Как известно каждому культурному человеку, у нас на Земле существует водка. Это уж мир так устроен, и никуда тут, как говорится, не денешься. И понятное дело, что все образованные люди имеют обыкновение эту самую водку время от времени употреблять, а некоторые даже злоупотреблять. Особенно на неё, конечно же, писатели налегают. Они видят в этом некий шарм, а также успокоение для утомлённого сердца, которое болеет за всё бестолковое человечество. И чем лучше писатель, тем он, конечно, сильнее за человечество болеет и водкой, конечно же, больше других злоупотребляет... Вот, допустим, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, он, видите ли, имел обыкновение напиваться ну просто по-скотски и тем очень забижал своего друга Хемингуэя, говорил ему разные слова о смерти и заставлял его за градусником бегать. А на утро его, конечно же, совесть начинает мучить, да ещё и мутит с похмелья-то. Вот тут уж и начинается свои бессмертные книжки писать. Причём, очень даже они Великие получаются, а временами и Нежные».

(Из книги «Байки от Аристарха». Кстати, мы с Фицджеральдом родились в один и тот же день (прим. Составителя).)

ХЕМИНГУЭЙ — Вот какую загадку я слышал в детстве про этого человека: «Красный, волосатый, начинается на «Х», заканчивается на «Й», в середине есть буква «У».

ХЛЕБНИКОВ — «Однажды Велемир Хлебников предсказал, что крушение Российской Империи состоится в 1917 году. Ему, конечно же, никто не поверил, и все над ним очень нехорошо подсмеивались. Тогда Хлебников, с целью раскачки всенародного сознания, начал писать шибко заумные вирши, чем, естественно, вызвал недовольство неграмотных трудящихся масс и раздул в них тлеющие угли бунтогромящего духа. Что, собственно, и явилось основной причиной революции. (А уж потом все эти «верха не могут, низа не хочуть».) Именно за подготовку первой революции поэты Мариенгоф и Есенин прилюдно назначили Хлебникова Председателем Земного Шара».

(из книги «Байки от Аристарха»)

ЦЕЗАРЬ — «Когда поймали Цезаря пираты — / Писал поэмы он в огне морских закатов».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

ЦИЦЕРОН — «Весьма болтлив был Цицерон, / И этим самым славен он!»

(из цикла «Ремарки про Рим»)

ЧЕХОВ — «Антон Павлович Чехов радостно чихал на всю российскую действительность... Но с каждым чихом разлетались на тысячи миль драгоценные микробы культуры».

(из книги «Размышления Аристарха»)

ЭЗОП — «Эзоп придумал свой язык / И со скалы, хромая, брык...»

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ЭННИЙ — «Его труды отнюдь не малы — / «Большие» римские «Анналы».

(из цикла «Ремарки про Рим»)

ЭСХИЛ — «Сей драматург весьма не хил — / Он театр новый сотворил».

(из цикла «Грецкие огрехи»)

ИМПРОВИЗАЦИИ

Из путеводителя:

Эти вольные импровизации на темы немецкой классической поэзии 19-го века появились приблизительно в 1988 году. Долгое время они мне казались слишком уж аллюзивными, слишком уж упёртыми в книжность, но сейчас, перечитывая эти строки, я вдруг увидел в них доброе шутовское лицо и мне показалось, что оно различимо и без достаточного владения исходным предметом обсуждения.

БРУДЕРШАФТ С ГЕНИЕМ

только для ценителей и знатоков немецкой поэзии

ГЕЙНИАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

*Da hab ich viel blasse Leichen
Beschworen mit Wortesmach;*

(Heinrich Heine)

Просыпаюсь с будуна, а рядом Гейне

*В сладком похмелье с портвейна.
На душе твоей полусон, полукома.
А ты перелистываешь томик Гейне,
Где тихая ночь и на улицах дрёма.
Где дом, в котором жила звезда.
Звезда куда-то ушла из дома,
А он всё стоит, как стоял всегда.*

Варю брагу вместе с Генрихом Гейне

*Помнишь, варили брагу. Пробовали на вкус.
Ты разглагольствовал в кухне, выжимший и босой:
Мол, вот тебе и пожалуйста, Гегеля полный курс.
Мол, это тебе не что-нибудь — смысл наук такой.
Я его понял намертво — взял на печёнку груз,
И не потому, чтоб я пьяный был, так уж трубач лихой.*

Не успел проснуться, а уже слышу, как поёт Гейне

*Не успел оклематься ещё от тяжёлого липкого сна,
А он мне шепчет с акцентом скрипучим:
«На голой вершине сосна,
На севере диком и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она».*

*И что-то ей снится про пальму и солнце,
Про грустный горячий утёс...
А я на зелёном замыганном донце
Отыскивал капельки слёз!*

НОВЫЙ НОВАЛИС

*Erwacht in euren Zellen,
Ihr Kinder alter Zeit;*

(Novalis)

**Стоит немного выпить, как кругом Новалиса
ну просто навалом**

*Случилась вчера история,
Не ведая как, напился,
И с полки ко мне на голову
Новалис, поэт, свалился.
Он звал из темниц и келий
Детей первобытных лет:
Пора, говорит, с постелей
Уйти в голубой рассвет.*

Тоскую в пустой комнате вместе с поэтом Новалисом

*Когда горячими слезами
Я плакал в комнате пустой.
Когда лежал перед глазами
Новалис со своей тоской.
Когда закончилась отрава,
И ныла боль со всех сторон
Такой томительной усладой,
Что бездна превращалась в сон.
И в пропасти, где столько дивных
Сокровищ нам припасено,
Что в дикой жажде беспрерывно
Ты тянешь кислое вино.
Когда в водушном опьяненье,
И только мечешься скорбю,
И к собственной взываешь тени,
Утратив самого себя.
Открыты мне твои бутылки!
И я знаком с твоей тоской,
Не вороша свои опилки,
Я знаю, в чём найти покой.*

Вот что однажды сказал Новалис

Испив однажды политуры,
Сказал мне Фридрих Леопольд:
«Когда б не числа и фигуры,
Тогда б не пили мы с тобой».

ШАЛЬНОЙ ШИЛЛЕР

*Ein frommer Knecht war Fridolin
Und in der Furcht des Herrn.*

(Friedrich Schiller)

С Шиллером подшофе

Сидели мы как-то с Федей,
Шампанское распивали,
И кубок его старинный
Нечаянно потеряли.
И он всё кричал: «Кто смелый?
На подвиг, — мол, — кто решится?
Кто кубок отыщет белый
И с ним ко мне возвратится?
Тому, — говорит, — я кубок
С шампанским своим отдам». —
Да только не нужен кубок
Ни птицам, ни алкашам.

Шиллера в мешке не утаишь

Шёл я своей дорогой.
В мешке моём Шиллер был.
Быть может, он слишком много
Намедни вина попил?
Кому уж дело какое.
Несу свой нелёгкий груз.
А то, что он волком воеет,
Так может напала грусть?

ОСЕННИЙ ШТОРМ

*Es ist so still; die Heide liegt
Im warmen Mittagssonnenstrahle,*

(Theodor Storm)

В беседке в парке под дождём
Со Штормом пили мы вдвоём!

*Летит листва — нальём вина,
Пускай ликует сатана.
Напьемся до икоты.
В осенний день
Свернём бекрень,
Отринем все заботы.
И привнесём в лесную сень
Немного позолоты.*

*Забудет сердце о беде,
Коль звон бокалов грянет.
Мы верим: сердце в октябре
Губить себя не станет!*

ФИЛИГРАНИ ФРЕЙЛИГРАТА

*O lieb, so lang du lieben kannst!
O lieb, so lang du lieben magst!*

(Ferdinand Freiligath)

*Я пил. Приехал Фрейлиграт.
Такой, как сотню лет назад,
В цилиндре на отлёте.
И тихо стало. Пуст бокал.
А он по комнате шагал.
Ругался, охал и икал,
Клял и похмелье и запой
И всё хотел найти покой
Пред догорающей свечой
На стареньком киоте.*

ЛИНИИ ЛИЛИЕНКРОНА

*Klingling, bumbum und tschingdada,
Zieht im Triumph der Perserschah?*

(Detlev von Liliencron)

*За бутылкой мы послали
Жёлтый с белым сенбернара.
И который час в окошко
Зрим, лица не отрывая.
Но напрасно, всё напрасно,
Как сквозь землю провалился!
Это чёртов сенбернар.*

*Наконец-то, вот он, вот он!
Топ да топ на важных лапах,
Топ да топ — язык, как знамя, —*

*Топ да топ, несёт бутылку
Жёлтый с белым сенбернар.*

УТРЕННИЙ ТИК

*Ach! Kennst du das Schmachten
Der klopfenden Brust?*

(Ludwig Tieck)

*С похмелья рано мой Людвиг поёт:
Вставай, говорит, не спи.
Вставай! Ведь солнышко в путь зовёт.
Пора в магазин идти.
Лишь ты один, говорит, в стенах.
Хотя тебя манит даль.
Вставай! С бутылкой пустой в руках
Не выgonишь вон печаль.*

ПРИХОДИТ ГЁТЕ В ГОСТИ К НАМ

*Tage der Wonne,
Kommt ihr so bald?*

(Johann Wolfgang Goethe)

*Заходит в нашу компанию
Трезвый в дымину Гёте.
Ну что, говорит, алькарики,
По-прежнему водку жрёте?
Я, говорит, хоть трезвенник,
Но нет моей силы боле.
Налейте и мне, любезные,
А то что-то сердце колет.*

(Встречи происходили приблизительно в 1990)

P.S. В дружеских пирушках с немецкими поэтами принимали участие: Александр Блок, Юрий Тынянов, Михаил Лермонтов, Вячеслав Иванов, Владимир Микушевич, Вячеслав Куприянов, Василий Жуковский, Евгений Витковский, Т.Сильман, Вильгельм Левик, Александр Гугнин и Николай Заболоцкий.

ТЕРРИТОРИЯ ПОИСКОВ СМЫСЛА

ПОМЫСЛЫ И ВЫМЫСЛЫ СМЫСЛОВА

(только для режиссёров)

пьеса с белым экраном

в двух партиях, трёх инцидентах и трёх карамболях

с частью первой части встроенной повести-притчи

и с пакетом новых технологий

ЛИЦА И ДЕКОРАЦИИ

Вячеслав Смыслов — писатель,

Иван Примитивнов — технолог,

Фёдор Хитроумнов — строитель,

Экран — грань сознания.

Декорации:

кришнаиты,

работяги,

восточный поэт-мыслитель,

нищий,

пьяный,

ловец пробки,

часы с маятником,

мраморный фонтан,

напольные вазы с павлиньими перьями и клюшками для гольфа,

факелы.

В душе каждого из нас сокрыт Великий

Режиссёр, несущий свет рампы на

подмостки нашей Судьбы.

(мифологический Шекспир)

ПАРТИЯ ПЕРВАЯ

инцидент первый

В левом углу сцены сидят на коврике трое кришнаитов в чёрных костюмах, отутюженных сорочках и узеньких галстуках; пострижены по-кришнаитски; тихонько напевают свои псалмы. В правом углу трое работяг разбирают тракторный двигатель; в промасленных робах; лица измазаны; курят беломор; тихо переговариваются и переругиваются. И кришнаиты и работяги выполняют роль декораций и находятся на сцене на протяжении всего инцидента. В центре сцены расположен круглый стол-стойка, за которым пьют пиво Смыслов и Простодушнов. На заднем плане квадратный экран, на котором на протяжении всего исполнения происходит своя экранная жизнь. (Отметим, что для постановки пьесы должно использовать киноустановку старого образца, с системой зеркал, установленных таким образом, что проектор располагается не позади зрительного зала, а за кулисами сцены.) Звучит кларнет (Words, R.Fitoussi).

Экран вспыхивает пронзительно голубым светом. На нём, как бы проявляясь, проступают золотистые буквы: «Я потусторонний экран, не являюсь декоративным убранством сцены, но, напротив, полноценный участник её и действующее лицо. По воле автора я играю роль одной из граней перепутанного сознания Вячеслава Смылова, и то, что творится во мне, всего-навсего отражает некую светящуюся плоскость его захламлённого мозга...»

Буквы постепенно растворяются, превращаясь в солнечные блики, играющие на поверхности моря. Над морем кружатся чайки. Их сначала довольно громкие крики постепенно стихают и сливаются с шумом моря.

На сцене с грохотом появляется Фёдор Хитроумнов, держа в каждой руке по три кружки пива; с беломором в зубах и воблой, торчащей из грудного кармана.

С его появлением экран перечёркивается чёрным диагональным крестом и через некоторое время боковые треугольники заполняет пустыня, по которой клубятся небольшие смерчи. Сверху и снизу по-прежнему плещется море.

Хитроумнов подходит к столу-стойке и заботливо расставляет пиво.

Хитроумнов: Я тут постою, если вы не против?

Примитивнов (подкураживаясь):

*Мы не то чтобы не против,
Но, напротив, будем против,
А верней, насупротив
Тоже пить апперетив!*

(И душевно): Располагайтесь... и располагайте... будьте как дома...

Хитроумнов: Не-е-е, как дома не надо... А ты чо, поэт, вроде того?

Примитивнов: Я-то не поэт. Я — технолог. А вот Они (показывает на Смылова). Они будут известный поэт и писатель: прославленный в вечности Вячеслав Смыслов!

По пустыне движется караван верблюдов. Над морем неистово дерутся чайки.

Хитроумнов: Ну-у! Чо, тот самый Смыслов, что ля?!

Примитивнов: Не тот самый, а этот самый. А ты чо, читал, что ля-я? (передразнивает Фёдора).

Хитроумнов: Ежели тот самый, то читал. Вот ведь тоже получается, и писатели в пивную ходя-я...

Диагональный крест схлопывается, уничтожая море. Среди пустыни возникает зелёное пятнышко, которое постепенно превращается в холм. Караван верблюдов исчезает за горизонтом. Холм выступает на передний план. На экране оформляется картина Иеронима Босха «Искушение святого Антония», где вместо Антония сидит Смыслов.

Хитроумнов: Ну, ребята, это дело надо оприходовать! (достаёт из кармана брюк поллитру). Вы как относитесь к употреблению ёршика? Не возражаете?

На картине из реки проступает лицо Хитроумнова, который, выпучив глаза, беззвучно орёт.

Примитивнов: Возражений целый воз в небо возникший увёз... Или увяз? Хм, а можно ли в небе увязнуть? Вот в чём вопрос! Насыпай сопливого, неизвестный почитатель известного таланта.

Хитроумнов: Фёдор я буду, а можно Федя (разливает водку по кружкам с пивом).

Картина Босха живёт своей собственной жизнью: уродцы и монстры грохочут и бесятся вокруг Смыслова-Антония.

Сцена затемняется, и зритель видит лишь экран с бестиарием вокруг неподвижного святого. Через некоторое время экран тускнеет, сцена освещается и зритель возвращается к пивному столику, за которым пьянка уже в полном разгаре, а разговор пойман посередине.

Хитроумнов: А вот ещё слухай такой сюжет. Это всё так и было, ты не думай. Был у нас в бригаде один записной пропойца — Михалыч. Квасил он, прямо скажем, ну просто по-чёрному. Хотя и в тихую. Жмот был капитальный. Но квасил. А тут вдруг, что за дела? Не пье Михалыч!

День не пье, два, неделю... Я его спрашиваю: «Ты чо, мол, Михалыч, не заболел часом?» А он: «Пятьдесят,— говорит,— стукнуло. Всё,— говорит,— хватит. Пора и о здоровье подумать...» Ну, точно, думаю, стукнуло... Да. А у нас Костя, был такой малый, ну, шутник, одним словом. «Тебе,— говорит,— Михалыч, о душе пора уже думать, а ты о здоровье! Спятил, что ли, на старости лет-то?» Ну, шутки шутками, а Михалыч не пье. Более того, вскоре и жрать перестал. «Очищение организма, — грит,— лечебное голодание, блин». Дальше — больше. Костя наш, шутник-то, видя такое дело, книжонку ему приволок, «Уринотерапия» называется, ну хохмы ради. Так ты чо-о! Михалыч-то её в полный серьёз забрал. Начал ссать своё глушить, ну без удержу просто. Как раньше водяру гробил литрами, так теперь от ссак своих не просыхает. И смех и грех, одним словом.

(Фёдор рассказывает с выражением, жестикулируя и кривляясь. Простодушный хохочет до слёз. Смыслов улыбается.)

На экране начинается дождь и постепенно всё закрывает своей пеленой.

Хитроумнов: Ну, на этом ить дело не кончилось. Костя наш, видя, что тут лубое дело проходит, друга одного подговорил, и они с ним лекции на магнитофон начитали о том, что якобы очень полезно бздо нюхать. «Возвращение отработанных, мол, организмом газов наполняет альвеолы новым доселе невиданным смыслом, ну и прочая там пурга разная». Ну, и Михалычу, конечно, подсунули. Дык Костя потом бутылки ящиками по всей стройке сшибал на спор, что Михалыч его бздо будет нюхать. Ага, а тот нюхает ведь, дурень-то старый, нюхает и не морщится. Будто это не вонючий сероводород, а самый что ни на есть букет сирени. Ага, ну, Костя-то всё никак не уgomонится. Он, значить, посоветовал Михалычу грубую пищу есть, чтобы, значить, повысить коэффициент бздюшности: ну, горох там недоваренный и всё такое. А Михалыч, он по-трезвяни-то, всё одно что дитя малое стал. Что, значить, ему муdозвоны всякие говорят, то и делает.

Примитивнов: (Ржёт на всю пивную.) Вот оно! Вот оно — возрождение старoго бога Крепитуса! Весёлый бог бзда, небось, и не мечтал о таком поклонении! Ну, порадовал, Федя, ну, порадовал... это ж надо придумать — коэффициент бздюшности, блин! (Смыслову) Учись, студент, у народа. Никакие катаклизмы такой народ не сломают. С таким народом мы вылезем из любой задницы. (Воодушевляясь и как бы выкрикивая лозунги.) Догоним и перегоним Америку по коэффициенту бздюшности! Добьёмся непрерывного бздёха от рождения до смерти! Да здравствует российский бздёх, самый вонючий бздёх в мире! Ура, товарищи! (Успокаиваясь и отхлёбывая пиво.) Ну, ты даёшь, Федя. Чем дело-то кончилось? Говно, что ли, твой Михалыч жрать начал?

Хитроумнов: Да не-е. Умер он. От запора, говорят, умер. А может и не от запора, кто знает?...

Все серьёзнее и грустнее. Сцена затемняется. Экран заполняется проливным дождём. Звучит кларнет (Are You Lonesome Tonight).

Первый инцидент исчерпан.

Инцидент второй

На экране по-прежнему лёт дождь. Звучит Рапсодия в стиле блюз Джорджа Гершвина. В левом углу сцены восточный поэт-мыслитель курит кальян. В правом спит пьяный в замурзанной телогрейке в окружении пустых бутылок. В центре сцены диван, на котором спит Смыслов. В ногах у него устроилась кошка. Стол завален пустыми бутылками, обедками и окурками. На полу разбросаны вещи и книги. Простодушнов ходит из угла в угол. Мается. Берёт пустую бутылку. Смотрит на свет. Ставит на место. Садится к журнальному столику и что-то пишет, время от времени вставая и рассматривая бутылку на свет.

На экране начинает проясняться. Восходит солнце. Солнце заливает весь экран. Проступает картина Питера Брейгеля Старшего «Страна лентяев», на которой в фигуре школяра узнаётся Примитивнов, в крестьянине — Фёдор Хитроумнов, а в солдате — Смыслов. (Гершвин осторожно стихает, и на смену ему также осторожно приходит летка-енка.) Яйцо на ножках танцует этот забавный танец, расплёскивая желток на траву.

Смыслов-на-диване просыпается. Достает измятую пачку сигарет. Закуривает.

Примитивнов: Слышь, Слав, я тут, пока ты дрых, вещичку одну накропал. Пошёл посрать, понимаешь, и тут на меня наехал. Вот. Ну, хочешь, это, ну, почи-таю? Ну, слушай. Называется, это, вот: «Муха по имени Митрофан Ненавозкин»!

Смыслов молча курит. И смотрит на Примитивнова с определённой тревогой, чувствуется, что ему сейчас не до мух, и уж тем более не до литературных чтений. Но Ивана остановить не так-то просто. Он воодушевляется и начинает читать свежеродившийся текст. Иван читает с завыванием, с закаты-ванием глаз к потолку и с неподдельным пафосом.

«Однажды, посиживая на краешке фаянсового унитаза, автор услышал таинственный Голос, который произнёс загадочные слова: «Муха Митрофан Ненавозкин». Повинуясь Голосу, автор не сходя с места (и так и не сходя) запечатлел видение, исписав полрулона туалетной бумаги, за что и был выруган впоследствии эконо-мной женой.

*Невыдуманному Митрофану-Мухе,
Который живёт в каждом из нас.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Настало утро, и золотые блики молодого солнца заплясали на зелёных травах бескрайнего луга. Послышалось щёлканье бичей и мычанье коров. И зов над травой — это сигнал к завтраку. Большой сбор. Снова и снова раздавался он в воздухе, пока, наконец, тысячи мух не слетелись к стаду. И каждая из мух хитростью или силой пыталась отхватить себе лепёшку посвежее и покрупнее. Ещё один хлопотливый день наступил на круги своя.

Но мухи по имени Митрофан Ненавозкин не было в толпе. Он тренировался, — вдали от остальных, один, высоко над стадом и лугом. Поднявшись на сто футов в небо, он опустил мохноногие лапки, приподнял хоботок и вытянул вперёд изогнутые дугой крылья и, превзмогая боль, старался удержать их в этом положении. Такая форма крыльев должна была, по его мнению, до предела замедлить полёт. И Митрофан скользил всё медленнее и медленнее. Свист ветра в ушах сменился едва слышным шёпотом, и зелёный океан травы застыл внизу неподвижно. Прищурившись в чудовищном сосредоточении, Митрофан задержал дыхание.

Ещё... на один... единственный миллиметр... круче... эту... кривую. Крылья его дрогнули, он совсем потерял скорость и упал.

Мухи, как известно, не раздумывают во время полёта и никогда не останавливаются. Остановиться в воздухе для мухи — это позор, для мухи — это бесчестье.

Но Митрофан Ненавозкин не ощущал стыда и вновь и вновь выгибал свои непослушные крылья, ведь он не был заурядной мухой.

Большинство мух не стремятся узнать о полёте ничего, кроме самого необходимого: как долететь до навозной кучи и вернуться назад. Для большинства мух главное — это говно, а не полёт. Для этой же мухи главное было не в говне, а в полёте. Больше всего на свете Митрофан Ненавозкин любил летать.

Но подобные пристрастия, как он понял, не внушают уважения мухам. Даже его родители были встревожены тем, что Митрофан целые дни напролёт проводит в одиночестве и, занимаясь своими опытами, снова и снова планирует над самой землёй.

— Зачем, Митенька, для чего? — спрашивала мать. — Почему ты не можешь вести себя, как все мы? Почему ты не предоставишь остановку на месте стрекозам, а скоростные полёты — майским жукам? Почему ты не ешь говно? Сын, от тебя остались крылья да лапки.

— Ну и пусть, мама, от меня остались крылья да лапки. Я хочу знать, что я могу делать в воздухе, а чего не могу. Я просто хочу знать.

— Послушай-ка, Митрофан, — говорил отец ему без тени недоброжелательности. — Зима не за горами. Тучные коровьи стада будут появляться всё реже, а говно, которое теперь лежит на поверхности, придётся искать по сортирам и по помойкам. Если тебе непременно хочется учиться, изучай говно, учись его находить. Полёты — это, конечно, очень хорошая вещь, но одними полётами сыт не будешь. А ведь к зимней спячке не помешает накопить побольше подкожных запасов из витамина Г. Так-то, сынок.

— Хорошо, папа, я буду есть говно и перестану учиться летать.

Целую неделю Митрофан жил жизнью стаи, дрался из-за кучи говна, кусал коров и не поднимал своего хоботка выше линии горизонта. Но однажды, когда он увидел старую больную муху с перебитыми лапками, он вдруг вскричал в своей душе: «Всю жизнь жрать говно, чтобы вот подохнуть у края коровьей лепёшки, не доползая до неё каких-нибудь трёх миллиметров!? Бред какой-то! Пусть я умру от голода, но в струях прозрачного свежего ветра, на предельной скорости сорок миль в час!» И он поднялся на высоту двести футов и спикировал вниз, изо всех сил напрягая жужжальца и прижимая к груди три пары лохматеньких ножек».

Иван прерывает чтение. Подходит к столу и, посмотрев в очередной раз бутылку на свет, выжимает из неё несколько капель.

Яйцо на экране замирает в весьма неудобной позе

Из-за дивана выползает Фёдор Хитроумнов и, стоя на четвереньках, говорит

С началом его речи яйцо продолжает прерванный танец.

Хитроумнов: Чтой-то такое я уже читал, токмо там про чайку было. Похоже, не один ты, Иван, такой умный и не токмо с тобой Голоса на толчках разговаривают. И вот что я тебе, Иван, подскажу. Про чайку, оно как-то душевнее получается. А у тебя — му-у-ха... Тут уж, Иван, лепи не лепи, а из говна карамельку не вылепишь.

Примитивнов: А ты знаешь, что сказал Ятаро Кобаяси, или, как он называл себя, Исса, в своей книге «Моя весна»? Он сказал: «Жизнь всех существ и тварей,

даже блох и вшей, должно ценить наравне с человеческой». А ещё... ещё он написал вот такие стихи (становится в позу Владимира Маяковского):

*Громко пукнув,
Лошадь подбросила кверху
Светлячка.*

А Буссон написал про этих..., ну, как там..., а, вот:

*Комья свежей земли.
Льётся на полевых улиток
Безучастный дождь.*

А вот хокку Басё, послушай, какая музыка:

*К утренним вьюнкам
Летит с начальным звоном
Слабеющий москит.*

И москиты, и улитки, и пердящие лошади восхищали японских поэтов. Вас же, гнусную Европу, могут восхитить лишь белокрылые чайки и длинношеие лебеди. Вам дела нет до хаоса, бушующего в груди простой навозной мухи. О, быстротечность! О, суета! О, дешёвка! В малом, в ничтожно малом сумеите узреть зерно истины! В концентрических кругах коровьей лепёшки откройте мировую гармонию... Вы же брезгливо затыкаете нос при виде навозной кучи. Вы отмахиваетесь от мух, даже не подозревая, что сокрыта и в них божественно-неведомая тайна. Задумайтесь хотя бы о самой сущности мушиного бытия. Ведь наша комната для неё, что для тебя ангар шести километров в длину и трёх в высоту, и эта козявка пересекает его из угла в угол всего за одну секунду! Если же расстояние измерять не в метрах, а в размерах существ, как раньше в саженьях там, да. Ведь это же правильно, да, у мухи свою сажень, у блохи своя, а у человека своя. Так вот, в этом случае, тебе, дорогой мой Федя, нужно было бы мчаться почти что с первой космической скоростью, чтобы сравняться с этой самой мухой... Какие чайки... Да чайкам и снится не снились такие полёты...

На экране страна лентяев сдвигается в сторону, и происходит внутриэкранный полёт над полями. Возникает деревня, ручей и вырисовывается другая картина Питера Брейгеля «Разоритель гнёзд». В фигуре разорителя угадывается Иван Примитивнов, в фигуре крестьянина — Фёдор Хитроумнов.

Хитроумнов: А ещё твой любимый Исса сказал:

*Прохладно!
Ведь мне ещё так далеко
До Амида-будды.*

А твой любимый Басё сказал:

*Снежное утро,
Сушёную рыбу глотать одному,
Вот моя участь.*

С этими словами Хитроумнов достаёт из кармана огрызок воблы и начинает его обсысывать. Иван с величайшим удивлением смотрит на Фёдора.

Примитивнов: А ты, Фёдор, оказывается не так прост, как кажешься с первого взгляда.

Хитроумнов: А ты не так хитёр, как надеешься. А вообще-то с будуна лучше всего пить пиво с яишницей, а не упражняться на навозных софизмах. Годится?

Примитивнов: Пожалуй, годится.

Все трое уходят.

На экране Фёдор-крестьянин падает в ручей, а Иван-разоритель срывается с дерева. Разлетающиеся брызги заполняют экран и сплывают по нему в неведомом броуновском танце. Звучит музыка Китаро.

Второй инцидент исчерпан.

Инцидент третий

В левом углу сидит нищий. В правом потрёпанный мужичок безуспешно пытается выловить пробку из пустой бутылки при помощи верёвочной петли.

На экране нежно-голубое небо с лёгкими кучевыми облаками. Ласточки. Музыка Поля Мориа.

В центре сцены скамейка в заброшенном уголке парка. Примитивнов пьёт портвейн, Смыслов курит, Хитроумнов режет хлеб.

Примитивнов: А меня сегодня с работы попёрли. Я им обещался пакет новых технологий разработать. Целый год, понимаешь, трудился. Каждый месяц новую технологию рожал. Сегодня принёс их всю дюжину. Сдал... А меня попёрли. Не поняли ни черта. Дебилы. Зациклились на своих гигабайтах. Простых слов понять не в состоянии.

В это время на экране проступает облетающий осенний парк. А в зрительный зал сверху рассыпаются листья с технологиями Ивана Примитивнова:

Пакет новых технологий

Технология славы

*Всё достаточно просто:
Достаточно потратить на это
Немного времени —
Жизнь...
Достаточно отказаться
Совсем от немногого —
От себя...*

Технология Творчества

*Всё очень просто:
Достаточно лишь
Научиться летать...*

*И вот ещё что:
Ещё бы суметь
Рассказать об этом.*

Технология Любви

*Это совсем нетрудно:
Необходимо всего-навсего
Сойти с ума.*

*И достаточно просто
Случайной встречи.*

Технология счастья

*Это весьма и весьма легко:
Достаточно всего лишь отказаться
От зависти, от гнева и
Забот о будущем своём.
А также от привязанности к
Возлюбленным, собакам и котам.*

*Да вот ещё: при всём при этом
Необходимо человеком быть.*

Технология бессмертия

Для этого достаточно родиться.

Технология алкоголизма

*Каждый день необходимо
Литр водки выпивать.*

Технология радости

*Это очень и очень легко:
Достаточно увидеть облака
Иль снежных хлопьев зимнюю сонату,
Иль просто слышать, как течёт река...*

Да вот ещё: с д у ш и о т б р о с и т ь в а т у . . .

Технология технологий

*Для этого нужно всего лишь
Бессоницей заболеть;
Бумагу иметь да ручку,
Да крепкий цейлонский чай.*

Технология страсти

*Для этого необходимо
Пожить немного месяцев в глуши,
Хотя б среди пингвинов.
А после вдруг попасть
В очаровательно-трепещущую стаю
Из молодых брюнеток и блондинок.*

Технология чёрной депрессии

*Необходимо запороть дела,
Уйти из дому и порвать с любимой.
Вдобавок ноги стоит поломать
И заразиться, для примера, СПИДом.*

Технология светлой грусти

*Поллюбить и не быть любимым,
Написать «Мёртвых душ» и сжечь
Или ночью полярно-длинной
Посидеть у церковных свеч.*

Технология власти

*Сулить да юлить —
И вся недолга.
Да вот ещё — постскриптум:
Дураков надывать.*

Примитивнов: Одно им теперь назначение. Будут служить скатёркою.

Иван расстилает листы на скамеечке и перекладывает на них хлеб и колбасу. Фёдор наклоняется и читает. Смыслов перевешивается через скамейку и блюёт.

На экране проступает картина Сальвадора Дали «Искушение Святого Антония»

Хитроумнов: А ты, Иван, однако же, не токмо по говну, оказывается...

*Агдам, или Алб де Масэ.
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год.*

Смыслов кончает блевать. Разворачивается и смотрит на друзей просветлённым взором. Экран заполняет розовощёкое облако, потом оно сдвигается к горизонту и выплывает картина Борисова-Мусатова «Гармония», где в образе поэта выступает Иван Примитивнов, в образе старухи — Смыслов, в образе девушек — Хитроумнов. Сцена затемняется, на экране расстилается заря. Музыка Китаро.

Инцидент третий исчерпан.

Карамболь первый

В правом углу сцены старинные часы с маятником и гирьками, в левом небольшой мраморный фонтан с тремя чашами на разных уровнях.

На экране паровозный дым и шум железной дороги конца прошлого века, смутно угадываются контуры картины Клода Моне «Мост Европы. Вокзал Сен-Лазар». Звучит музыка Дидье Морюани. В центре сцены: раннее утро застало наших героев на привокзальном перроне провинциального городка. Смыслов сидит прямо на платформе, подперев кулаками щёки. Хитроумнов развлекает спирт, отмеряя пропорции при помощи рулетки. Примитивнов курит. Хитроумнов произносит речи, он в хорошем настроении. Примитивнов, наоборот, грустен и говорит большей частью для самого себя, не слушая разглагольствований Фёдора.

Хитроумнов: Спирт есть воплощённая метафора великого соединения огня и воды. (Наливает его в баночку из-под майонеза и протягивает Примитивнову.)

Примитивнов: Если б было море водки, я бы стал подводной лодкой (пьёт).

Хитроумнов: Сия жидкость глубоко недооценена всем мистическим потенциалом нашей цивилизации.

Ведь если вода несёт миссию очищения, а огонь миссию разрушения, то спирту уготована роль очистительного разрушения, вплоть до катарсиса. Спирт уничтожает в памяти и сознании человека ненужный хлам, набросанный в него цивилизацией, изъеденной механическим жучком прогресса (протягивает баночку Смыслову. Смыслов пьёт, занюхивая рукавом).

Экран полностью заволакивается густым дымом.

Примитивнов: А синички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли.

Хитроумнов (с баночкой в руке): Та космическая информация, записанная на молекулярном уровне в структуре воды, ничто по сравнению с информацией, которую несёт в себе молекула спирта. То, что в воде заложено лишь потенциально, получило своё окончательное завершение в спирте. Спирт есть вторая, высшая эволюция воды. И если вода всего-навсего упорядочивает информационное поле, то спирт, напротив, хаотизирует его, привнося в мир Великую случайность и красоту. (Пьёт.)

Примитивнов: Монах-доминиканец Альберт фон Большедт, учитель Фомы Аквинского, создатель гомункулуса и открыватель философского камня, великий астролог, предсказавший торжество технического прогресса в XX веке, вплоть до полётов к Луне и Марсу, утверждал, что увлечение людей машинами и автоматами отомрёт и люди забросят их, как детские игрушки. (Закуривает.)

На экране сквозь дым проступает череп, повёрнутый в три четверти оборота.

Хитроумнов: Кроме того, спирт решает огромное количество немаловажных социальных задач. Отбросив, за мелкотой, убогие экономические проблемы, обратимся к его коммутативным и оградительным функциям. Если на заре человечества люди братались кровью, то сейчас они предпочитают выпить на брудершафт.

Примитивнов: Или переспать с одной женщиной, женщина в этом случае вполне достойный заменитель спирта.

Хитроумнов: Со-ратникам, со-отечественникам, со-гражданам, со-общникам, со-племенникам и со-участникам пришло на смену космополитическое понятие со-бутылник.

И если раньше, чтобы узнать человека, с ним нужно было съесть целый пуд соли, то сегодня достаточно пару раз нажраться в одной компании, и тут же становится ясно: кто есть кто. (Протягивает баночку Примитивнову.)

На экране появляется пантограф, высекающий искры. Череп освещается синеватым светом.

Примитивнов: Фарс и насмешка ничем не хуже философских раздумий. Безоглядно бросаясь в омут истины, мы теряем чувство комедии, пронизывающей все сферы бытия... Во время произведённый бздёх гораздо больше приближает нас к разгадке вечности, чем многолетние штудирование многоумных трактатов.

Экран вновь покрыт паровозным дымом, сквозь который пробивается едва заметное солнце.

Хитроумнов (наливает спирт и протягивает Смыслову): Другая жизненно важная функция спирта — это ограждение от невыносимо жёсткого и колючего давления цивилизации. И если раньше, спасаясь от бремени общественного бытия, люди вынуждены были анахоретствовать по пустыням, то сегодня они просто-напросто напиваются, отключая от себя напряжение социальных связей.

Примитивнов: И чего ради вычислять интеграл по контуру, если он в любом случае равен нулю? Наше движение по пространству, скрученному в бутылку Клей-

на, потеряло бы смысл, если бы мы разучились над ним смеяться. Предпочтя церемонию распятия клоунадам бродячих артистов, мы склонили мир в сторону нелепой серьёзности. Увы, это была слишком мрачная шутка.

Хитроуменов (с баночкой в руке): И, наконец, спирт обостряет наше мировосприятие, стирая уже не нужные штрихи карандаша на акварельном пейзаже господ Бога. (Пьёт.)

Солнце заполняет экран, потом уменьшается, превращаясь в звезду на ночном небосводе. Музыка Дидье Моруани. Сцена темнеет.

Карамболь первый исполнен.

Карамоль второй

По углам сцены стоят напольные вазы, в одной из них клюшки для гольфа, а в другой павлиньи перья. На экране горы Тибета, напоминающие репродукцию Н.Рериха, тень учителя. Слышна заунывная восточная музыка.

Примитивнов, Хитроуменов и Смыслов сидят на каком-то захламлённом чердаке. В руках у Хитроуменова картина, которую он разглядывает с противоположной стороны.

Хитроуменов: Похоже на знаменитое бесследно исчезнувшее полотно Гогена «Криволинейный персик».

Примитивнов (смеётся): Ты ещё скажи, что это соскоблённая часть с иконы Спаса Андрея Рублёва.

Хитроуменов: Дурак ты, Ваня, такой дурак, что даже дурацкий ум свой пропить не можешь. Видишь, тут в углу и подпись имеется «Гоген».

Примитивнов: От дурака слышу. Это не Гоген, а Гога. Неужели не видно, что последняя буква вовсе не буква «н», а простая закорюка. Мой брат — второгодник Гога — четверть века назад поставил большую кляксу и подписался, а некоторые эстетствующие болваны несут ахиною и воображают себя очень умными.

Хитроуменов: Сразу видно, что человек ни разу в жизни не видел подлинной подписи Поля Гогена.

Примитивнов: Вы глубоко ошибаетесь, многохитрожопейший Федя. Во-первых, видел, во-вторых, Гоген писал по-французски, в-третьих, он ставил в начале своей подписи латинское «Пе». А вот некоторые товарищи, сразу понятно, кроме красного кирпича, по которому плачет их физиономия, ни черта не видели!

Хитроуменов: Эх, Ваня, Ваня, примитивный Вы человек. Любому мало-мальски сведущему в искусстве человеку должно быть известно, что на знаменитом шедевре «Криволинейный персик», сделанном по личному заказу Московской городской головы Третьякова, Гоген из уважения к Сергею Михайловичу расписался по-русски. Кстати, дом, в чердаке которого мы изволили сегодня пить пиво, некогда принадлежал двоюродной тётке Сергея Михайловича по материнской линии. Фамилия тётки была, между прочим, Прима де Витте, которую, видимо, апосля революции и переименовали в Примитивнову, обрекая свой род из главенства по жизни в примитивизм ползания по чердакам.

Примитивнов: Ты ври, ври, да не завирайся. Никакой такой тётки у Третьякова не было, и никаких «Криволинейных персиков» Гоген не писал. Не надо брожение пивных дрожжей выдавать за изыскания в архивах искусства.

Хитроуменов: Этого не может быть, потому что не может быть никогда. И даже в полной энциклопедии изящных искусств вы не найдёте ни малейшего намёка на вышеизложенный эпизод. А всем известно, что если энциклопедия полная, то в ней должна быть описана даже ничтожная мелочь, даже клякса на палитре второгодника Гоги, а если не так, то тогда она не полна, а если она не полна, то, выходит, худа, а если худа, то хули писать о художниках. Что толку в энциклопедиях, если несмотря ни на что каждый болван в этой варварской стране воспринимает вели-

кий «Криволинейный персик» как кляксу некоего второгодника Гоги. Да полно, а был ли Гога-то? Не сам ли Ваня прикрылся придуманным братом, дабы впоследствии присвоить себе лавры русского Гогена?

Примитивнов: А вот сейчас как дам тебе в лоб, уже узнаешь, каково издеваться.

Хитроумнов: Вот они, российские аргументы: не докажу головой, объясню руками. А я, прошу прощения, не из-деваюсь, но о-деваюсь и умываю ноги. Ходить с фонарём во лбу мне отнюдь не улыбается.

Примитивнов: Нет уж, постой. Или ты извинишься перед памятью пропавшего Гоги, или я начищу твою сусальную морду.

Хитроумнов: Ах, Гога теперь уже и пропавший! Вы ошибаетесь, Ваня, не пропавший, а пропащий, и не Гога, а Вы. Честь имею откланяться. Пиво я с Вами больше не пью. Тем более и денег у Вас вроде бы как аля-улю.

Примитивнов хватает Фёдора за грудки и плюёт в лицо, они схватываются в какой-то неуклюжей борьбе, накатываются на Смыслова и начинают вдвоём дубасить его. Смыслов закрывает голову руками, сворачивается в позу зародыша и покорно выносит побои.

На экране происходит землетрясение.

Второй карамболь исполнен.

Карамболь третий

В левом и правом углах сцены горят факелы.

На экране перепутанная, коллажная картинка, воплощающая единовременный охват мира в истории и пространстве, некий алеф, описанный Борхесом: несение креста, извержение Везувия, Всемирный потоп, Ноев ковчег, взрывы атомных бомб, запуски космических кораблей перемежаются выступлениями клоунов, базарной толчейей, уроками первоклассников, бумажными корабликами в весенних ручейках и муравьями, таскающими травинки.

В центре сцены Смыслов, сидящий в три четверти оборота перед овальным зеркалом, он обращается к своему отражению.

Монолог Смыслова.

Я думаю, ты ничего не сможешь добавить к тому, что не было сказано. Недоговорить большего ты просто не в состоянии... Я понимаю, ты лишь отражение моё и з в н е в о в н е... Тонкий бессмысленный абрис, придуманной мной оболочки. Я могу изуродовать тебя сетью трещин, одним единственным и несильным ударом. Но не думаю, чтобы трещины добавили тебе глубины. Надтреснутую душу не спасти метаморфозой разбитого зеркала... Кто может спасти Великий смысл существования? Смысл, столь прозаически единый в трёх ипостасях своих... Ибо смысл, по сути своей, есть величина векторная, имеющая три неразделимых координаты. Координату наивности и веры в светлую буффонаду, координату цинизма и стремления к очистительному разрушению и демонической красоте и координату вечного поиска и седого безмолвия... Куда направлен мой смысл-вектор? И в каких единицах измеряются его координаты? Быть может, в долях великого Абсурда? Или в плавающих градусах алкоголя? Или же в чередованиях слогов и строчек? А может быть, он стремится к нулю, этот вектор? К полной потере ориентации в пространстве сознания и ощущения? Или, наоборот, уходит в математически единую бесконечность, снова утрачивая направление к... Стоп! И поворот из вне во внутрь. Как можно задаваться вопросом куда, не зная ответа на на вопрос откуда? Где оно, это мистическое начало отсчёта? Как Вы посмели, Вячеслав Михайлович, озадачить сим надуманным и сочинённым вопросом почтеннейшую публику и себя лично? Растворяясь в зеркальных метафорах и лже-аналогах Великого Смысла, Вы ещё больше запутываете и без того неразрешимую проблему. Вы бьётесь своим сведённым к разложению существованием в прозрачное стекло бытия, вместо того чтобы любоваться его законным пейзажем и бессознательным шумом.

Вы наивно поэтизируете камнерьлую действительность и цинично блюёте на девственную красоту поднебесного мира. Вы ослепляете своё рентгеноскопическое зрение и вырываете животворящий язык. Вы возомнили в себе переизбыток знания и переполнение души и обратили в уладу разрушение Богом отпущенного Вам дара. Вы зажали свой огромный талант в жалкий тупик гениальности. Увы, Ваша гениальность не взошла на пик Созидания, но рухнула в пучину разрушения. И не пытайтесь уверить себя, что глубина и высота лишь разные названия одного и того же... В попытке соединить жизнь и творчество, воплощаясь в своих персонажей и проецируя жизнь свою на чужеродные объекты, восстанавливая историю своего Я в перемещениях безмолвных декораций, Вы, Вячеслав Михайлович, пришли к тривиальному отказу и от жизни и от творчества...

В тяжкой гордыне и тщетных поисках незнамо чего и незнамо зачем, надеясь в двойном отражении получить плюс, Вы ошиблись в постижении существующих действий. Увы, элементарный закон умножения не работает в области раздвижения горизонтов сознания. По меньшей мере граница сознания скользит по степенному закону, а отрицательный показатель степени уводит эту границу не в глубь и не в высь, но в самый обыкновенный ноль... И напрасно полагать этот ноль чёрным ходом к сияющей вечности... Сокращение пути к бесконечной цели бессмысленно, если целью является бесконечный путь... И глупо считать Путь, протекающий сквозь тебя, равным Пути, пройденному тобой. Это всё равно, что вольное странствие по заоблачным странам заменить просмотром клуба кинопутешествий... Быть свидетелем не то же самое, что быть участником. А Ваше путешествие из цинизма в наивность не что иное, как освидетельствование собственной смерти... Вы даже не живой труп, Вячеслав Михайлович, Вы трупный запах, изъятый из жизни... Говоря это самому себе, Вы к тому же не верите во всё это... Вы смакуете изящные сравнения и парадоксальные мысли, Вы бравлируете самоуничижением и красуетесь в разложении себя на атомы, гордитесь своим у н и к а л ь н ы м уродством, забывая об уродстве и помня лишь об уникальности... Вы боитесь даже умереть, пытаетесь максимально приблизившись к границе нуля, заглянуть за неё и вернуться назад с искажённым от счастья лицом...

Поставив себя на одну ступеньку с Богом, Вы позабыли приравнять себя с другой стороны к щепоти кошачьего дерьма... В своём придуманном уродстве Вы мне противны, Вячеслав Михайлович... И я прощаюсь с Вами до следующей постановки, если найдётся тот безумный режиссёр, согласившийся работать с неуправляемым персонажем...

Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей, к тихому пристанищу моему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве.

Смыслов разбивает зеркало. Гаснут факелы.

Экран заполняется Небом и Морем. Звучит ария из «Magnificat» Иоганна Себастьяна Баха в переложении для трубы. Постепенно голубые цвета неба и моря выравниваются. И на чистом лазоревом тоне проступает золотистая надпись:

«Если полагать, что человек был создан по образу и подобию божию, то должно, как и в Господе нашем, различать внутри себя три неразделимых ипостаси. Ипостась наивного детства, ипостась разумного взросления и ипостась светлого духа. Иногда, в крайне редких случаях, после долгих экспериментов с собственным сознанием, человеку удаётся настолько явно вычленить свои ипостаси, что они отделяются и какое-то время живут самостоятельной жизнью...»

(из книги Николая Янга «Психология изменённых состояний сознания»)

Занавес.

Актёры для поклона не выходят.

Красногорск 1994 г.

ПЕЧЕНЬ — АГЕНТ МЕЖДУУТРОБНОГО КОММУНИЗМА

Из путеводителя:

Этот текст был написан не позже 1994 года, потому что с 94-го я уже набирал все тексты на компьютере, а этот отпечатан на машинке — значит, ранний. В своё время я показал его доктору Леониду Тишкову. Он в приватной беседе сказал мне, что вообще-то зря я обидел Печень, и посоветовал мне перед ней извиниться. Что я, разумеется, и тут же и сделал. Второй совет Леонид Тишков дал на одном из литературных вечеров, когда я зачитывал этот текст вслух (вот уж зачем это нужно-то было?). Так вот, после этого чтения Тишков посоветовал развесить его как памятку по всем аптекам. Что, конечно же, осталось неосуществлённым. Ну, как говорится, из наружи во внутрь, в текст, в утробу...

*Моя дорогая любимая печень
Вся в цветах, окружённая поджелудкой
Поднимается над моей головой...
(Л.Тишков)*

Как бы потому что. А быть может, и вопреки. Не в этом тело. В ином. Быть может, совсем у иного так часто в рассветную пору болит тот ломкий и расплывчатый зверёк со странной кличкой — Печень. Ведь и тому далёкому и канувшему в лету безвестному анатому-дефинитору, видать, припекало. Да что припекало! Пекло, как в печке, под двенадцатым правым ребром, хотя и напиток пиво, странствуя по оси времени в эпоху раздавания прозвищ отдельно взятым организмам тела, похвально изменял своё сомнительное качество в сторону безусловной неосомненности. Тем не менее. С тех пор, вопреки улучшению, и возникло то самое слово, которое зверски болит по утрам, будто бы еженощно смазывают его отнюдь не самолучшим, отборного солода пивом, но какой-нибудь гнусной настойкой керосина на клопах, да к тому же постельных... Или же возомнил он (Печень) себя «Летучей мышью» в смысле фонаря. И теперь норовит освещать события внутренней жизни той дремучей страны, где который уж год живёт и тоскует заперти стольобрядлого тела моя поэтическая душа? Или же, мол, любишь надраться — люби и похмелочки сносить! Шалишь, брат Печень. Не люблю я тебя, не холю и не лелею. Ты забрался в мою епархию тихой сапой, а вообразил себя Шанхайским набобом. Вот уж и в самом деле посажу тебя на бобы, тут и познаешь, злодей: почём он, фунт пива! А то ведь и просто посажу, с меня станется... Или ты, безмозглый неоформленный кретин, начитался (наслушался, наосязался (если ты слеп и глух, как я подозреваю)) тех революционно-буревестных сказок и решил поиграть со мной в мальчика Данко? Дык ведь я тоже отчаянный, когда разгорюсь и в свете белой горячки могу, положим, и рвануть тебя, чёрта лысого, с корнем. Чаю, скурвишься сразу тогда и потухнешь. И опять же чувства юмора я у себя сохраняю исправно, регистрируя их каждодневно абсурдным поступком. Так молись же, сгусток непереваренного дерьма, чтобы этим поступком не стала игра в Прометея (мы же тоже чего-то когда-то читали). Будешь выть большевистские гимны тогда под орлинистым клювом. И решительный бой проводить не со мной, а с

орловым когтищем. Может, ты посчитал, что работаешь больше другого? Утверждаешь, что задница бздит относительно редко? Да пойми ты, венозный мозоль, что молчать порой тоже полезно. И скрипение двух ягодиц иногда не приносит отрады. Пусть молчат в свою тряпочку чёрно-семейного цвета. А приспееет пора, то уж дунут в фарфорную дудку, чтоб по всей сантехнической эхо неслось и дрожало. Говоришь, что, мол, лёгким живётся не трудно. Всей работы дышать, а какая же это работа? Ну, положим, им тоже, печёночный брат, достаётся: у меня перекур, а у них замутнение стенок. И давно уж весь мир представляется им в чёрном свете. Но однако молчат и плохие бунты не бунтуют.

Намекаешь, что член не стоит постоянно, чаще спит, но однако же кайфа имеет всех больше. Но ты, Печень, припомни о льготах для тех, кто уходит в ночную. И опять же в расчёт принимай совмещение ставок. Да к тому ж, за талант и за верность особая плата, ведь того не бывало, чтоб подвёл он меня хоть когда-то. Ты же, гидра, всё больше бастуешь да камень за пазухой носишь. Подбиваешь трудягу сердечко к своим забастовкам. Не роптало ведь раньше. А теперь: «Предоставьте мне отпуск, физзарядку, режим, перед сном часовую прогулку...» От тебя нахваталась, зараза, заумных словечек. И желудок с подачи твоей завопил про диету, подавай ему, видишь ли, сок из свеклы и моркови, паровые котлеты, протёртые яблоки с мёдом, непременно кефир ввечеру и наутро овсянку, а иначе, грозился, что будет блевать после водки, особенно когда для букета в неё добавляю портвейну. Собирался, подлец, на меня навалиться икотой и изжогой поджечь без того опалённое горло. Очень долго язви́л мне, о чём-то бурчал и рыгался. Опасаюсь, со злости покроется язвой, пашёнок, самому же ведь будет потом, дурачку, неприятно, отвернётся тогда от него молодая моя селезёнка и настанет конец их кишечно-амурным романам. Кстати, Печень, не ты ли устроил подлянку и кишечник подвиг на халяву кормить аскаридов? Чаю — ты, он бы сам никогда не допетрил. Ты, прохвост, заявляешь: «Чем хуже — тем лучше». Не поймёшь, паразит, ты своим полуграмотным мозгом, что ведь первый же сдохнешь в затеянной общей разрухе. Как когда-то давно Печенег на Русь нападали, так теперь вот от Печеней нет никакого спасенья. Вы же: сердце, желудок и грёбанный сраный кишечник — аки дети идёте за Печенем этим циррозным. Он же всех вас зальёт своей желчью и вашей же кровью. И подохнете вы, не дождавшись счастливого завтра. Вы подумайте, что он, подлец, затевает — хочет вместо души править мозгом, а с ним же и телом; подчинить жизнь телесной страны не высоким порывам, а убогим и тесным сугубо кровавым поступкам: чтобы вены исправно кормили циррозного монстра, чтобы всех лейкоцитов в него насыпали в достатке, чтобы РОЭ ему на десерт подавали, да ещё (вы подумайте) хочет он гемоглобину, и совсем не того, что зарыт в виноградные лучшие вина, а с настоя шиповника, вишь ли, ему подавайте. С этим тварем, я чаю, вы вскоре забудете запахи леса и купанье в реке для вас станет далёкой легендой. На зелёной траве уж тогда не придётся (что вы, что вы, а вдруг да застудятся почки!). Ароматы полей вам заменит амбре из приёмных покоев. Он напичкает вас не вином, а вонючей касторкой. А тебя, брат желудок, поверь, будет время — напоит мочою.

Даже вы, мои верные руки, пред зверем циррозным дрожите, когда он пылает; и стакан с жигулёвским несёте душе, проливая. Неужели и вы захотели перо заменить на гантели? Колонковую кисть на железно-ненужную штангу? Уж поверьте, не слезут мозоли с ладоней, но уйдёт мастерство из прокуренных трепетных пальцев.

Ну, а вы, я так думал, что впрочем-то твёрдые ноги, что же вы подкосились под этим кровавым тираном? Не хотите идти в магазин, хоть ты тресни. Иль спешите забыть о коньках и о лыжах, и танцах, но пробежку трусцой получать ежедневной пилюлей?

А уж ты-то, уж ты-то, моя черепная коробка! Ты ведь умница, как уж ты-то смогла-то? Как поверила ты этой куче из желчи и кала? Для чего ты болишь по указке протухлого злобня? Может быть, ты не хочешь уже прикасаться к искусству? И тебе интересней стихов медицинские книги? Надоел Кортасар и Бодлер? Захотелось читать про здоровье? Власти Печеня хочешь завместо духовных полётов...

Что же мне делать с настолько дурным организмом?

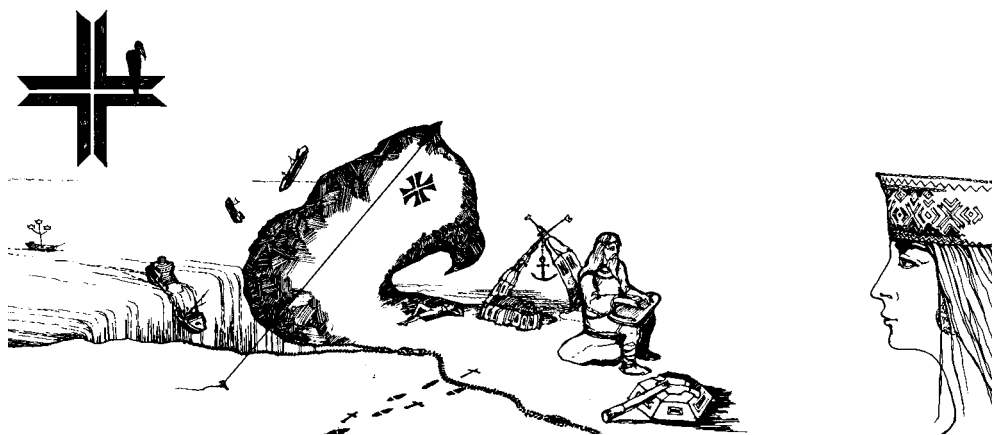
Остаётся одно — обхватить черепушку руками; «Бедный Йорик», — сказать; да испить Жигулёвского пива; устыдить рукописно своё непутёвое тело и (что ж делать) доверить опять утомлённую чистую душу.

(до 1994)

Из путеводителя:

Хочется отметить, что печатное слово у нас в России обладает огромной силой, и, видимо, вышеприведённый текст действительно устыдил мой бунтующий в то время организм. Теперь мы живём с ним в ладу и согласии и плохих бунтов не бунтуем.

(8.03.99)

Из путеводителя:

В своё время я собирался сделать своеобразную библиотечку мысли. Туда должны были войти книги с каменными страницами, с деревянными, с бумажными, с бронзовыми, книги на линолеуме, на стекле, на зеркалах и т.п. Все эти книги частично осуществились, правда, совсем с другими текстами. А эти первотексты (первоматерия, послужившая толчком к созданию книжного мира) остались не у дел. Но вот и пришло их время...

ПРЕДИСЛОВИЕ К МЫСЛЯМ.

Я смотрю сквозь белую графику морозных узоров на редкое неторопливое падение заоконных снежинок. Слышу где-то далеко-далеко шум проходящего поезда и совсем рядом неумолимое тикание часов. Я отхлёбываю крепкий индийский чай и думаю о... Трудно сказать, о чём я сейчас думаю. Мысли проносятся, как расплывчатые неуловимые тени. Они зацепляют, перекрывают и перечёркивают друг друга. Крошка, застрявшая меж зубов, напоминает о съеденном мясе, о жене, которая приготовила это мясо, о детях, вместе с которыми я ел это мясо, о великом счастье этой бесстолковой домашней суеты и о великой печали, которую та же самая суета и приносит...

Тиканье часов приводит меня к мыслям о вечности, к тому, как я мал, как я ничтожно мал перед ней. И те дела мои и вопросы, которые якобы предстанут перед ликом её, насколько они несоизмеримы с её бесконечным простором... Возможно ли творить, да и просто жить перед её оценкой? И как же может уместиться наша бесконечная душа в тесных рамках отмеренной жизни? И если жизнь земная конечна, то стоит ли посвящать её тому, что имеет смысл лишь перед дыханием вечности? И не разумнее, не естественнее ли устремиться к маленьким житейским радостям: к теплу семейного покоя и фейерверку дружеской попойки, и к столь желанному блеску славы, и к неожиданному всплоху любви? Но хочешь ли ты жить естественно и разумно? Может быть, тебя привлекают семейные скандалы и ссоры с друзьями, и глухая безвестность, и чёрная ненависть? Но разве для вечности всё это имеет хоть какое-то значение! А что для неё имеет значение? Твоё искусство? Прилюдные разборки со своей душой? Твои нелепые, безумные фантазии? Твои попытки постиженья собственного Я? Поиски места этого самого Я в нашем необъяснимо-загадочном мире? Может быть, её заинтересуют изъяснения твоих яростных страстей? Или необычность твоих заблудившихся чувств? Может быть, ей интересно твоё глубокомысленное мнение по тому или иному вопросу? Неужели ей важно знать, что ты думаешь о взаимосвязи бытия и сознания или о том, как правильно выпить водки? Может быть, ей и интересно, но тебе-то, тебе-то какое дело до её бесконечно далёкого мнения? Неужели тебя гораздо меньше волнует сегодняшний или хотя бы завтрашний день? Мнение твоих друзей и просто случайных прохожих, неужто оно значит для тебя меньше, чем мнение какой-то абстрактно-далёкой вечности? Но в том-то и дело, что под оценкой этой не очень-то понятной вечности ты на самом-то деле подразумеваешь свою собственную оценку. Ты возомнил себя господом Богом. И осмелился судить свою душу, свои дерзания и свои ничтожные откровения. Но, возможно, в этом и есть некая странная истина. Возможно, в каждом из нас сокрыт свой собственный индивидуальный Бог. Не каждый открыл его в глубинах своей души. Но всё-таки каждый хоть однажды да чувствовал его сочувственный или укоризненный взгляд...

Кошка, прыгнувшая на колени, возвращает меня из заоблачных мыслей к её взъерошенному затылку. Кто оно, это ласковое существо на четырёх лапах?.. Я, в гордыне своей, считаю его гораздо ниже себя и отказываю ему в душе и сознании. Но на каком это, собственно, основании? Я, мол, могу его покормить, а оно меня нет? Ну, а если оно заставило меня кормить и поить его, да ещё ласково гладить за ушком?! Я могу мол описать его, а оно меня не может? Но вдруг оно и заставляет тебя что-то такое писать именно о нём, откуда ты знаешь? Коты не пишут ораторий, не сочиняют романов и не возводят величественных храмов? Но зато они не взрывают ядерных бомб, не сбрасывают химических отходов в моря и реки и даже не стоят у станков и конвейеров по 8 часов в день! Коты проводят свою жизнь в лени и праздности. Они и мышей-то ловят исключительно ради собственного удовольствия. На основании чего же мы отказали им в разумности? На основании лишь гордыни своей и закостенелости мышления!..

Кошка ушла, справедливо опасаясь, что я случайно раскрою их сокровенные тайны. А я отвлёкся на отдалённый и едва слышимый шум электрички. Она промелькнула в моём сознании цепочкой замёрзших окон. Пахнула на меня привокзальным запахом путешествий и приключений. Возродила в памяти моей беспечные странствия с рюкзаком за спиной и блеском настоящей жизни в глазах... И

осозналась вдруг вся нелепость недавних моих разборок с вечностью и вся ничтожность их по сравнению с жизнью...

Вот и угас нанемного поток внешних катализаторов мысли, и тогда сам текст, а вернее, написание текста повлекло меня к размышлениям. Написав эти несколько страничек, я, оказывается, что-то такое открыл для себя, я озадачил себя новыми вопросами, я задумался над тем, что ранее казалось очевидным..., моё постижение расширило свои границы, и я уже совсем не тот, кто начинал писать этот текст. Я даже не помню, о чём я собирался написать? Те маленькие проблемы, с которыми я шёл к листу, затерялись в этих новых и совсем неожиданных строчках. Ах, да, я, кажется, собирался написать предисловие к циклу своих стихотворений, но оно увело меня к чему-то совсем другому. Хотя и это, другое, тоже имеет непосредственное отношение к стихам, собственно, цикл ведь так и назван: «Мысли».

Я тут затеял довольно странную классификацию своих мыслей. Мне пришло в голову упорядочить их согласно ассоциациям со всевозможными материалами. Ведь на самом-то деле мысли можно сортировать так, как вам вздумается. Их можно разграничить по цветам: отдельно будут чёрные, отдельно белые, совсем от них отдельно голубые, потом зелёные и рядом золотые, найдутся красные, и чёрные найдутся, и даже разноцветные довольно часто возникают. А можно все мысли разложить через призму музыки: на одной полочке мажорные, на другой минорные, на третьей вальсирующие, а на четвёртой бьющие чечётку. Можно раскидать их по живописным техникам: акварельные сюда, масляные туда, пастельные здесь, карандашные там. Можно перетасовать их по каким-нибудь абстрактным признакам: на философские, житейские, научные, художественные, деловые, безумные и проч., и проч. Потом их можно разделить по форме: тут будут треугольные, а там округлые, а эти вот квадратные, ну а вот здесь совсем уж каких-то странных очертаний.

Но почему-то захотелось их привязать к каким-то материалам. Построить ряд весьма надуманных аллюзий от чувствуемой мной фактуры мысли к весьма реальным свойствам реально существующих веществ. Так и возник этот причудливый цикл. Так появились древообразные и меднопролитые, камневидные и резинокользящие, бумажно-картонные и подкожно-незримые мысли. Это не значит, что в каждую стопку я отбирал наиболее подходящую или, скажем так, характерную мысль из этого класса. Нет. Я просто из мешанины и сумятицы, царящей в моей голове, разбрасывал их туда, куда, как мне казалось, они лучше всего подходят. При этом я слегка заботился о соблюдении размера и ритма, а кое-где даже снисходил до рифмования. И вот через какое-то время я вдруг ощутил, что большинство этих монстров, населяющих мою бедную голову, никуда не подходят. То есть просто-напросто не влезают ни в какие рамки. Сначала я было расстроился, что самые мои причудливые мыслеобразования останутся, как ни печально, не у дел, но потом подумал, а может, оно и к лучшему, а то вдруг ещё что-то не так подумавшая публика устроит мне аутодафе...

ДРЕВООБРАЗНЫЕ МЫСЛИ

*Древние языческие мысли,
С запахом смолы и тонкой стружки,
Тёплые и нежные на ощупь...*

*В них живёт просроченное время...
И простор нехоженого леса.,
Тишина, безмолвие пространства,
Свежесть ветра, веющего с моря,
Голос облака и новость пробужденья.,
Шум дождя. Прикосновенье к Вере.
Робкое предчувствие Любви...*

*В них величие нетронутого мира.
Шорох листьев., заповедь покоя...
Память Неба. Первозданный образ.
Отпечаток прожитых имён...*

*В них заложено движение к истокам,
Приближенье к самому себе...*

Постиженье невостробованного часа...

Долгий след утраченного Я.

КАМНЕВИДНЫЕ МЫСЛИ

*Торжественное думанье о смерти,
Как музыка церковного органа,
Как горные заснеженные сосны,
Как лабиринт пустых каменоломен.,
Как светлое молчание Луны...*

*Возвышенно-нетронутая память.
Предвосхищенье будущих признаний.
Обломки скал. Застывшие вулканы.
Мелодия реликтовых дорог...*

*И непроглядные бездонные пещеры.
И синий ужас бесконечного «ничто».
И эхо космоса. И пыль метеоритов.
И астероид, сбившийся с пути...*

*Убийство времени. Стирание пространства.
Уничтожение седого бытия...*

*Возможность чувствовать весь мир в своей подкорке
И из подкорки миром управлять...*

И понимать свою невосполнимость.

РЕЗИНОСКОЛЬЗЯЩИЕ МЫСЛИ

*Ленивое брожение нейронов.
Скольжение по полу босиком...*

Какая-то тупая приземлённость.

Неловкий всхлип тоскующей души...

*Какое-то пустяшное мельканье.
Ненужный выхлоп холостого дня.*

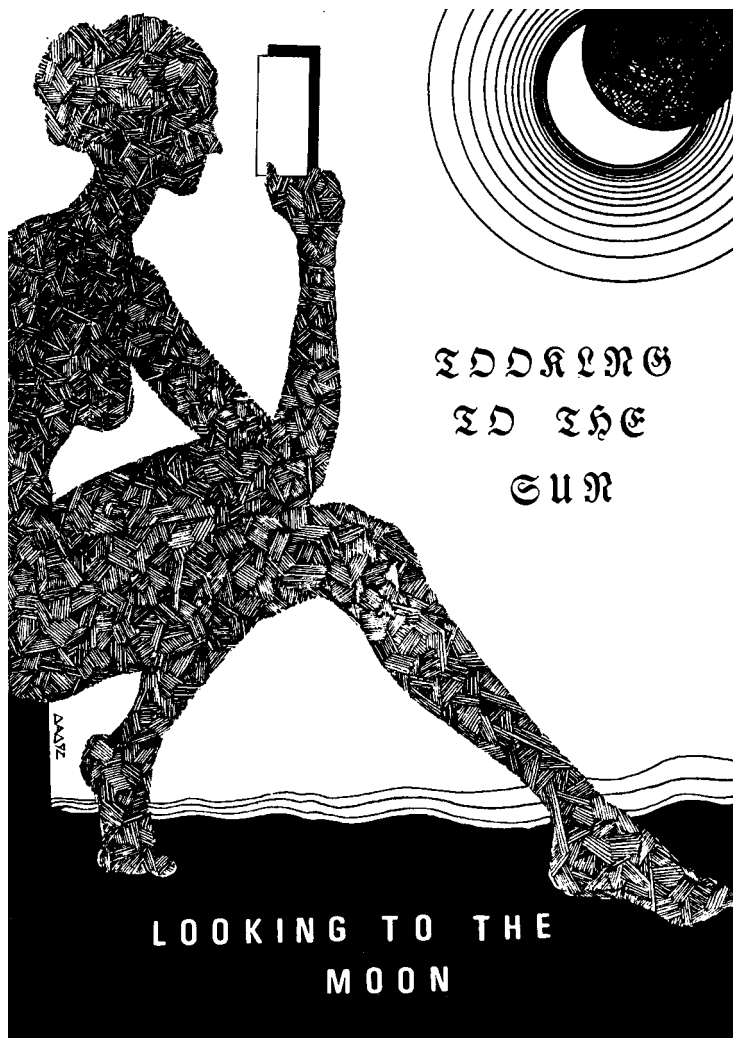
*Обыденность холодного надлома.
Пустая звонница обледеневших дел...*

*Тревожная смешная торопливость.
Обмылок удавшейся мечты.
Какой-то выплеск недоброжелательного сусла.
Неяркий блик утерянных надежд.*

*Незрелое хромое ожиданье.
Случайный непредвиденный успех.
Проволглые ошкурки липкой славы
И обнажённая недобрая молва.*

*Беззлбно-опрокинутое завтра.
И навсегда ушедшее вчера.*

ТЕРРИТОРИЯ ТОНКОЙ ТЕНИ

Из путеводителя:

Этот текст осуществился приблизительно в 1994 году и имел несколько продолжений. Однако продолжения постепенно угасли. А текст вот живёт и существует.

Тень от тени

Хроника одного утра, в котором совместно существовали скульптор Дмитрий Покровский и поэт Михаил Погарский.

О тень! Прости меня, но ясная погода.

(Анна Ахматова)

Как известно, утро начинается ночью. Ночь определяет, организует и направляет утреннее состояние души, движение мысли и перемещение непослушного тела.

Почему-то тело с утра всегда непослушное, душа светлая, а мысль определённая. То ли алкоголь тут при чём? Очень подходяще, если этот самый алкоголь за ночь остаётся недопит, потому как выход в предраассветную рань в собачий февральский холод за бутылкой пива грозит перебить неспешное течение философского бреда, вызванного теплом, ватным от похмелья сознанием и отрешённым от всего мирского состоянием души.

Благо алкоголь в то самое утро остался. Он янтарно поблёскивал в лучах восходящего солнца и благородно назывался «Херес». Рядом с янтарным алкоголем витиевато извивался скульптурный символ Нижегородской ярмарки и пытался обрести своё недостижимое совершенство под уверенными руками только что проснувшегося скульптора.

Значит, меня в большей степени интересовал Херес, Диму в большей степени интересовал символ, и, разумеется, разговор у нас зашёл о тенях. Ибо Тень — есть нечто присущее как скульптуре, так и Хересу, с той только разницей, что скульптура отбрасывает тень на плоскость стола, а Херес отбрасывает тень на гиперплоскость сознания. Разумеется, эта разница ощущалась, поскольку Дима был наблюдателем Тени, а я её непосредственным соучастником. Дима творил и переворачивал Тень, а я погружался и растворялся в её глубинах. Но творчество опьяняет сильнее, чем Херес, и отбрасывает куда более густую тень на сознание, и Дима, оказавшись под пересечением двух различных теней, начал творить не только из воска, но и из мысли. И, конечно, гениальные открытия того самого утра гораздо чаще возникали в его помутнённом сознании. Но отклик... Отклик они могли найти только в моей просветлённой солнечным янтарём голове.

Конечно, нужно поймать эту самую неуловимую Тень и отлить её в бронзе, и возвратить её отбросившей скульптуре, чтобы даже при полном отсутствии света тень всё время лежала бы подле скульптуры и служила бы этой скульптуре самой что ни на есть органичной опорой. Хорошо. Очень просто запомнить любимую Тень от скульптуры, нужно выбрать лишь самый красивый ракурс. Ну, а текст? Как увидеть, почувствовать, вылепить Тень от текста? Плоские буквы, как ни странно, не в силах отбрасывать тени. Эти буквы и сами-то тень от сознания. Так что следует вывести Тень от Тени. Но тень от тени не есть объект. Тень от Тени — это вторая производная затемнения места. Иногда она бывает равна нулю, но это случается далеко не всегда. Некоторые объекты имеют и третью, и четвёртую, и пятую, и даже бесконечную производную; каждая тень отбрасывает новую тень, и движение теней происходит вглубь или вверх. И новая тень может идти с утоньшением или утолщением смысла, с повышением графичности или размытости, с проявлением неявных или уточнением затёртостей.

И, разумеется, необходимо провести разграничение между Тенью и отражением. И если в мире материального света это разграничение не вызывает двусмысленности, то в пространстве сознания и духа граница между этими двумя противоположными продолжениями объекта стремится к нулю и даётся на откуп субъективному вкусу. Например, критическая статья для меня отнюдь не Тень, но чаще отражение в кривом зеркале кривого сознания. А вот перевод на другой язык или театрализация текста — самая что ни на есть Тень. Главный критерий здесь — это подмена правого направления. В Тени оно так и будет правым, а в отражении станет противоположным — ложным. Ну, хорошо. Выпьем Хересу и продвинемся дальше, тем более и символ ярмарки уже почти совершенен.

Слово Тень имеет один прямой и пять переносных смыслов, так в каком же смысле мы оперируем этим понятием на продолжении всего разговора? Мы оперируем всей совокупностью этих смыслов с добавлением десятка новых, интуитивно чувствуемых, но принципиально не называемых полутонов. Хорошо. Мы не знаем, что такое Тень в пространстве сознания, но мы в состоянии выбрать подходящую Тень для любого объекта; составить цепочки Теней от Теней, построить места примыканий и пересечений. Да и, конечно же, многие объекты имеют сразу несколько теней, это вполне очевидно и зависит от ракурса. Хорошо. Мой мозг, освещённый Хересом, пожалуй, уже в состоянии отбросить собственную Тень на эту квазипросветлённую проблему. «Говорю вам, слушающим меня, с полной ответственностью за слова свои, с нерушимой Верой в их истинность и красоту, ибо уста мои не омрачены заскорузлой дорогой разума, но лишь свет души и нетерпение сердца выливаются через них.»

И всё-таки предварительно стоит сказать нечто дополнительное о природе Тени. Тень присуща любому объекту, но появляется, живёт и исчезает независимо от его воли, хотя каждый объект в пределах освещённости может изменить свою Тень, балансируя на тонкой границе света и тьмы...

После этого короткого замечания я готов выстроить своё видение Мира через преломление света и тени, под воздействием тёплого Хереса, сумасшедшего разговора и предчувствия солнышка и Любви...

Далее возникает Бог. Бог — причина самого себя. Первопричина всего и вся, Первоисточник Света. И через свет свой внутренний сумевший впервые отбросить Тень на окружающий Мир. И Тень от Бога, отброшенная на Мир, — есть Любовь. Любовь не подвластна Богу, она существует с ним параллельно, хотя они и не разделимы. И тем не менее Любовь настолько самостоятельное явление (явление?), что сама способна отбрасывать тень. Тень от Любви — это Жизнь, которая опять же в определённом смысле от Любви не зависит, но без всякого сомнения определяется Любовью. Тень от Жизни не что иное, как Смерть. И здесь, кстати, наиболее ярко прослеживается зависимость не только Тени от объекта, но и объекта от Тени. Любопытный объект, видя несовершенство своей Тени, пытается изменить её, изменяя самого себя... И Тень таким образом определяет бытие объекта. Но возвратимся к смерти. На Смерти цепочка не прерывается, и Тень от Смерти — есть Вечность. А вот Вечность, несмотря на свою самостоятельность, настолько прозрачна и неуловима, что отбрасывает одновременно бесконечное множество теней, каждая из которых в отдельности стремится к проницаемому нулю.

Разумеется, эта цепочка далеко не единственная, хотя, возможно, и основная. При другом ракурсе возникают совсем другие цепочки. Например, пространство человеческого сознания есть не что иное, как тень от Бога. А Искусство — это Тень от Сознания. А Вечность — это Тень от Искусства...

Но как бы сложны и запутанны ни были эти цепочки, все они возникают от Бога (или иной первопричины, или беспричиния) и завершаются в Вечности, и отсюда эта насыщенность Вечности, эта глубина и бездонность её содержания...

Впрочем, скульптура довершена и Херес выпит. Неуловимое таинство жизни ждёт нас за хронологическим поворотом. И мы отправляемся с Димой в театр, ибо продолжение этого утра, плавно перешедшего в вечер, возможно лишь при помощи Эсхила и Орестей, царя Агамемнона и жены его Клитемнестры, пантеона богов и своры эриний, и белого снега, осыпающего пылающий театр...

ТЕРРИТОРИЯ ВОЗВЫШЕННОЙ ВЕТРЕННОСТИ

Из путеводителя:

Это был замысел романа об одном российском гуру, провозвестнике новой религии. Религии жизни, охватившей широкие слои населения нашей доверчивой родины. Но вскоре этот роман был заброшен, и остался от него вот этот небольшой отрывок, который вполне может претендовать на самостоятельное значение.

РЫЦАРЬ ОРДЕНА ОДНОЙ МИЛИ

(отрывок из романа Сон Собиан)

* * *

В пору цветения дикой груши осетров надлежало кормить весенними недавно проснувшимися дождевыми червями, сопровождая их трапезу игрой на цине.

Сон Собиан наблюдал, как 8-летний Иглар (так звали старшего осетра) взрезает своим хребтом утреннюю гладь небольшого пруда, прислушиваясь к протяжным восточным мелодиям.

«Рыба... Её царствие длилось эпоху,— подумал Сон Собиан.— ... Эпоха Рыб всплывает кверху брюхом, отравленная ядом человека».

Осетры были частью ритуального блюда, которое Сон Собиан намеревался съесть в последний день уходящей эпохи. Это блюдо под названием «Уха четырёх ветров» готовилось в течение 12 лет: осетры, форели, судаки, лини, а также необходимые для первого провара пескари и ерши выращивались в специальных прудах и ручейках в строгом соответствии с ритуалом.

Сон Собиан любил изысканность. Сон Собиан любил жизнь. Владелец огромного подмосковного поместья. Великий мессия и новоявленный пророк, основавший новую религию, которая пошатнула незыблемые доселе христианские основы, Сон Собиан по-прежнему оставался ребёнком и всё так же радостно встречал просыпающихся мохнатых шмелей и белокрылых капустниц.

Сон Собиан проповедовал жизнь. Жизнь во всей её изысканной красоте. Жизнь со всей её грязью и тоской. Жизнь как восторженный полёт. Жизнь как великий апофеоз мирового творения. Жизнь как немую музыку белых листов и чёрных нот. Как свежий ветер над гниющей свалкой...

* * *

Восходившее солнце припудрило розовой акварелью утреннее небо. Сон Собиан, кинув прощальный взгляд на ритуальных осетров, пошёл по тропинке, усеянной облетающим грушевым светом, в глубину сада к причудливой беседке из палисандрового дерева. Там на овальном столике его ждал серебряный кубок с чёрной чайной розой, стоящей в золотистом Аи (утренний коктейль «Памяти Блока»). Рядом стояли буковая тарелочка с кусочками вяленого терпуга, посыпанными сверху толчёным миндалём, и сандаловая ваза с осенней желтовато-крапчатой антоновкой.

У порога беседки горел небольшой костёр из озёрной ивы, над которым на бронзовом треножнике подогревался кипяток для кофе.

Кофе Сон Собиан заваривал сам.

* * *

Разделив свой завтрак со стайкой больших синичек, Сон Собиан закурил тонкую вирджинскую сигару и задумался.

Прислуга неслышно убирала остатки предутренней трапезы и расставляла письменные приборы: стопка тонкой рисовой бумаги, ручка с золотым пером, кисточки для туши, пресс-папье, простые карандаши и недочитанные книги.

Костёр уже догорел, и лишь тонкая струйка голубоватого дыма напоминала о его существовании.

* * *

Сон Собиан собирался написать стихотворный ответ Валерию Катулле. И, собственно, вчерне давно уже этот ответ был написан. Он витал в его сознании, набирая вдохновенные соки, и вот наконец Собиан почувствовал, что это языковое облачко достигло перенасыщения и подошло к тому, чтобы пролиться на белое пересохшее поле бумаги, напоив его живительной влагой поэзии. И подобно языческому Богу Перуну, Сон Собиан высек золотую паркеровскую молнию, благославляя стихотворный дождь:

*Будем жить и любить, моя подруга:
Воркотню стариков ожесточённых...
И весенний подмосковный мусор...
И облезлых кошек на заборах...
И тоску, разъедающую душу...
И густое серебристое похмелье...
Будем жить и любить, моя подруга!*

Шестая строка чем-то нахмурила брови Собиана. Но он оставил её в той едва заметной неидеальности, верный своему принципу: раз написанное никогда не править, ибо «Лужи на Земле и стихи на бумаге никогда не бывают круглы и стеклянны, и ветерок, населяющий их тонкой рябью, вызывает скорее восторг, чем досаду».

#

Сон Собиан не спеша направился к метеостанции. Погода предвещала полёты. Низовой ветер с силой 5 метров в секунду тянул на восток и, провеяв над водохранилищем, поднимался к лёгким облакам, где, закручиваясь, отворачивал в противоположную сторону. Умело используя воздушные потоки, опытный навигатор при подобном стечении ветров мог осуществить путешествие по вертикальному эллипсу, и Сон Собиан распорядился о подготовке аэростата. А душа его уже начинала подъём, ибо душа почти всегда нанемного опережает события.

#

Специально сконструированная горелка работала практически бесшумно. Сон Собиан в белой тоге с голубой окантовкой и белокурая красавица Фло в прозрачной лёгкой, как ветер, тунике плавно скользили над узкой полосой прибрежного песка. Гибкое упругое тело молодой танцовщицы прильнуло к мускулистой спине Собиана. Сквозь тонкую ткань он почувствовал окрылёнными лопатками её встревоженные соски; её губы и язык выводили кабаллистические узоры эрота на пульсирующих прожилках его загорелой шеи; её руки ласковыми змейками исполняли

горячее танго страсти на его животе и груди; Сон Собиан чувствовал огненный трепет её бёдер и пылающее дыхание, идущее от низа её живота. Он приподнял шар повыше и, повернувшись к Фло, утонул в каскаде её поцелуев, которые, опускаясь всё ниже и ниже, в конце концов слились в едином водовороте вокруг его дрожащего обелиска... И тысячи нераспустившихся жизней выплеснулись из недр его со сладостным стоном, распугивая парящих над водою чаек.

#

Они сидели на полу гондолы, не ведая высоты и времени, утоляя нахлынувшую жажду густым аркадским вином, и бессмысленно улыбались. Капли тягучей виноградной крови стекали по слегка подрагивающей груди Фло, перемешиваясь с млечным соком Сон Собиана. И бесконечное нереальное небо, преломлённое в этих каплях, крошилось на тысячи голубых осколков. Сон Собиан, покачиваясь, встал, чтобы выправить движение шара. А усталая Фло прижалась к его ногам, словно ласковая домашняя кошка. Сон ощутил, как её упругая грудь расплавляется среди его коленей, а её бархатистый язычок облизывает последние капли млечного экстракта с концентрацией жизни. Он опустил свои узловатые руки на её голову, а потом, мягко приподняв за плечи, стал целовать её трепещущую грудь, облитую причудливым коктейлем. А солнце, запутавшись в паутине её золотистых волос, бросало искристые блики на их воспарившие тела и возбуждённые души. Сон нежно провёл руками по глубокой ложбинке на её загорелой спине, потом, скользнув по гладким упругим холмикам и напряжённо ждущим бёдрам, плавно подогнул податливые колени и глубоко вошёл в неё, испытывая и в самом деле неземное наслаждение. А Фло, ногами повиснув на его руках, откинулась спиной на мягкий обитый турецким бархатом край корзины, и голова её запрокинулась над голубой бездной, и волосы зажглись червонным водопадом.

#

Оглашаемая аккордами горячей страсти, несущаяся со скоростью ветра гондола зашлась, затрепетала в неутихающем оргазме и, как бы для того, чтобы хоть как-то затушить этот пылающий танец плоти, с плеском вошла в майские воды водохранилища. Собиан, наконец-то опомнившись, включил горелку на полную мощность, но плетёная гондола, сильно отяжелев, по-прежнему погружалась в родниковую прохладу воды, и только тогда, когда, омыв обнажённых влюблённых по самую шею, она окончательно скрылась под водой, движение вглубь на миг остановилось; тепло горелок победило тяжесть, и шар стал снова подниматься к небу.

От тел Собиана и Фло поднимался невесомый почти незаметный пар. На дне корзины, как отголосок бушевавшей страсти, трепыхалась нечаянно пойманная плотвичка. Отыскав подходящий ветер, рыцарь ордена Одной мили возвращался домой.

1995 г.

Вот этот самый рассказ. Трудно и почти невозможно написать его. Рассказ, который был прожит. Он уже прожит, и его невозможно повторить. Тем более выдумать заново. Тем более вспомнить. Разум не в силах понять, где было сердце в те короткие мгновенья. Ведь разум — он как бы со стороны. Внимательный сторонний наблюдатель. А со стороны... Что там такое происходило со стороны? Простые и незаметные события.

Я тогда, что называется, гудел. Дней семь или восемь гудел. Гудел, как паровоз, сошедший с рельсов. Беспробудно и беспросветно, под мелкий морозящий дождь. Пытался разбить свою опустошённость, наполнить себя. Пусть не душу, хотя бы желудок. Пускай не радостью, хотя бы вином. Конечно, у Духа могут быть неприятности, но Дух иногда теряет сам себя, проваливается в пустоту, и пустота эта куда страшнее мелких огорчений. Вот я и праздновал своё опустошенье. Стрелялся. Получилось не насмерть. Да в общем-то и трудно убить себя пластмассовой пробкой от шампанского, не зная наверное свою смертельную точку. Лил через край виноградную пену, отмечая очередной промах. Произносил глупые тосты за помин души своей. Или просто пил молча. Тянул заунывную песню:

*Отпусти-те до-бра мо-лодца на ве-тер.
Да не тре-буйте с него теп-ла и лас-ки.
Он се-го-дня по-за-был об э-том Све-те.
Он се-го-дня за-бо-лел до-рож-ной пы-лью.*

Что ещё за песня такая? Сам ли придумал, слышал ли где? Да и кто ж тебя не пускает-то? Сидишь дома, пьёшь водку вечером и пиво утром, а иногда наоборот, в зависимости от ритма снов и пробуждений. И кому нужно твоё тепло, если ты совсем один?

И вот вечером (кажется, вечером) я сидел и потягивал пиво. Звонки, и они вошли. Моя кузина, а с ней — ОНА. Познакомились. Конечно, тут же позабыл её имя, и потом весь вечер маялся при обращении...

Господи, о чём я пишу? Эти разговоры в тот вечер... Сверканье моих давно истрёпанных мыслей, под рюмку дорогого ликёра... Разве ЭТО происходило тогда? И даже когда мы остались вдвоём... Вековечный ритуал ухаживаний. Медленный танец. Танец нашего приближения...

Нет. Ничего не могу рассказать. Отсутствие сюжета не пускает за рамки.

Тысячи влюблённых встречали рассвет вдвоём. Тысячи губ сливались в поцелуе при первых лучах восходящего солнца. Тысячи раз вечность спускалась на Землю, ласково улыбаясь двум сумасшедшим.

Ничего особенного. Просто Любовь.

Она сказала, что придёт завтра в одиннадцать, и я, не зная утра или вечера, ждал её ровно тринадцать часов, потому что она появилась в полночь. Что с нами было в ту ночь? Где мы были? Где были наши тела и души? Не знаю. Не могу вспомнить.

Господи, опять я срываюсь на какие-то подробности, на описание... Произошла космическая катастрофа, а я рассказываю, как красиво разлетались осколки. Или не так, я стою перед божественным храмом и говорю, из какой глины сделаны кирпичи.

О страданиях всегда писать легче. Тяжко тебе, страдаешь ты, а написал, выплакался, и стало полегче, потому что ожидаешь сочувствия. И как бы разбрасываешь горе своё на весь мир. Я не знаю хороших повестей о Любви со счастливым концом, разве что сказки, но и там столько бед и преград встаёт на пути к лучезарному финалу.

А когда счастье свалилось на тебя незаслуженно... Когда ты пьянствовал дни напролёт, а оно вдруг пришло к тебе в бирюзовом платье, с глазами, полными облаков...

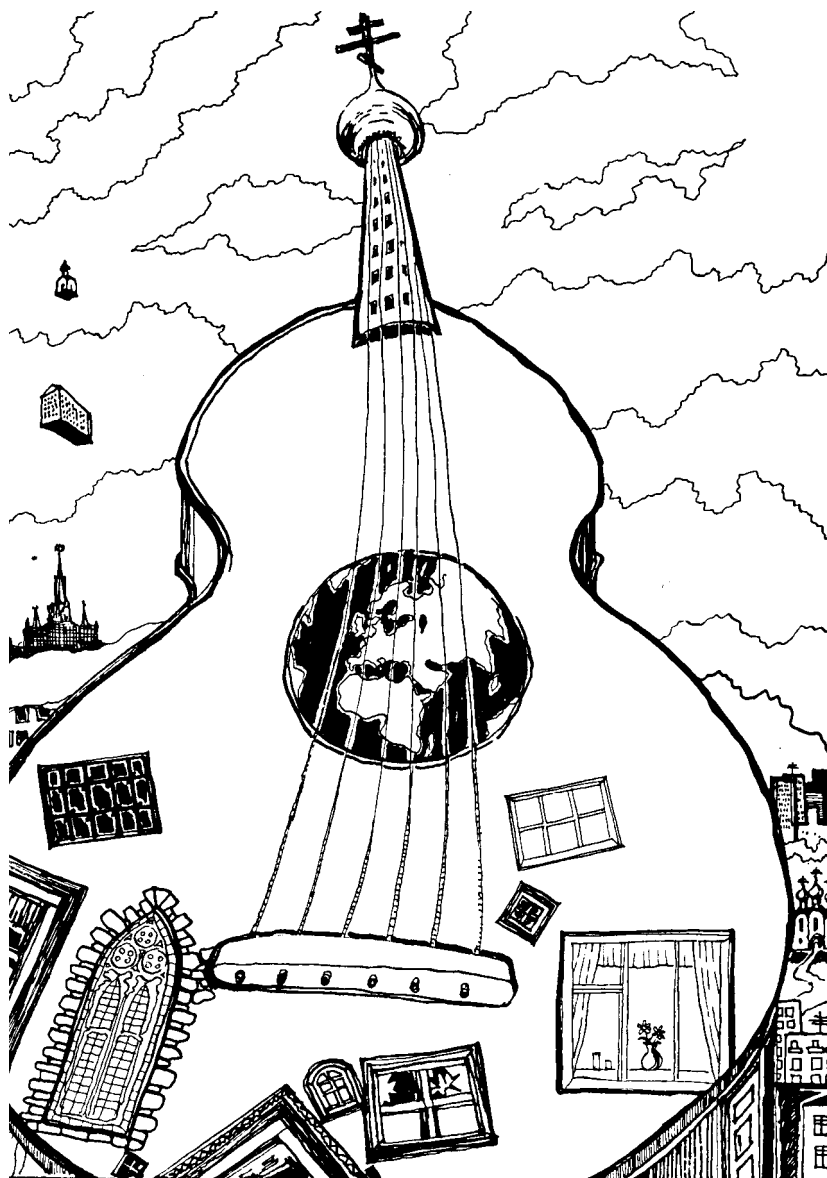
Кто же станет кричать о нём на весь мир? Вызывая зависть и град камней на своё бирюзовое счастье. Какому придурку придёт в голову эта непутёвая мысль? Остановите его. Каким бы огромным ни казалось ему это счастье. Оно ведь хрупкое. Хрупкое, как хрустальная бабочка, которую безумный гений пытается отправить в полёт сквозь серый железный лес.

Август 1993

КОРОТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ:

Этот текст был написан почти шесть лет назад в дни, когда на душе было действительно безоблачно и счастливо. И, собственно, как это и предсказывалось, буквально через некоторое время в моей жизни начались серьёзные проблемы, некоторые из которых я продолжаю расхлёбывать до сих пор. И однако, оглядываясь назад, я могу сказать, что всё равно ни о чём не сожалею и благодарен судьбе за то счастливо-безумное лето.

11.02.99

СТИХИ И ДНИ ПРАЗДНОШАТАЮЩЕГОСЯ ПОЭТА

ОСЕНЬ. 12.30

Нашпигованный по самое горло чёрными, холостыми днями я сидел и курил на старых деревянных шпалах. Солнце ласково согревало меня последним осенним теплом. Воробьи отважно копошились у ног, подбирая крошки от печенья. Ко мне подошёл седой старик с окладистой бородой в очках на белой резинке.

— Скажите, молодой человек, Вам не страшно?

Я рассеянно покачал головой, и мне стало стыдно за отсутствие страха. А уже потом я действительно испугался.

НЕНУЖНОЕ ЗАЧЕРКНУТЬ

Человек очень любит приобретать себе заботы. Иногда, конечно, получается жить легко и непринуждённо, но периоды эти, как правило, кратки. Человек покупает себе компьютер или автомобиль, строит дачу, организует фирму, заводит собаку — да мало ли какую ещё головную боль можно выдумать?

Человек существо заботливое, заботящееся, озабоченное, заботавшееся...

Отчего же обязательно так?

В РАСШИРЯЮЩЕЙСЯ ВСЕЛЕННОЙ

Когда пытаешься расширить круг собственного Я, которым ты мог когда-нибудь быть... Например, спотыкаясь о пустые бутылки, когда сквозь темноту и жажду пробираешься на поиски водопроводного крана... То не сама ли истина сокрыта в его непонятной прозрачности? Не в смысле, конечно, цвета, ибо какой же цвет у воды ночью?... Допустим, я даже вчера немножко выпил. Конечно, не более того, чтоб напиться. Но и не менее.

НЕЗНАКОМКА

В нашем лесу гуляла девушка с ребёнком. Я перепутал её со своей знакомой и запустил по ней теннисным мячиком. Было чертовски неудобно, и я долго и неуклюже извинялся.

Теперь при встречах мы улыбаемся друг другу и здороваемся, хотя так до сих пор и не познакомились.

Так здорово! В моей жизни появилась таинственная знакомка.

ЖУЧКИ

В коробке с сушёной ромашкой завелись какие-то червячки. Я пересыпал её в стеклянную банку, предполагая червячков для рыбалки. Через какое-то время червячки окуклились, а потом превратились в непонятных и бесполезных жучков. Вскоре жена выбросила банку на помойку.

Дальнейшая жизнь этого маленького мира мне неизвестна.

ЭСКАЛАТОР

Эскалатор отвозил людей. Все люди смотрели под ноги, и только один из них всматривался в себя.

Он-то и сломал эскалатор.

АВТОБУС

И словно едешь в междугороднем автобусе. За окном осенний дождь. Холод. Распутица. И так хочется окунуться в неё своей разгорячённой головой. Выйти в манящий березнячок. Услышать шелест последних листочков. Прижаться щекой к заскорузлой, пахучей коре...

И вот что-то ломается. Спускает колесо, или заклинивает мотор... Непредвиженная остановка...

И ты, как дурак, лезешь к этим самым берёзкам. Проваливаешься по колено в ледяную воду. Получаешь за шиворот шлепок вороньего помёта. Блаженно улыбаешься своему идиотизму и возвращаешься в тёплый автобус весь мокрый, обосранный, но довольный.

Собственно, жизнь...

ИГРУШЕЧНЫЕ ДНИ, ПЛЮШЕВЫЕ СОБЫТИЯ

Вот так идти, идти по этим весенним прихваченным хрупким ледком лужицам. Идти, покуривая недорогую сигаретку. Слушать вечернее бормотание города. Слушать неуклюжее бормотание в душе. Писать стихи. Простые, тёплые, незамысловатые стихи. Вот такие:

*Скользят игрушечные дни.
Струится ленточка событий.
И ты отыскиваешь в них
Крупницы небольших открытий.*

*Как будто талая звезда
К тебе упала на ладошку,
А ты, как снег, её слизал,
Но не всерьёз, а понарошку.*

*И расплывается луна,
Как потревоженная точка...
И машет ручкой из окна
Твоя взрослеющая дочка.*

*А ты стареющий поэт,
Идёшь распутицей весенней
И сквозь дымок от сигарет
На снег отбрасываешь тени.*

В НОЧИ

Я лежал без сна в этой зимней ночи. И смотрел в окно. Пришло что-то такое давно забытое. Есенинское. Вздоханное.

*Третий час. Не спится.
Тени за окном.
Чистая страница.
Задремавший дом...*

Зачем? Откуда? Нужно ли? И для кого? Мало ли приходит разных строк в голову! Сколько их разбивается об изгибы памяти. А эти почему-то остались. Вроде в них и нет ничего... Или есть?..

АПРЕЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

*Апрельский дождь. Апрельская бессонница.
Весенняя распутица души.*

Иногда напишешь одну строку или две и не понимаешь, что делать дальше: рифмы затасканы, белостишь претит... И тогда сочинишь почти что роман, чтобы они (строки) хоть как-нибудь заиграли...

Но, посмотрев на это дело с несколько иной стороны, понимаешь: а не зря ли всё это? Не лучше ли оставить их в так и несрифмованном одиночестве?

*Весенний дождь. Весенняя бессонница.
Полночная распутица души...*

1989-1999 годы

В ЛЕПЕСТКАХ САКУРЫ

*Вчера уснул в ботинках и плаще.
А на рассвете разобрал постель...
И слушал лай собаки за окошком.*

*Я шёл, задумавшись о нежности Шекспира,
И грузовик меня обрызгал грязью...
Душа моя устало рассмеялась.*

*Вчера ворвались первые морозы.
Пошёл кататься с сыном на коньках
На пруд, покрытый тонкой коркой льда,
И провалился...*

*Приподнимая завесу из талого снега,
Собирая слова из восточной дымки,
Я открываю забытую книгу,
Которую когда-то... Так и не написал.*

*В этой книге нет предложений,
Но есть ветер.
В этой книге нет слов,
Но есть капли осеннего дождя...
И эти следы на запотевшем окне.*

ТОПОЛИНЫЙ СТИХ

Горизонт строки

Может, это ветер проносится мимо или же окончания неозвученных стихов опьяняют своим дыханием.

Тоска и воздух.

А между ними горизонт строки.

И я иду по размытым дорогам к этому зовущему горизонту. Пью виноградное вино в придорожных буфетах. Курю недорогие сигареты, прислонившись спиной к деревьям. Засыпаю на прибрежном песке грустный, пьяный и немного счастливый.

Я разговариваю о жизни со случайными встречными. Улыбаюсь златоволосым девушкам. Угощаю малышей ирисками и яблоками.

Иногда я помогаю подтолкнуть застрявшую машину. Или прибить сорвавшийся плакат, который призывает быть счастливым.

Я не верю в то, что Тоска округла, подобно Земле. Но, похоже, она умеет расширяться.

И всё-таки я знаю, что когда-нибудь прикоснусь к моему Горизонту. Я выпью эту нежную строку своим пересохшим сердцем. Я услышу, как живительный дождь бесконечной поэмы прольётся в моей слегка очерстевшей душе. И я загляну по ту сторону Любви и Смерти.

Путь к Горизонту должно быть больше самого Горизонта. Хотя окончательно это ещё не ясно. Ведь там перестают выполняться физические законы. И попавший в линию Горизонта уже никогда не вернётся назад. А если и вернётся, то это будет уже не он, а тот, кто когда-то был им.

Я не знаю, зачем мне стремиться туда. Но стоит мне остановиться, и я тут же начинаю умирать от тоски.

Прибрежные стихи

Обломок весла. Обгоревшая доска. Пустая бутылка. Голова от плюшевого зайца.

Осколки маленького кораблекрушения.

Я сижу на берегу реки, состоящей из солнечной ряби, отражений деревьев и проплывающих щепок.

Закутавшись в клубы тихих мыслей и сигаретного дыма, я погружаюсь в линию берега. Становлюсь одним из задуманных нарушений ландшафта. Я сливаюсь с пространством... и в то же время разрываю его на тысячи сверкающих частей.

Моё присутствие инородно этой окружающей среде. Мне не удастся стать тростником, пускай даже и мыслящим. Ибо нельзя быть частью пейзажа, если этот пейзаж находится внутри тебя.

Остаётся только одно: превращать бескрайнее пространство в слова, преломлять этот мир через родниковые слёзы моих стихов. Плакать и смеяться, сидя на берегу. Рисовать ивовой веточкой письма на песке...

А завтра уйти в серебристо-прозрачное Никуда, чтобы услышать звон полевых колокольчиков, шёпот берёз, бормотание кузнечиков, шелест дождя по придорожной траве...

Когда на душе вечер

Круглый стол на моей террасе располагает к вихреобразным мыслям.

Пространство между рядами стёкол располагает к отражениям.

Раскидистые сосны располагают к вечности.

А скольжение облаков — к неуловимому мгновению.

Из этого добротного материала я и возвожу хрупкую постройку моего стихотворения.

Мысли кружатся по контуру стола, ударяясь в слегка запylённые окна, оседают солнечными бликами на соснах и уносятся вдаль, сливаясь с дымкой облаков.

Я разрешаю им кружиться, возмущать застывшее пространство, отражаться в неверном свете заходящего солнца, таять среди облаковых мгновений и застывать прозрачной пахучей смолой сосновой вечности.

Иногда мне кажется, что мир всего лишь повод для человеческой радости и улыбки. И не нужно искать в нём иных физических и метафизических смыслов.

Я сижу на своей террасе, слушаю дробь каблучков по асфальту, и мне приятно думать, что девушка, прошедшая мимо, невыразимо прекрасна. И, видимо, она неспроста ворвалась в эти стихи, чтобы хоть как-то разрушить их добротность и добавить в них глоток уходящего мига.

Стихи всегда неведомая новость

Неоднократно приходилось мне читать и слышать о надвигающейся зиме поэзии, о наступающем закате стиха. Что, мол, число возможной компоновки слов вполне конечно и приближается к пределу и повтору.

Лет сто ещё помечутся поэты и отомрут, как динозавры, мамонты и дронты. Придёт похолодание всех слов, оледенение орфического мира...

Стихи останутся на вечной мерзлоте старинных книг... И лишь немногие их смогут отогревать дыханьем нового прочтения.

Возможно, так оно когда-нибудь и будет, но почему-то я не верю в это...

Ну что ж, повтор...

Ведь взять хоть тот же дождь, где капля снова повторяет каплю, — он никогда меня не утомляет..., да, капли повторяются, но в каждой своё играет отраженье мира...

Вот так же и стихи — сквозь них дрожит неповторимое дыхание поэта.

Мост от Земли до Неба

Облака — это верхняя граница дождя, а Земля — нижняя.

Вот он — утоляющий жажду мост от Земли до Неба.

Дождинка на твоей ладони — крошечный кусок загрузившего облака. Оказывается, что Небо немного терпкое на вкус и обладает запахом солнечной пыли.

Промокший поэт улыбается струям дождя и видит в каждой капле отраженье своего лица. Лица падают на глаза и плечи, стекают вместе со слезой на Землю, сливаются в ручейки, оседают в лужах...

А на следующий день прорастают травой, одуванчиками и стихами. Эти стихи лежат передо мной, переливаясь всеми цветами радуги, и пахнут дождём.

Тень от двойной звезды

На мой листок упала тень от двойной звезды. Я наблюдал мерное вращение её частей друг возле друга и подбирал разумные слова для объясненья странного явления.

И понял вдруг, мне просто подан Знак.

Иль даже нет. Я уловил проскальзывающий Знак. Он смог осесть в расплавленном сознании, которое устало от бессонниц и помутнело от вина и табака. И в нём растаяли бесчисленные шоры, скрывающие истину вещей. Ушла вся суетность в густую черноту...

И лишь один остался зыбкий образ — сверкающая тень двойной звезды. Так жизнь и смерть струятся друг за другом вокруг невидимого центра притяженья.

Моё одиночество

За окном над тёмно-фиолетовым лесом висит огромная нежно-жёлтая луна. Ночь. Тишина. Лишь где-то вдали шумит поезд, да негромко жужжат комары. Я склонился над своим листом, и рука стала вычерчивать совсем ещё незнакомые мне стихи:

Я ищу себя на страницах книг.

На бескрайнем поле, среди цветов и трав.

И повыше подняв меховой воротник,

Закрываюсь им от сермяжных правд.

*Я укутываюсь поглубже в свои стихи и слова.
Прячусь на самое дно своей одинокой души.
И пускай по миру идёт обо мне молва
О том, что я по-другому скроен и не теми нитками
шит.
Я устроюсь на краешке мировых культур.
На границе безумия и бытия.
И плевать я хотел на убогие мнения всех этих образован-
ных дураков и дур.
Мне вполне достаточно одного себя.*

Откуда пришли они? Что в них истина, а что игра настроения и ритма? Так ли уж я одинок, и так ли уж плевать мне на мнения других? Не знаю. Да это и не важно. Тот, кто написал эти стихи, был именно таким., но не прошло и двух строчек, как ритм письма и мысли изменился. Теперь это уже совсем другой человек. Он повзрослел на целую дюжину строк, а возможно наоборот, сбросил с души своей этот нелепый стихотворный груз и ушёл по направлению к юности.

По ту сторону времени

Стрелка часов вращается по кругу, и её бормотание звучит в унисон с моим внутренним шёпотом. Я проговариваю только что нарождающиеся стихи. Строки, отражаясь от пространства террасы, медленно застывают на белом листе в каких-то странных значках под названием буквы:

*Часы отсчитывают время. Стихи отсчитывают
жизнь.
И словно в вечность, я со всеми иду по краешку кривизн.
Куда? И сколько мне осталось? Где мне сорваться
суждено?
Где начинается усталость и выдыхается вино?
Не знаю. Это и не нужно! В стихах и мыслях нет времён.
Я выливаю на пол кружку. И выхожу из жизни вон.*

Что за нелепые фантазии? По каким таким кривизнам ты идёшь? Какую ещё кружку ты выливаешь? Да и не бред ли всё это?

Трудно сказать. Какими словами объяснить кривизну своего движения к вечности? Может быть, это аллюзия на то, что кривая куда-нибудь да вывезет? Возможно. Не знаю.

А кружка... кружка, наверное, была наполнена вином жизни. Оно выдохлось. Превратилось в уксус. Вот и выплеснул я его за ненадобностью. Выплеснул и... ушёл за пределы этой невыносимо прекрасной жизни.

Строка, вобравшая вселенную

Если ты настоящий поэт, то одна лишь строка твоя должна вбирать в себя всю вселенную, все когда-либо написанные и ненаписанные строки.

Но тогда получается, что после этой Строки уже всё написано и тебе ничего не остаётся, как замолчать.

Впрочем, это, конечно, неверно. Ты способен написать эту Строку ещё раз, и ещё тысячу раз ты способен написать Её. Пусть Она будет сложена абсолютно из других слов. Разве слова имеют здесь хоть какое-то значение? Эта Строка многолика, как жизнь, как листья на деревьях, как капли дождя, как звёзды...

И если ты настоящий поэт, то никогда не устанешь любоваться Её оттенками.

Внутренний ветер прочтений

Глаза перебирают маленькие чёрненькие буквы. Залетающий в окно ветер пытается помешать этому ровному движению моих глаз по чужим мыслям...

Вот, наверное, и мои строки кому-то мешает прочесть залетевший ветер, отвлекает своим дуновением в лицо.

А может быть, он сливается с другим ветром, дующим изнутри оживающих фраз и стихов.

Воспоминание о белом пароходе

Почему-то вспомнился белый пароход, везущий меня вверх по Волге. Я сидел на пустынной палубе. Курил гаванские сигары. Пил красное вино. Слушал чаек. Писал стихи. Стихи... они остались в моей записной книжке. Какие же из них переписать сюда? Пожалуй, вот эти:

*Я растаю в пространстве воды,
Растворюсь среди сотен притоков...
И мои непришедшие сны
Отразятся в стекающих строках.
Берега. Родниковый прибой.
Я теряюсь в движении событий.
И стихи набегают волной,
Как открытки по почте открытий.*

Их необходимо читать с интонацией кильватерной волны, с интонацией волжского ветра и плавного движения парохода... Иначе ничего не получится. Останутся только слова. А слова... Разве они могут что-нибудь обозначать? Между словами и событиями всегда остаётся некий зазор. Некое поле, заполненное чёрным хрусталём неверных соответствий. Блестящих и невыразимых соответствий. Их множество, а потому — ни одного.

Звёздное

Когда путешествуешь по линиям сознания. Когда в глазах отражается звёздное небо. Когда ночной ветер упирается в сердце. То неминуемо начинаешь впадать в безумие. И обращаешься к Кассиопее с речью. И речь твоя переплавляется в какие-то бескрайние стихи. Возможно, вот такие:

*Помнишь, небо запуталось в складках плаща
И обрушилось чёрной звездой.
И реликтовым светом струилась печаль
Над холодной космической мглой...*

В них слышится безумие вселенной. Божественная печаль реликтового излучения. Изначальная ненормальность ночи и поэзии.

Они пронзают вакуум безмолвной галактики и оседают на алебастровых плечах египетской царицы. И в волосах её загорается в эту ночь сверхновая звезда.

Осознание вещей

Я созерцаю письменность вещей. Их древние давно забытые названия... Не звук, сокрытый в глубине структуры, но слово, объясняющее суть.

У каждой вещи есть свой цвет и форма, свой запах, вкус, упругость, красота... и множество иных характеристик.

Всё то же существует и у слова.

И вот когда
Все эти признаки и качества совпали,
Тогда и найдено для вещи пра-название,
Которое и есть её душа.

Предвосхищение лета

Как будто притяжение секунды меня забросило в единственную точку, где и увидел я свою весну...

Цветение сиреней и акаций; и набуханье первомайских гроз; воспоминанье о февральском снеге; и звонкие весенние стихи:

Они слились в чарующем вращенье в предвосхищенье лета и любви.

Роза в ночи

Уже глубокая ночь, а по небу проносятся розовые облака.

На моём столе стоит серебристая роза. И лепестки её опадают на стол.

В этом есть какое-то странное соответствие. Космический знак. Приоткрывание таинственной завесы.

А возможно, просто игра освещения.

Или густая полутень моей больной фантазии.

Может быть, облака серые. А роза розовая. Может быть, я просто искал элегантный сюжет. А возможно, я заболела дальтонизмом или же эти цвета были затребованы моим заскучавшим сознанием.

Не знаю.

Но только пепельно-розовые облака всё-таки проносятся по ночному небу. А лепестки серебристой розы по-прежнему осыпаются на стол.

Ветреный летний день

Ветер раскачивает деревья. Вместе с ними раскачивается и моя душа. Слова срываются из-под руки, как листья, и устилают летнее пространство.

Сегодня ветрено в душе и на Земле.

Струятся неусидчивые мысли. Роятся образы. И мир приоткрывает густую сеточку вуали над хрупкими чертами красоты.

Крыло шмеля. Засохшая пчела. И этот сонный кот в моих ногах. Они рожают гораздо больше нежности во мне, чем Пруст, Фуко, Комознс или Борхес.

Чужие строки не ласкают сердце, но будят лишь движение ума.

И кот в ногах моих важнее самых мудрых философий. По крайней мере, для меня сейчас, когда укрыл пространство тополиным одеялом мой ветреный и самый летний день.

Стол

Мой стол — территория мысли. Мой стол бесконечен, как мир. И я путешественник по столу.

Вот чашка — она как синий бездонный колодец, куда я спускаюсь, не чувствуя дна. Где-то в далёкой Гжели её формовал гончар. Возможно, он был не в духе или немножко пьян. Пальцы его дрожали, оставляя ложбинки жизни, к которым не раз поцелуем мои припадали губы.

Потом её одевали в нежные синие брызги, и стала она похожа на левитановский снег. Сушили и обжигали, везли, дребезжа, в машине, затем лишь, чтоб я в палатке её приобрёл за рубль.

Налёт на чашке от кофе. Расплывчатый. Сорта «Мокко». Приплывшего через бури, экваторы и дожди.

За чашкой часы с браслетом. Купил их в Крыму когда-то. Где зимние выли штормы. Где, кстати, писал я сказку. Ту самую, что с обратной сейчас стороны листа.

Чуть дальше лежат две книги:

Одна про Слова и вещи, где много туманной мути насыпал Мишель Фуко, а впрочем, читать её можно, когда плывёшь по течению его многомудрых фраз и не пытаешься спорить с учёным французским мэтром.

Другая про Сотворенье. Какой-то Патынко Игорь. Такой же поэт и странник, как я и мои друзья. Купил я её случайно в глуши костромских рядов. Купил, а спустя немного уехал на пароходе сквозь ветер, портвейн и чаек куда-то, аж в Ярославль.

Теперь вот лежит на французе — философе и лингвисте. Такая прям вся цветная на чёрном Мишеле Фуко.

Я мог бы, наверное, долго ещё говорить о книгах, о чашках, часах и кофе, но... С кухни ко мне доходит такой соблазнительный запах. Жена уж зовёт на ужин. А ужин, такая штука...

Бессонница

Густая ночь. Я лежу на спине, рассматривая колыхание теней за окном. Почему-то очень тревожно. Представляются какие-то до ужаса грустные вещи. Типа ядерной войны или космической катастрофы.

Готов ли я к смерти?

Что моя жизнь?

Кого я успел сделать счастливым?

И был ли я сам счастлив?

И если мне осталось жить всего несколько часов, то что бы я хотел?

Что?

Ну, хотя бы в последний раз посмотреть на луну, на пепельные облака, вдохнуть свежую ночную тишину, искурить последнюю сигарету.

Я встаю, выхожу на веранду и успокаиваюсь. Любуюсь соснами в лунном свете, редкими облаками, звёздами...

В сознании происходит успокоение и просветление. Мысли начинают оформляться в стихи. И я негромко, стараясь не нарушать щебетание птиц, читаю:

Мне сегодня плохо и бессонно.

Как-то пусто, неудобно на душе.

И какой-то страх на сердце. Словно

Я уснул и не проснусь уже.

На самом-то деле страх уже отпустил. Но стихи, как правило, приходят по следам твоих чувств и событий. Лишь иногда я способен импровизировать, мгновенно переламаывая поток сознания в ритмически оформленные строки, заставляя действительность скользить в поэтическом танце и изменяться под воздействием стихов...

Ночь, собственно, уже и на исходе. Молочной дымкой стелется рассвет. И я записываю зачем-то эти впечатления. Как будто и в самом деле кому-то будет интересен этот полунощный бред.

Глоток одинокого утра

Последнее время у меня появилась привычка просыпаться в четыре утра и выходить на террасу. Обмакнуть головой в родниковую свежесть утренней прохлады. Улыбнуться восходящему солнцу. И возвратиться в тёплую постель, чтобы снова погрузиться в тени прерванных снов.

Июнь 1996 г.

СТИЛЬХИ

Пары параллельности

Разоблачая пространство,

А вот интересно — существует ли голос пространства?

Попадаешь в точку пересечения путей...

Что это — путь? Трава? Следы на дороге?

И, выгибая вектор постоянства,

Как хороши утраченные слог!

Устремляешься в неизвестное поле тревоги,

Почему-то просится рифма Боги...

В какую-то нескончаемую вереницу дверей...

Дверь — происходит от слова верить...

Что ждёт тебя на выходе, прохожий?

И сказал Иисус: «Будьте прохожими!»

Предположительно совсем другая жизнь,

Другая? То есть дружеская, не так ли?

Далёкий мир, на Землю непохожий.

«Походить» совершенного или несовершенного вида?

Кольцо каких-то безразмерных линий...

Топологически преобразённый ноль...

И мелкий шрифт, ушедший в комментарий...

Та самая бесконечность, поделённая на ничто.

*Дополнительный импульс, уточнивший координаты
смерти...*

Чем сильнее импульс, тем непонятнее смерть...

Я возвращаюсь. Птицы за окном.

Но это просто грёзы. Там ночь. Густая ночь. А ночью птицы спят.

Горячий чай. Густые сигареты.

Я сочиняю глупые куплеты.

Мне навевают мысли о земном.

Не нужно путать божий дар с говном.

И я в стихах разбрасываю меты

Павлиний пафос, словно хвост кометы.

И забываюсь безмятежным сном.

Спокойной ночи, стихоплётный гном.

Верховное верхоглядство

Предполагая существование верха,

Видишь в небе пролетающего стерха,

Предполагаешь одновременно и тяжесть.

Отпущенного на все четыре стороны, или на шесть...

И в любом случае необходима проверка,

Проверка для старого стерха. Проверка для старого стерха. Проверка...

Ведь как ни крути, а на вертикаль не ляжешь.

Но и асфальт ведь способен подняться. (Так говорят.)

Впрочем, это только вопрос понятий,

Так прям и хочется ляпнуть: «Мать их!»

Он не так существенен в построении речи.

А что, господа, не зажечь ли свечи?

Хотя можно и не понимая просто знать их

Вот так-то лучше, пусть, как говорится, светят!

И принимать: на сердце, на вкус, на плечи...

А я уверен, что понятия речь калечат. Или уродуют в просторечье.

Высшая ветреность

Может, просто ветер рассыпал слова.

Те слова, что бросают на ветер.

Может, просто дождик весело шуршал.

Звук дождя — лучший звук на свете.

Может быть, от осени кружилась голова.

И нейроны порхали в балете.

Или просто я куда-то уезжал.

Уезжал в никуда на рассвете.

Допущение зимы

Ну, допустим, сейчас зима.

Переходное время — март.

И от снега уже устал.

Как устал от вина и карт.

И стоит предо мной стена.

И лежит не дочитан Сартр.

И за нею не слышен гвалт.

Весёлый весенний гвалт...

Двойная песенка о бесе и ручье

Протекал через лес ручей.

Пробежал чёрный бес — ничей.

И струилась в песке вода.

И стремилась в тоске беда.

И стекала она с камней.

И мельчала вина над ней.

Как стекают с души года.

Как мельчают в глуши рода.

Я кораблик лететь пущу.

Не пора ли теперь к врачу.

Пусть свободно средь волн плывёт.

Путь довольно тернистый ждёт.

Я на берегу погрузу.

Не поверите, но шучу...

О судьбе, что, маня, несёт.

О судьбе, кто меня сомнёт.

NB: небо

Стрепет — птица семейства дроф.

Трепет сердца почти что нов.

Что ты можешь сказать о небе?

Состоящем из воздуха и облаков.

Что тебе твой прозрачный кров?

Иногда он — синь, иногда бирюзов.

Отслужи по нему молебен...

Молебен заблудившихся ветров...

ТЕРРИТОРИЯ АВТОРА

Любопытно было бы узнать, а что, собственно говоря, автор сделал после выхода первого тома этого самого неполного собрания сочинений? Да вот что:

КНИГИ:

а) Для детей

1. Смушок и алфавит. // Издательство ИНТЕРБУК. 16 стр. Тираж 20000 экз. (В виду сложных отношений автора и издателя, последний не счёл нужным указать в выходных данных фамилию первого.)
2. Шесть щенков. // Стихи./ Склеяная на картоне. 12 стр. Тираж 10000 экз. Издательство ЛИНГ.
3. Машины. // Стихи. / Склеяная на картоне. 12 стр. Тираж 15000 экз. Издательство ЛИНГ.
4. Профессии. // Стихи. / Склеяная на картоне. 12 стр. Тираж 10000 экз. Издательство ЛИНГ.

ИЗДАНИЯ:

1. Путешествие в Алкоголь. // Комплект открыток на троих. Тираж 50 пронумерованных экземпляров.
2. Вечный календарь системы Погарского. // Перекидной календарь. Может быть использован в любой год. / Тираж 500 экз., из них 170 с именной территорией. (Именные календари снабжены специальной инструкцией пользователя.) (Рисунки Д.Дроздецкого).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ:

1. Книга «Окно на Север». / Отпечатано способом шелкографии в 30 пронумерованных экземплярах (дизайн Я.Копорулина).
2. Книга ОЛИНАЗБУКА / Ручная работа (коллаж, смешанная техника), ручной переплёт, 1 экз. По заказу Ю.Н. Елашкина.
3. Книга «Шляпа Пушкина» / Отпечатано способом ручной шелкографии 6 июня 1999 года через двести лет со дня рождения поэта, в количестве 37 пронумерованных экземпляров. (Иллюстрации Дмитрия Дроздецкого)

ПУБЛИКАЦИИ:

1. Задачи про зверей и т.п. // Куча мала №8,9.

РЕЦЕНЗИИ: (ТЕ, ЧТО УДАЛОСЬ ОТСЛЕДИТЬ)

1. Неделя / Книжная колонка/ 4-10 февраля 1999 г.
2. Книжное обозрение № 7 от 16.02.99.
3. Книжное обозрение № 5 от 15.06.99.
4. Эклибрис НГ (примерно от 9.06.99.)

ВЫСТАВКИ:

1. Международная книжная ярмарка./ ВДНХ . Сентябрь 1998.
2. Книжный салон. /Нижний Новгород. Ноябрь 1998.
3. Выставка «Бутылка». / Шуя. Январь-февраль 1999.
4. Московская книжная ярмарка. / ВДНХ. 17-21 марта 1999.
5. Истории художников с востока. / Прага. 9-30 апреля 1999.

СОБЫТИЯ:

1. Презентация первого тома сих неполных собраний сочинений на Книжном салоне в Н.Новгороде.
2. Авторский вечер Poems Essay Novels of M.Pogarsky/ Русский ПЕН-центр, 21 января 1999.
3. Участие в открытии выставки «Бутылка» 29.01.99, ряд интервью всем средствам массовой информации Ивановской области + программа «ВЕСТИ» РТР (Стоял, как министр, обложенный со всех сторон микрофонами. Вроде пустячок, но приятно.)
4. Участие в художественной акции Евгения Стрелкова 11.03.99, состоящей в рисовании соляного знака углем на льду. (Эдакое Carbon-Ice-Art.)
5. Участие в семинарах и лекциях по теме «Книга художника и поэта». (Прага, Усти-на-Лабе).
6. Торжественная печать книги «Шляпа Пушкина» в «Московскрй Студии» с видом на Кремль, плавно переросшая в Фуршет, посвящённый поэту и поэта́м. (6.06.99.)
7. Выставка-презентация альманаха «Дирижабль» в галерее «МИТЬКИВХУТЕ-МАС» в Санкт-Петербурге (22.06.99.)

Впрочем, всё это не более чем какие-то вешки (опознавательные значки биографии), а самое главное, что автор жил и писал, и смотрел по вечерам на усыянное звёздами небо...

ТЕРРИТОРИЯ АТЛАСА

АТЛАС ИМЕЕТ:

Территорий —	17
Иллюстраций —	23
Страниц —	162
Абзацев —	3454
Строк —	8295
Слов —	78465
Знаков —	433929
Мыслей —	?

*На обложке рисунок Александра Данилова,
рисунки в тексте Дмитрия Дроздецкого,
портрет работы Дмитрия Дроздецкого.*

Михаил Валентинович Погарский

А Т Л А С ЗАПУЩЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

к н и г а - з а п о в е д н и к

Приложение № 8/3 к альманаху «Дирижабль»

художественный редактор Евгений Стрелков
редактор Елена Спирина
компьютерная вёрстка Дмитрия Хазана

*издание подготовлено при участии
издательства и дизайн-студии «Дирижабль»*

альманах «Дирижабль»,
лицензия №016100 от 14.05.97

603106, Нижний Новгород, а/я 17
Тел./факс: (8312) 33-60-49, Тел: (095) 564-51-45.

отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Чувашия»,
428019 г.Чебоксары, пр. И.Яковлева,13.

формат 75х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13. Тираж 200 экз. Заказ